

Concordiam

Журнал по проблемам безопасности и обороны Европы

■ ПРОТИВОСТОЯНИЕ АВТОКРАТИЧЕСКОЙ ДЕРЖАВЕ

Формула успеха

■ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ КАК ОРУЖИЕ

Как Китай создает финансовую зависимость

■ УПРАВЛЯЯ НАРРАТИВОМ

Пекин использует страницу из московской методички

■ СТОЛКНУВШИСЬ С НОВОЙ УГРОЗОЙ

Понимание модели гибридной войны

ПЛЮС

Помогая свободным странам преуспеть в
глобальной экономике

Защита систем высшего образования от
вредоносного влияния Пекина

Растущий интерес Китая к региону Западных
Балкан

ЕВРОПЕЙСКАЯ СТРАТЕГИЯ КИТАЯ

7 Европа для Китая — это игра в «Го»

Джозеф Ванн, профессор в Центре им. Маршалла

10 Игра по-честному

Хейно Клинк, бывший заместитель помощника министра обороны США по региону Восточной Азии, и **Майкл Райян**, бывший заместитель помощника министра обороны США по политике Европы и НАТО

Противодействие Китаю требует согласованных совместных действий.

18 По примеру Китая?

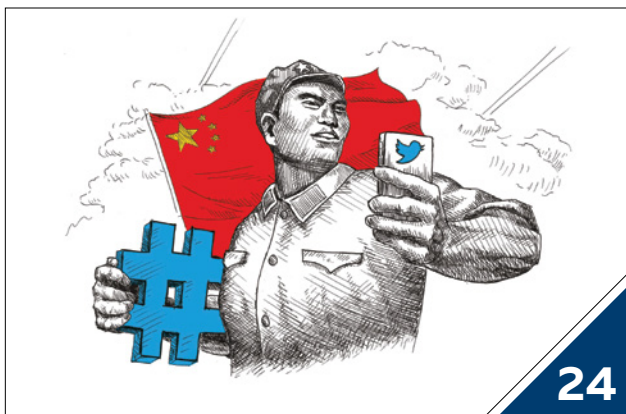
Тереза Фаллон, директор Центра исследований России, Европы и Азии

Влияние Пекина в Европе.

24 Война нарративов?

Д-р хабил Май-Бритт У. Штумбаум, руководитель группы по проекту «Безопасность Азиатско-Тихоокеанского региона» в Университете Бундесвера в Мюнхене, и **Сюзанна Камерлинг**, младший научный сотрудник исследовательской группы «Война, мир и справедливость» в Институте безопасности и глобальных проблем Лейденского университета, Гаага, Нидерланды

Противодействие Европы китайскому влиянию.

28 Место Китая в Европе

Янне Йокинен, заместитель директора программы «Общность интересов относительно гибридного влияния» в Европейском центре мастерства по противодействию гибридным угрозам

Применяя модель гибридных угроз.

34 Противодействие Китаю

Ян Фамфолле и **Якуб Янда**, Центр европейских ценностей по вопросам политики безопасности

Как противостоять злонамеренному экономическому влиянию Пекина.

40 Высшее образование и вопросы безопасности в Венгрии

Энн Клери, соискательница аспирантуры политических наук в Вестфальском университете им. Вильгельма в Мюнстере, Германия

Открытие доступа Китаю в Европу – последствия.

46 Турецко-китайские отношения

Д-р Джузеппе Гюрер, профессор Центра им. Маршалла

Экономические потребности и глобальные стремления.

52 Китай на Балканах

Д-р Вальбона Зенели, профессор Центра им. Маршалла, и **Фатхона Мейдини**, сотрудница организации Глобальная инициатива против международной организованной преступности

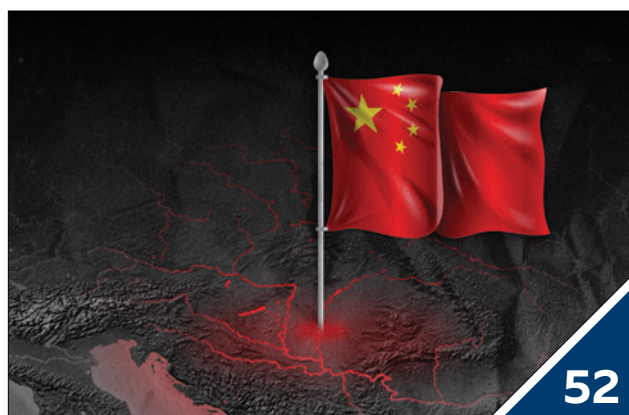
Противостояние региональному влиянию Пекина.

разделы

В каждом номере

- 4 ПИСЬМО ДИРЕКТОРА
- 5 АВТОРЫ
- 7 ТОЧКА ЗРЕНИЯ
- 64 РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ
- 66 ОПИСАНИЕ КУРСОВ

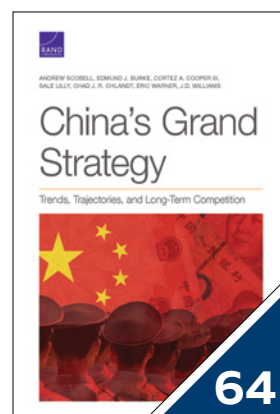

60 Солидарность ЕС проходит через серьезное испытание

Брент Кристенсен, старший политический советник, Азиатско-тихоокеанский центр изучения вопросов безопасности им. Даниела Иноуйе

Китайская кампания экономического принуждения в отношении Литвы.

Рецензия на книгу

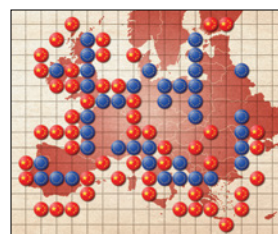
Генеральная стратегия Китая

Авторы: **Эндрю Скобелл, Эдмунд Бурк, Кортес Купер III, Сейл Лилли, Чэд Охландт, Эрик Уорнер и Дж. Д. Уильямс**

Рецензент: **Патрик Сван**, обозреватель журнала «per Concordiam»

Даже если Китай и достигнет своих стратегических краткосрочных целей, ему вовсе не предопределено судьбой занять место США и Запада в качестве глобальных арбитров международной политики и деятельности.

На обложке:

Деятельность Китая в Европе можно сравнить со стратегией в китайской настольной игре «Го».

ИЛЛЮСТРАЦИЯ «PER CONCORDIAM»

Следите за нами на Фейсбук и Твиттер

Фейсбук: @PerConcordiam
Твиттер: @Per_Concordiam

GEORGE C. MARSHALL
EUROPEAN CENTER FOR SECURITY STUDIES

В этом 45-м выпуске журнала «per Concordiam» мы рассматриваем широкий спектр деятельности Китая в Европе. Наш интерес к этому предмету связан с желанием осмыслить происходящее и сконцентрирован на тематике, которая будет интересна политическим деятелям в Европе и Соединенных Штатах.

За последние 20 лет мир наблюдал за стремительным ростом Китая, что делало более заметным его присутствие на международной арене. По мере того, как Китай расширял глобальное поле деятельности, и появлялось все больше возможностей для торговли с ним, преобладающим стало чувство оптимизма относительно того, что Китай превратится в страну-партнера с идеалами и ценностями, соответствующими основанному на правилах миропорядку. Однако, когда экономика Китая набрала обороты, на горизонте появились грозные тучи. Тревогу стали вызывать особенности торговой практики Китая. Но даже при этом, почти ослепляющий энтузиазм по поводу огромных неосвоенных китайских рынков заставил многих забыть об осторожности. Вскоре Коммунистическая партия Китая обрела больше уверенности в своей авторитарной модели правления и приняла воинственный тон в международной политике, стала создавать искусственные острова в Южно-Китайском море, вмешиваться в политическую жизнь Гонконга, угрожать Тайваню и угнетать уйгуров.

В этом выпуске авторы в общих чертах дают оценку различным аспектам деятельности Китая в Европе. В своей статье в разделе «Точка зрения» профессор Центра им. Маршалла Джозеф Ванн ставит вопросы относительно генеральной стратегии Китая в Европе. Хейно Клинк и Майкл Райян, являясь экспертами в вопросах геополитики, рассмотрели феномен соревнования великих держав применительно к Китаю и трансатлантическому альянсу. Директор аналитического центра Тереза Фаллон проливает свет на тенденции, характерные для деятельности Китая в европейских странах. Д-р Май-Бритт Штумбаум и Сюзанна Камерлинг рассуждают об основных европейских мерах противодействия китайским операциям влияния.

Другие авторы сосредоточили внимание на отдельных примерах деятельности Китая. Янне Йокинен из Европейского центра мастерства по противодействию гибридным угрозам анализирует, каким образом Китай задействует гибридные методы. Д-р Ян Фамфолле и Якуб Янда из Центра европейских ценностей по вопросам политики безопасности более глубоко рассматривают вредоносное экономическое влияние Китая в Европе. Энн Клери детально описывает китайские способы проникновения в образовательный сектор Венгрии, а профессор из Центра им. Маршалла д-р Джузеппе Гюрер дает нам картину того, как Турция выполняет для Китая уникальную роль «ворот» в европейскую экономическую зону.

Профессор Центра им. Маршалла д-р Вальбона Зенели и Фатхона Мейдини, сотрудница организации Глобальная инициатива против международной организованной преступности, предоставили нам убедительную картину китайского участия в инфраструктурных проектах и китайской практики кредитования в регионе Западных Балкан. И наконец, Брент Кристенсен из Азиатско-тихоокеанского центра изучения вопросов безопасности рассматривает тему испортившихся дипломатических отношений между Литвой и Китаем.

Я с удовольствием рекомендую вашему вниманию этот выпуск журнала, посвященный той важной роли, которую будет играть Китай в Европе и во всем мире и наиболее эффективным способом реагирования со стороны западных союзников. Как всегда, Центр им. Маршалла приветствует ваши комментарии. Связаться с нами можно по адресу электронной почты editor@perconcordiam.org

Искренне ваш,

Барри Сегуин
Директор

Барри Сегуин

*Директор
Европейского центра
по изучению вопросов
безопасности им. Дж. К.
Маршалла*

Барри Сегуин ушел в отставку из ВВС США в звании генерал-лейтенанта в октябре 2020 г. после более чем 31 года действительной службы. Его последняя должность – заместитель начальника штаба, отдел стратегических кадров, Верховное главнокомандование Объединенных вооруженных сил в Европе в Бельгии. Он поступил на действительную службу в 1989 г. как закончивший с отличием выпускник Учебного корпуса офицеров резерва после окончания Государственного университета Нью-Йорка в г. Потсдам, штат Нью-Йорк. Он служил на таких летных должностях как инспектор, пилот-инструктор, главный офицер эскадрильи по вопросам безопасности и операций, а также занимал командные должности на уровне авиаотряда, авиагруппы, эскадрильи и Воздушно-космической экспедиционной рабочей группы. Он занимал следующие командно-штабные должности: командующий 9-й Воздушно-космической экспедиционной рабочей группой в Афганистане и воздушным командованием НАТО в Кабуле, Афганистан; начальник отдела стратегии, сотрудничества и программ Африканского командования в г. Штутгарт, Германия; командующий 31-й эскадрилей истребителей на базе ВВС Авиано в Италии; и генеральный инспектор штаба боевого воздушного командования.

Энн Клерри – соискательница аспирантуры Школы политических наук в Вестфальском университете им. Вильгельма в Мюнстере, Германия. У нее степень магистра в области международного развития от Бристольского университета в Англии.

Брент Кристенсен – старший советник по разработке политического курса в Азиатско-тихоокеанском центре изучения вопросов безопасности им. Даниела Иноуе в Гонолулу. Он находился на дипломатической службе США более 30 лет и специализировался на вопросах, связанных с Тайванем и Китаем.

Тереза Фаллон – основатель и директор Центра исследований России, Европы и Азии в Брюсселе. Она является членом таких организаций как Совет по сотрудничеству в вопросах безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе, Группа Лойзаха, рабочая группа по вопросам искусственного интеллекта и кибербезопасности при Центре по изучению европейской политики и некоммерческий Национальный комитет по американо-китайским отношениям.

Д-р Ян Фамфолле – председатель наблюдательного совета Центра европейских ценностей по вопросам политики безопасности и аналитик Министерства финансов Чешской Республики. У него докторская степень по международным экономическим отношениям.

Д-р Джузеппе Гюрер – профессор в Центре им. Маршалла, специализирующийся на вопросах международной безопасности. Его исследовательские интересы и профессиональная квалификация охватывают такие области как международная безопасность, динамика региональной безопасности, перемещение людей в результате конфликтов и негосударственные субъекты в современных конфликтах. Он читает лекции по тематике взаимодействия внутренней политики Турции и процессов ее политики региональной безопасности.

Якуб Янда – директор Центра европейских ценностей по вопросам политики безопасности в Чешской Республике. Он изучает меры, принимаемые демократическими государствами в ответ на враждебную дезинформацию и операции влияния. Он член действующего резерва Вооруженных сил Чехии.

Янне Йокинен – заместитель директора программы «Общность интересов относительно гибридного влияния» в Европейском центре мастерства по противодействию гибридным угрозам. Он откомандирован на эту должность Министерством иностранных дел Финляндии, где он работал на должности заместителя директора Отдела планирования политики и разработки исследований в период с 2017 г. по 2020 г.

Сюзанна Камерлинг – младший научный сотрудник исследовательской группы «Война, мир и справедливость» в Институте безопасности и глобальных проблем Лейденского университета, Гаага, Нидерланды, и старший менеджер программ в университете. В прошлом она занимала должность руководителя исследований Азиатско-тихоокеанской исследовательско-консультативной сети.

Хейно Клинк – основатель компании «Klink Global LLC» в американском штате Вирджиния, фирмы стратегических консультаций, специализирующейся на международной политике в сфере обороны и безопасности, правительственных отношениях и стратегическом планировании. В 2019-2021 гг. он работал на должности заместителя помощника министра обороны США по Восточной Азии.

Фатхона Мейдини – координатор работы сети контактов на балканах для независимой организации Глобальная инициатива против международной организованной преступности. У нее степень бакалавра журналистики от университета в Тиране и магистра по госуправлению.

Майкл Райян был на должности заместителя помощника министра обороны США по политике Европы и НАТО после завершения карьеры в ВВС США и в Службе старших руководителей США. Он также работал в штаб-квартире НАТО, в Миссии США в Европейском союзе, в штаб-квартире Европейского командования США и в канцелярии министра обороны США.

Д-р Хабил Май-Бритт У. Штумбаум – руководитель группы по проекту «Безопасность Азиатско-Тихоокеанского региона» в Университете Бундесвера в Мюнхене и бывший руководитель Азиатско-тихоокеанской исследовательско-консультативной сети при Европейском союзе.

Джозеф Ванн – профессор Центра им. Маршалла, специализирующийся на вопросах международной безопасности, а также директор программы центра «Борьба с международной организованной преступностью». Область его знаний охватывает проблемы международной безопасности и разработку национальных стратегий безопасности.

Д-р Вальбона Зенели – профессор, читающий лекции по тематике национальной безопасности, и заведующая кафедрой стратегических инициатив в Центре им. Маршалла. Она стипендиат заочной формы обучения от организации «Будущее Европы» в Институте гуманитарных наук в Вене на период 2019-2021 гг. и изучает интересы Китая в регионе Западных Балкан.

Китай

Том 12, № 1, 2022

Пишущий редактор

Джозеф Ванн

*Европейский центр
по изучению вопросов
безопасности им.
Дж. К. Маршалла:*

Руководство

Берри Сегуин
Директор

Тим Макадир
Заместитель директора (США)

Гельмут Доцлер
Заместитель директора (Германия)

Центр им. Маршалла

Европейский Центр по исследованию вопросов безопасности имени Джорджа К. Маршалла – это совместный немецко-американский центр, основанный в 1993 г. Задачей центра является поддержка диалога и понимания между европейскими, евразийскими, североамериканскими и другими государствами. Тематика его очных курсов обучения и информационно-разъяснительных мероприятий: большинство проблем безопасности в 21 веке требуют международного, межведомственного и междисциплинарного подхода и сотрудничества.

Контактная информация:

«per Concordiam» editors

Marshall Center

Gernackerstrasse 2

82467 Garmisch-Partenkirchen

Germany

editor@perconcordiam.org

«per Concordiam» является профессиональным журналом, публикуемым ежеквартально Европейским командованием США и Европейским центром по изучению вопросов безопасности имени Джорджа К. Маршалла, посвященный вопросам обороны и безопасности в Европе и Евразии для ученых и экспертов, занимающихся проблемами обороны и безопасности. Высказанные в журнале взгляды не обязательно отражают политику или точку зрения этих организаций или других государственных ведомств Германии и США. Мнения, высказанные авторами статей, принадлежат исключительно этим авторам. Министр обороны принял решение о том, что публикация этого журнала необходима для поддержания связей с общественностью, как того требует от Министерства обороны США действующее законодательство.

ISSN 2166-4080 (печатные издания)
ISSN 2166-417X (интернет)

ДВОЙНОЙ ОБЪЕМ ОНЛАЙН

1) Читайте новые и старые выпуски «per Concordiam»:

<https://perconcordiam.com>

Отправляйте статьи, отзывы и запросы на подписку в
Центр им. Маршалла по адресу: editor@perconcordiam.org

2) Еженедельно получайте самые свежие новости о
глобальной безопасности:

transnational
weekly
<https://www.marshallcenter.org>

ЕВРОПА ДЛЯ КИТАЯ – ЭТО ИГРА В «ГО»

Джозеф Ванн, профессор в Центре им. Маршалла | Фотографии Ассошиэйтед Пресс

Если посмотреть на нынешнюю глубину и масштабы китайской деятельности в Европе – имеется в виду деятельность Китая в экономической, научной, культурной, политической, академической и социальной сферах по всей Европе – то увидите, что картина похожа на настольную игру «Го» (известна также под названием «Вэйчи»). Тем, кто не знаком с этой игрой, необходимо только знать, что игра основана на стратегии, а ее цель – окружение противника. Будучи игрой более сложной, чем шахматы и, по оценкам, с большим вариантом ходов, чем количество атомов во вселенной, «Го» представляет собой комбинацию генеральных стратегий, оперативного искусства и тактических битв, которые реализуются на игровой доске одновременно. В отличие от шахмат, где все фигуры ставятся на доску в начале игры, в «Го» фигуры добавляются по ходу игры – точно так же, как китайское наступление на Европу начиналось и продолжается в настоящее время.

Следует рассмотреть параллели между игрой в «Го» и деятельностью Китая в Европе. «Го» – это почитаемая в китайской культуре игра, в которую играют не одно столетие. Она часто упоминается в учениях Конфуция и Сунь Цзы. Она даже использовалась для того, чтобы придать смысл революционной стратегии Мао, стоящей за его Великим походом. Говорят, что бывший госсекретарь США Генри Киссинджер придерживался идеи понимания игры в контексте понимания стратегии Китая.

Также как и в игре в «Го», сотрудничество Китая в Европе представляет собой стратегию окружения оппонента на поздних этапах игры. По всей Европе Китай активно занимается приобретением компаний, инфраструктурными проектами, академическим сотрудничеством, заключением соглашений в сфере исследований и развития, спонсированием аналитических центров и участием в «дипломатии панды». Все эти виды деятельности щедро финансируются и планируются под контролем руководства Коммунистической партии Китая (КПК). В число приобретаемых Китаем

Суть китайской игры «Го» заключается в том, чтобы окружить своими маркерами гораздо большую территорию, чем противник и захватить фигуры противника, окружив их. Между игрой «Го» и стратегией Китая в Европе существует много параллелей.

европейских предприятий входят компании, работающие в различных сферах – от энергетики и передовых технологий до здравоохранения. Однако, в последнее время все больше уделяется внимания сектору чувствительных высоких технологий. В любых формах китайского сотрудничества в Европе степень влияния и надзора госорганов Китая очень высока.

Давая оценку деятельности Китая в регионе, важно понимать, что это не просто китайские инвестиции или приобретение китайцами европейских компаний. За этим стоит гораздо большее, а именно влияние и эффективное применение «мягкой силы». Убедительным подтверждением этого является то, что Пекин важное значение придает рабочему отделу «Единый фронт», созданному с целью контроля за операциями влияния, проводимыми КПК. Широко известные средства дезинформации и пропаганды Китая, отточенные до

совершенства у себя в стране, теперь применяются в Европе. По имеющимся данным, Китай вложил 3,5 млрд. долл. США в европейские медийные платформы, что дало ему уникальные возможности влиять на медийный контент. Исследование, проведенное базирующейся в Праге неправительственной и некоммерческой организацией АМО, детально исследует взаимосвязь между китайскими инвестициями в европейские СМИ и последующим переходом от негативной и нейтральной тональности при освещении событий в Китае к исключительно положительной.

Работник ресторана в Пекине устанавливает китайский флаг возле карты Китая, на которой написано: «Китай, Южно-Китайское море, территориальное право Китая не нуждается в арбитраже». Китай проигнорировал решение международного арбитража относительно его планов расширения территорий в Южно-Китайском море.

Проникновение Китая в европейские СМИ – лишь один из примеров такой методологии стратегического окружения. В 2019 г. Европарламент поднял вопрос относительно проекта «Безопасный город» в Сербии, который, по сути, представляет собой высокотехнологичную систему наблюдения для правоохранительных органов, основанную на передовой технологии распознавания лиц, разработанной китайской компанией «Хуавей» и произведенной китайским госпредприятием «Хиквижн». В этом случае вопросы в основном касались того раздела китайского закона о национальной безопасности, который требует, чтобы компании передавали в разведслужбы Пекина имеющиеся в их распоряжении данные.

Вопросы о том, как эти вроде бы разрозненные проекты поддерживают стратегию Пекина «Один пояс, один путь», заслуживают отдельного исследования. Однако компартия Китая – это отнюдь не прозрачная организация. В отличие от западных демократий,

авторитарный и централизованный механизм управления в Пекине позволяет КПК поощрять или принуждать госпредприятия к следованию инвестиционным стратегиям, цели которых совпадают с целями ее долгосрочной национальной стратегии. В результате, Пекин в состоянии спланировать национальные усилия в глобальном масштабе для достижения своих стратегических целей. Возможно, наиболее ярким примером является недвусмысленная направленность инвестиций в европейские компании или приобретения, напрямую поддерживающие генеральный промышленный план «Сделано в Китае 2025», нацеленный на превращение Китая в технологическую супердержаву.

Если посмотрим на опыт США, то увидим, что плата за деловое сотрудничество с Китаем была просто огромной. Компании, стремившиеся получить быструю отдачу от инвестиций, добровольно передавали китайским компаниям неисчислимые объемы интеллектуальной собственности в качестве платы за возможность работать в Китае. Надежды на то, что им удастся получить благоприятные торговые условия или разработать новые технологии, оказались близоруким подходом. Упорное стремление Пекина заставить иностранные компании отказаться от своей интеллектуальной собственности в качестве условия ведения бизнеса избавило китайские компании от необходимости длительного и дорогостоящего процесса проведения исследований и разработок. Совокупный эффект от получения технологических знаний в многочисленных отраслях бизнеса позволил Пекину ускорить развитие китайской экономики в невероятно короткие сроки, чего он вряд ли смог бы добиться самостоятельно.

Это отнюдь не означает, что китайцы недостаточно умны. Они чрезвычайно умны и очень прагматичны в понимании того, как функционируют западные демократии. За последние два десятилетия Пекин отлично использовал в своих целях слабые и уязвимые места западных правительств и деловых кругов. КПК имеет централизованное правление, что позволяет ей сосредоточить ресурсы на выполнении поставленной задачи, как это делают крупные глобальные бизнес-конгломераты. Это позволяет Пекину в приказном порядке распределять роли и обязанности между китайскими компаниями и различными государственными органами.

Однако, глядя на общую картину, становится понятно, что дело не столько в том, насколько умны китайцы, сколько в том, насколько неосмотрительными оказались западные страны. Обычно период в 20-30 лет составляет одно поколение людей. Похоже, что Запад как единый механизм страдает от поколенческой динамики, мешающей его способности играть в долгосрочную стратегическую игру. Сегодняшние западные политики и крупные бизнесмены, как правило, более молодые и принадлежат к поколению

людей, выросших после окончания холодной войны. Понимание этого привело к тому, что нынешний основанный на правилах миропорядок, которому уже более 70 лет, не до конца осознается и ценится и не является ключевым фактором при принятии долгосрочных политических и экономических решений.

Аналогичным образом, Пекин демонстрирует пренебрежение правилами и соглашениями, которые он находит неудобными для себя, причем за это он десятилетиями не нес никакой ответственности. Это отсутствие подконтрольности становится все более явным и заслуживает внимания со стороны западных лидеров. Создание островов в Южно-Китайском море беспрепятственно продолжается. После того, как в 2016 г. Китай проиграл арбитражное дело по ситуации в Южно-Китайском море в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву, он просто проигнорировал решение арбитража. В другом случае, Великобритания призвала Пекин к ответу за нарушение условий китайско-британской совместной декларации 1984 г., гарантирующей Гонконгу права и свободы после его перехода под управление Китая в 1997 г. В своем заявлении Великобритания прямо указала: «Решение Пекина ввести радикальные изменения по ограничению участия в избирательном процессе Гонконга представляет собой еще одно безусловное нарушение юридически обязательной китайско-британской совместной декларации ... частью политики по притеснению и подавлению любой критики в отношении действий Китая». Лишение свободы одного миллиона уйгурских мусульман и жестокое обращение с многочисленным уйгурским населением в провинции Синьцзян является еще одним примером позиции безнаказанности Пекина, нарушающего международные нормы.

Другие примеры пренебрежения к международному праву не менее возмутительны. По данным Агентства США по кибербезопасности и безопасности инфраструктуры (CISA), приписываемая китайскому правительству киберактивность была и по-прежнему остается нацеленной на промышленные компании и организации в США, в том числе в таких секторах как здравоохранение, финансовые услуги, оборонный комплекс, энергетика, правительственные учреждения, химическая промышленность, производство критически важной продукции (включая автомобильную и аэрокосмическую), коммуникации, информационные технологии (включая поставщиков услуг внешнего управления), международная торговля, образование, видеоигры, религиозные организации и юридические фирмы. CISA также выявило, что Китай проводит по всему миру операции похищения интеллектуальной собственности и чувствительной информации у критически важных инфраструктурных организаций, включая медицинские и фармацевтические

Газетный киоск в Гонконге со сложенными экземплярами газеты «Apple Daily» с фотографией гонконгского медиамагната Джимми Лай, арестованного в 2020 г. в соответствии с новым китайскими законом о национальной безопасности. Этот закон заставил издание прекратить работу.

исследовательские центры, работающие над средствами противодействия пандемии COVID-19.

Китай присоединился к Всемирной торговой организации немногим более 20 лет назад и уже зарекомендовал себя в качестве представляющего опасность экономического субъекта. Сейчас, когда в зависимости от механизма оценки, Китай считается крупнейшей или второй крупнейшей экономикой мира, его роль на экономическом поле боя неоспорима. Это остро ставит вопрос о том, что нас ждет в будущем. Огромная зависимость от китайских цепочек поставок особенно проявилась в Европе и других регионах мира во время пандемии COVID-19. Однако, пандемия совсем не должна была стать для нас отрезвляющим сигналом. Многие из того, что делает Китай, должно вызывать у нас беспокойство, но мы неспособны видеть это как комплексное явление, что снижает наше восприятие серьезности действий Пекина и их последствий для Европы.

Подводя итоги произошедших за последние 20 лет событий, становится ясно, что мы все вместе позволили Пекину диктовать свои правила в этой нечестной игре. Мы безрассудно ожидаем, что со временем произойдут какие-то позитивные перемены. К сожалению, никаких позитивных изменений не происходит, и мы имеем дело с еще более осмелевшим и сильным Пекином, продолжающим и дальше пользоваться наивностью Запада. И снова текущие события заставляют нас вспомнить поговорку: «Надежда – это не стратегия». Сохранение ключевых европейских ценностей не должно стать предметом переговоров. И осознание этой реальности прямо сейчас является неизбежным стратегическим императивом. □

ИГРА ПО-ЧЕСТНОМУ

**Противодействие Китаю требует
согласованных совместных действий**

Хейно Клинк, бывший заместитель помощника министра обороны США по региону Восточной Азии, и
Майкл Райян, бывший заместитель помощника министра обороны США по политике Европы и НАТО

«
В стратегии длинный обходной путь часто оказывается самым коротким».

~ Историк Лиддел Харт

«
Непрямой подход безусловно представляется наиболее
обнадеживающей и экономичной формой стратегии».

~ Сунь-Цзы

Стремление Запада выдать желаемое за действительное в отношении т.н. мирного роста Китая, хотя и с опозданием, подошло к своему бесславному концу. Привлекательность дешевого китайского производства и ненасытный рынок Китая, при опасном сочетании простодушия и халатности, привели к десятилетиям игнорирования нарушения Коммунистической партией Китая (КПК) прав человека, краж интеллектуальной собственности, ревизионистской истории, безудержного роста военной мощи и двуличности в целом. Наконец, демократические государства-единомышленники с неохотой признали, некоторые более публично чем другие, что Китай является зловредным субъектом. Все отчетливее становится видно, что в Китае рост всех элементов национального могущества сопровождается и направляется генеральной стратегией, являющейся антиподом западному образу жизни. И действительно, подготовленный Министерством обороны США в 2021 г. «Доклад о состоянии военной мощи Китая», в котором используется официальное название страны – Китайская Народная Республика (КНР) – особо указывается следующее:

Стратегия КНР нацелена на достижение «великого возрождения китайского народа» к 2049 г. с тем, чтобы сравняться или превзойти США по глобальному влиянию и мощи, ликвидировать американские союзы и партнерства в сфере безопасности в индо-тихоокеанском регионе и сделать международный порядок более выгодным для авторитарной системы Пекина и его национальных интересов. Эту стратегию можно охарактеризовать как далеко идущее целенаправленное стремление к расширению национальной мощи КНР.

Как унитарный авторитарный субъект с заявленной целью стать к 2049 г. доминирующей глобальной державой, Китай обладает конкурентным преимуществом по двум простым причинам: единство усилий и

единство цели. Единство цели означает, что дисциплинированный авторитарный режим может скоординировать и объединить все элементы национальной мощи в реализации целенаправленной комплексной стратегии. Авторитарные режимы могут принимать решения быстрее, привлекать необходимые ресурсы более оперативно и в соревновании или в конфликте оставаться на выбранном пути дольше чем разрозненная группа демократически избранных правительств просто потому, что последние получают свою власть через равные интервалы от тех, кем они управляют. Единство цели означает, что стратегическая сплоченность, присущая реализации режимом спланированной стратегии, предназначена для достижения единого видения цели, что в случае с Китаем это означает превращение в исключительную мировую нацию за три десятилетия, что должно совпасть со столетней годовщиной правления компартии в Китае.

Эта долгосрочная перспектива представляет собой еще одну конкурентную выгоду для унитарного авторитарного субъекта, прибегающего к стратегическому терпению, что делает возможным применение непрямых подходов, нацеленных на то, чтобы ослабить оппонентов посредством благоразумия вместо того, чтобы применять к ним военную силу. Организованный авторитарными субъектами, непрямой подход коварно использует бесчестные приемы, чтобы подорвать способность и волю других к сопротивлению, одновременно с этим повышая относительную силу и влияние авторитаров. Такой разрушительный подход, невидимый в сегодняшней сложной экономической хореографии, особенно эффективен при столкновении друг с другом наших конкурирующих приоритетов, интересов и даже союзников.

Понимание этих фундаментальных выгод является ключом к распознаванию истинного намерения в действиях Китая и других авторитарных субъектов. А затем мы должны создать эффективный многосторонний механизм противостояния и всем вместе остаться хозяевами собственной судьбы, защитить и обезопасить

наш образ жизни от хищнического поведения тех, кто смотрит на мир не так, как мы и придерживается совершенно иных взглядов на формы правления, свободу и права человека.

В качестве первого шага нам необходимо признать, что у нас действительно есть проблема. Проблема эта не в Китае и не в нашем противостоянии авторитаристическим режимам в целом. Проблема в нашей неспособности отдать приоритет этому новому коллективному императиву, а не нашим национальным интересам. Наше растущее понимание того, что Китай реализует многостороннюю, непрямую долгосрочную стратегию должно дать нам тревожный сигнал об ожидающей нас западне в виде нашей собственной стратегической несогласованности. Угроза, которая просматривается в напористом использовании Китаем элементов национальной мощи по всему миру в контексте своих амбиций, должна вселить тревогу, что мы, все мы, стоим перед вероятностью того, что наш образ жизни будет нам диктоваться Пекином. Перефразируя выражение, часто приписываемое Владимиру Ленину, коммунистический Китай повесит нас на веревке, которую мы ему сами продали.

Второй шаг состоит в том, чтобы признать, что только слаженные и эффективные многосторонние действия смогут сохранить нашу независимость, процветание и образ жизни. Основанный на правилах мировой порядок, созданный после катаклизма Второй мировой войны, стремился закрепить такой эффективный и инклюзивный принцип многосторонних отношений во всем мире, при котором конфликт взглядов разрешался бы исключительно мирным путем. Коллективный опыт мировых войн просто требовал введения такого всестороннего подхода к коллективной безопасности. После того, как Советский Союз набрал силу, коллективная оборона стала важной частью эффективной реализации принципа многосторонних отношений для свободных стран в рамках механизма сдерживания. После окончания холодной войны и двухполярной конфронтации необходимость в урегулировании кризисных ситуаций, сначала на Балканах, а затем и в других регионах, подчеркнула приверженность государств эффективному принципу многосторонних отношений по мере того, как соответствующие национальные интересы все меньше и меньше оказывались под угрозой постоянно отдаляющихся ситуаций конфронтации. Через 30 лет после падения Берлинской стены поколения новых лидеров, привыкших к миру, процветанию и неограниченным свободам, теперь стоят перед трудным выбором своих предков: сдерживать, противостоять или умиротворять диктаторов с их возрастающей силой и амбициями. Есть, тем не менее, и четвертый путь. Наши институты и усвоенные за последние 75 лет уроки предлагают нам возможность подняться до уровня более слаженного единого подхода и ввести честные правила игры в области международных отношений, особенно применительно к Китаю, но также и в наших отношениях с Россией, Ираном, Северной Кореей и другими странами.

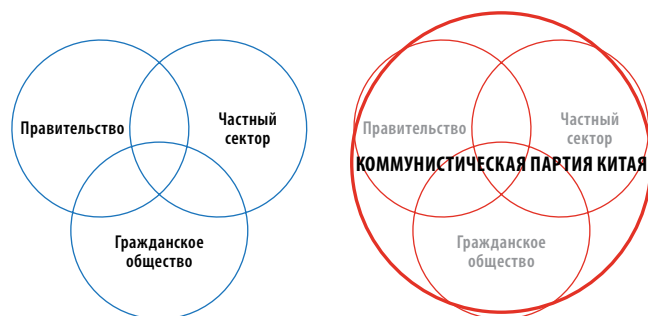
Проблема:

ЧЕМУ МЫ ДОЛЖНЫ НАУЧИТЬСЯ

Почему мы не в состоянии поставить наше коллективное сопротивление попыткам Китая доминировать над нами выше наших индивидуальных интересов безопасности?

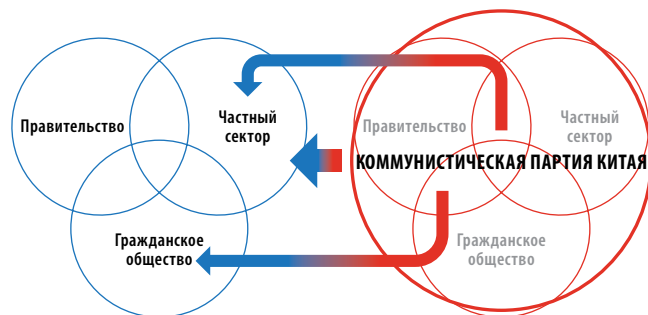
Конкурирующее преимущество Китая как унитарного субъекта перед свободными странами происходит от возрастающей доминирующей роли КПК в частном секторе и гражданском обществе Китая. В этом смысле КПК применяет в отношениях с другими обществами внешне безобидные, законные и легитимные формы сотрудничества для того, чтобы внедриться и закрепиться в системах и институтах других стран, одновременно с этим оставаясь вне досягаемости и влияния большинства иностранных правительств.

СИЛЬНЫЕ КОНКУРЕНТНЫЕ СТОРОНЫ КИТАЯ

Огражденный от пристального внимания со стороны правительств, этот непрямой подход способствует проникновению и манипуляциям Китая посредством налаживания связей, предоставления финансирования, установления партнерских отношений и мелкого воровства, повышая влияние Китая в ключевых сферах промышленности и общества в других странах. Даже сейчас китайские прямые иностранные инвестиции в Европе, уже признанные в качестве растущей угрозы для ключевых отраслей индустрии, прячутся за положениями законодательства о контрактах, что позволяет перекрывать доступ правительственных инспекторов к деталям сделок.

НЕПРЯМОЙ ПОДХОД

Успех непрямого подхода Китая очевиден в отношениях Европейского союза к КПК. То, что некоторые в Европе называют попыткой сбалансированных отношений между США и Китаем и/или чисто экономическим привлечением китайских капиталов, на самом деле представляет собой смертельное падение вниз нашего западного образа жизни по мере того, как Китай медленно и тихо затягивает петлю. Реальность состоит в том, что агрессивность и наполеоновскость Китая во всех сферах стала настолько открытой, что неудобную правду стало уже невозможным игнорировать в суверенных европейских столицах, а также и в институциональных штаб-квартирах НАТО и ЕС. В 2019 г. ЕС определил Китай как системного соперника, признав усилия КПК по подрыву свободного и открытого миропорядка и продвижению собственных интересов за счет других стран. Пока Европейская комиссия пыталась выработать стратегию сотрудничества, которая бы защищала Европу, ЕС не смог распознать смертельную опасность примирительных экономических предложений КПК. Для того, чтобы заменить США в качестве доминирующей мировой державы, Китай, прежде всего, должен отделить Европу от Северной Америки и разорвать или хотя бы истощить трансатлантические экономические связи, которые продолжают укреплять как Европу, так и США. Эти усилия в рамках политики «разделяй и властвуй», являющейся частью непрямого подхода, превращающего краткосрочную жажду наживы в долгосрочную слабость, приведут к тому, что если их не сдерживать, Европа превратится в вассала Китая, а Америка должна будет отбиваться в одиночку.

Китайская стратегия «Один пояс, один путь», позднее переименованная в инициативу «Пояс и путь» – это игра, где ставка высока, и ставка эта – захват европейской экономики. Учитывая растущие цены на энергоносители, стареющее население и хроническую безработицу, несмотря на постоянно сокращающиеся трудовые ресурсы, Европа, похоже, готова не замечать многочисленные недемократические проступки КПК в обмен на экспортные рынки, дешевые товары и легкодоступные инвестиции в европейскую инфраструктуру. Со своей стороны, китайцы готовы этим воспользоваться.

КПК рассматривает нынешнюю международную систему как прямую противоположность ее собственной авторитарной системе и как недопустимое препятствие на ее пути к достижению долгосрочных целей. По существу, последствия деятельности Китая, его шагов и исходных целей подрывают как ценности, так и, что очень заметно, интересы американских трансатлантических союзников во всех аспектах их национального могущества. Такую ситуацию сокращенно называют **ДИВЭ**:

В дипломатии Китай много лет придерживался «принципа 24-х иероглифов» Ден Сяопина, которые приблизительно переводятся следующим образом: «Наблюдай спокойно; укрепи наши позиции; справляйся с делами без суеты; скрывай наши возможности и умей выжидать; старайся быть не очень

заметным; и никогда не претендуй на лидерство». От этих принципов отказались после прихода к власти Си Цзиньпина, и их заменили такие действия как пересмотр обязательств относительно автономии Гонконга, закрепленных в Китайско-британской совместной декларации; наказание Норвегии за решение Нобелевского комитета признать китайского активиста в области прав человека; а также недавние попытки изолировать Литву и Чешскую Республику за их установление более тесных отношений с Тайванем.

В информационной среде Китай создал имидж мирной неинтервенционистской страны, последнее столетие страдавшей от рук западных держав. Распространение Институтов Конфуция по всей Европе усилило нарратив «мягкой силы», выгодный Пекину. Эти «институты» все чаще становятся центрами распространения усилий, направленных на запугивание и вмешательство во внутренние дела принимающих стран. Дошло и до более серьезных обвинений, когда в 2019 г. был выслан из страны обвиненный в шпионаже директор Института Конфуция в Брюсселе.

Что касается **военного** аспекта, Европа предоставила Народно-освободительной армии Китая (НОАК) доступ к натовским тактическим приемам, методам и процедурам. В то время как американо-китайское военное сотрудничество ограничено Законом США о полномочиях в области национальной обороны 2000 г., НОАК использует свою учебную программу на курсах Европейского профессионального военного образования (ЕПВО) и другие мероприятия военного сотрудничества для получения от ближайших союзников Америки тех знаний, которые они не смогли получить прямо от США. Более того, присутствие ВМФ Китая в Средиземном и Балтийском морях, а также растущее военное сотрудничество с Россией сделало восхождение Китая тем обстоятельством, с которым НАТО сегодня приходится бороться.

В экономическом аспекте Европа была источником капитала, технологий и других ресурсов, необходимых для быстрого роста Китая. В каком-то смысле Европа заменила США, которые с большей неохотой давали доступ к чувствительным технологиям, информации и ноу-хау. Недостаточная общественная информированность, отсутствие действенных процедур как на уровне каждого государства, так и на уровне ЕС в целом, подобным тем, что заложены Комитетом по иностранным инвестициям в США, а также неспособность достичь политического консенсуса позволили Китаю использовать в своих интересах лазейки, о чем не было широко известно до тех пор, пока Китай не приобрел немецкую роботостроительную компанию «Kuka» и попытался купить

ЕВРОПА В ЛОГИСТИЧЕСКОМ КОЛЬЦЕ

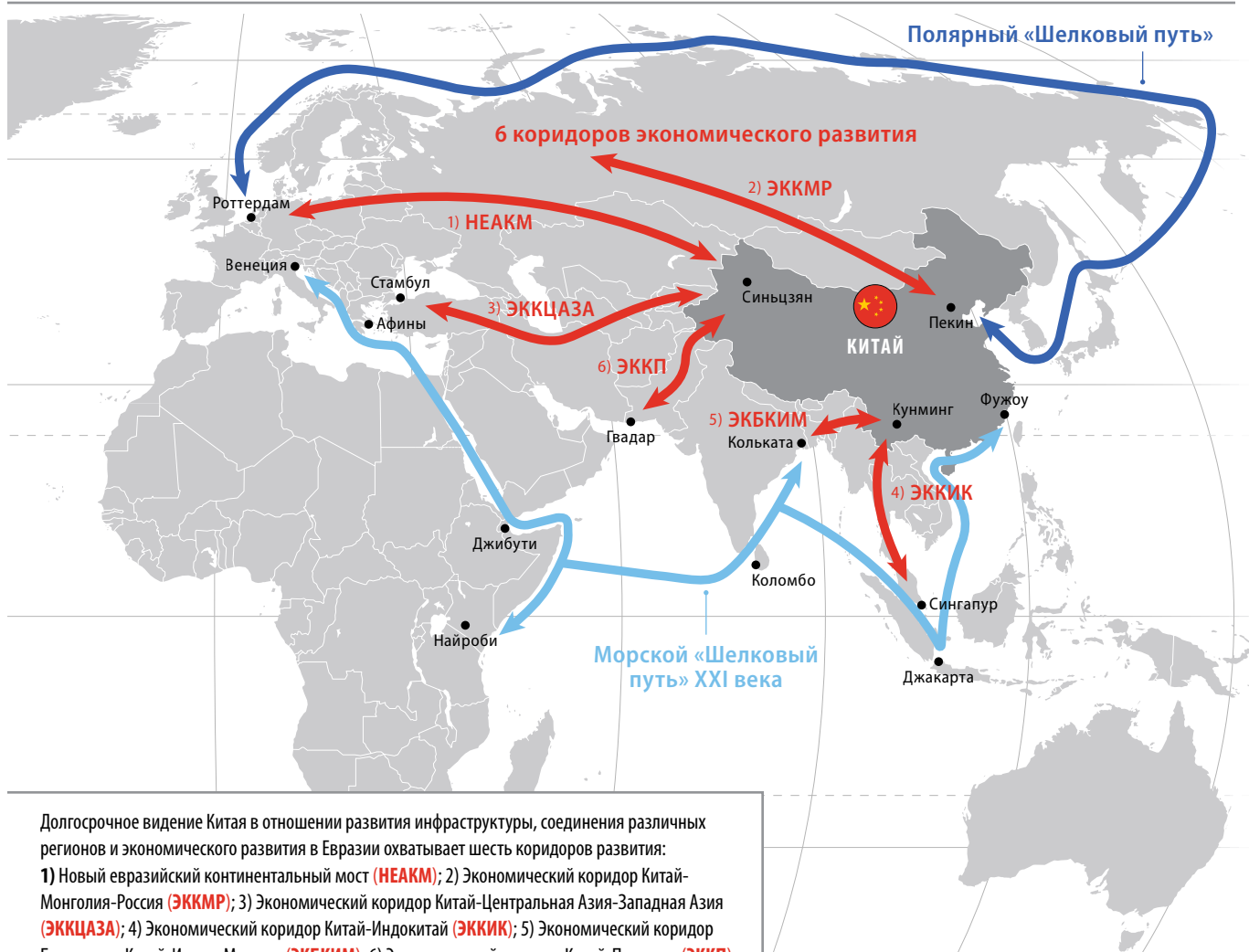

ИЛЛЮСТРАЦИЯ «PER CONCORDIAM»

Источник: <https://www.beltroad-initiative.com/belt-and-road/>

Долгосрочное видение Китая в отношении развития инфраструктуры, соединения различных регионов и экономического развития в Евразии охватывает шесть коридоров развития: 1) Новый евразийский континентальный мост (**НЕАКМ**); 2) Экономический коридор Китай-Монголия-Россия (**ЭКМР**); 3) Экономический коридор Китай-Центральная Азия-Западная Азия (**ЭКЦАЗА**); 4) Экономический коридор Китай-Индокитай (**ЭККИК**); 5) Экономический коридор Бангладеш-Китай-Индия-Мьянма (**ЭКБИМ**); 6) Экономический коридор Китай-Пакистан (**ЭКП**).

немецкую компанию по производству полупроводников «Aixtron» в 2016 г. Продолжение этой своеобразной фаустовской схемы, когда европейские страны приобретали экономическую зависимость за счет потери либеральных демократических ценностей, стало больше невозможным, когда на смену панацее дешевых китайских цепочек поставок и бескрайних рынков для европейских товаров пришли реалии задуманных и спланированных КПК похищений западных технологий для развития экономики, а в конечном итоге, и военной промышленности.

Стратегия национальной безопасности США за 2017 г. и Стратегия национальной обороны за 2018 г. служили для нас путеводителем в этом соревновании и предписывали нам укреплять наши союзнические и партнерские отношения и соотносить наши ресурсы с нашими наивысшими приоритетами по мере того, как мы совместно противостояли этому вызову современному международному порядку. В марте 2022 г. администрация президента США Джо Байдена приняла новую Стратегию национальной обороны, которая по-прежнему сосредоточена на

конкурентной борьбе с Китаем, так же как и переходная Стратегия национальной безопасности, опубликованная в марте 2021 г. Прочные союзнические и партнерские отношения для противостояния, сдерживания и победы над ревизионистскими соперниками, такими как Китай и Россия, еще никогда не были настолько необходимыми. Сегодня трансатлантический альянс должен противостоять воинствующим и злонамеренным силам при помощи углубленного сотрудничества, создания основ для региональной и глобальной безопасности, жизнестойкости и процветания, так же как он и раньше поступал во время конкурентной борьбы и конфликтов с авторитарными и тоталитарными режимами.

В то время как основной вызов брошен нашей безопасности, все ключевые элементы нашей стратегии противодействия должны быть напрямую направлены против подрывных компонентов китайской стратегии непрямого подхода в частном секторе, гражданском обществе и всех правительственных институтах.

Во всех четырех сферах схемы ДИВЭ Китая больше нельзя позволять извлекать пользу из слабых мест в трансатлантическом союзе и в самой Европе. Для

европейских субрегиональных организаций, таких как платформа «16+1», отношения с Китаем должны быть приведены в соответствие с задачами ЕС и НАТО. Мы не должны позволить Китаю успешно подвергнуть дипломатическому и экономическому ostrакизму западные демократии, такие как Литва и Чешская Республика, стремящихся к расширению неофициальных отношений с Тайванем. Принудительные, незаконные и нелиберальные действия Китая, особенно с использованием его агрессивной дипломатии «волков-воинов» и якобы стоящих вне политики Институтов Конфуция, должны встретить решительное и слаженное противодействие.

Что касается военного аспекта, то НОАК нужно рассматривать как вооруженный компонент КПК и выстраивать с ней отношения соответствующим образом. Не только публикации и заявления КПК и НОАК четко указывают на намерение Китая «полностью трансформировать народные вооруженные силы в силы мирового класса», но также действия НОАК, Народной вооруженной полиции, Службы береговой охраны, Народной вооруженной дружины и даже рыболовного флота оставляют мало сомнений относительно намерений Китая, которые состоят в достижении геополитической гегемонии, а возможно и доминирования. Для НАТО нет никаких заметных выгод от того, чтобы и дальше позволять офицерам НОАК получать оперативные знания, посещая курсы ЕПВО. Более того, вопрос об использовании европейских технологий двойного назначения при модернизации китайской армии должен обсуждаться на национальном уровне и на уровне ЕС и должны быть введены более строгие меры в законодательной сфере и в области соблюдения норм экспортного контроля.

В экономическом контексте используемая Китаем в международных переговорах мантра «в выигрыше все стороны» на самом деле означает, что Китай выигрывает дважды. Ущерб от деловых отношений с Китаем в таких аспектах как условия работы совместных предприятий с максимальной выгодой для Китая, хищение Китаем интеллектуальной собственности, роль КПК в корпоративном механизме управления, навязчивые положения законодательства о кибердеятельности и ограниченный доступ на китайские рынки превышает расхваленные потенциальные выгоды для китайских партнеров. Понимают это лишь немногие зарубежные компании. Сейчас необходимы повышенная жизнестойкость, диверсифицированные цепочки поставок и выборочный разрыв связей с Китаем для того, чтобы предотвратить ситуацию, когда компании и целые национальные экономики в демократических странах превратятся в заложников разгневанного Китая.

Решение: **что мы должны делать и почему**

Требуемые отношения между демократическими и авторитарными обществами сводятся к простой формуле: суммарный ресурс Северной Америки + Европы + N (где N представляет наших партнеров за пределами трансатлантического пространства, таких как Японию

и Австралию) всегда должен быть выше чем ущерб, наносимый Китаем + Россией + Y (где Y представляет нескольких т.н. «партнеров» авторитарных режимов, таких как Северная Корея, Иран, Куба и Венесуэла).

Наша проблема в том, что использование наших ресурсов носит спорадический и рассредоточенный характер, в то время как наносимый нам ущерб (или угроза его нанесения) нашими авторитарными соперниками носит целенаправленный и непрерывный характер. Если США, их союзники и партнеры займут правильную позицию, основанную на общих интересах, то появится сообщество единомышленников в частном секторе, гражданском обществе и правительстве, которое выявит существующие проблемы, поставит прочный заслон злонамеренным вторжениям авторитарных режимов и сосредоточит наши огромные ресурсы на том, чтобы снизить шансы конкурентов ослабить нас, нанести нам ущерб и оказывать негативное влияние на наши общества. Идя по такому пути, нейтрализовав их тактику нашими слаженными совместными действиями, мы сможем убедить их, что будет лучше играть с другими по-честному, чем пытаться нанести вред.

В этих расчетах больше всего нас беспокоит наша безопасность. Способность свободного мира поддерживать прочную оборону и таким образом создавать эффективное сдерживание противника представляет собой основополагающее требование к сильной позиции перед лицом целенаправленной напористости оппонента. Имея такие прочные позиции, мы можем выстраивать с авторитарными режимами прямые и целенаправленные отношения. НАТО, как воплощение силы, солидарности и решимости, имеет широкую сферу компетенции, зафиксированную в Вашингтонском договоре и в его Стратегической концепции. В договоре закреплена экономическая, политическая, военная и дипломатическая солидарность, обеспечивающая благосостояние почти одного миллиарда жителей, а в Стратегической концепции определены ключевые задачи НАТО в сфере коллективной обороны, совместной безопасности и управления кризисными ситуациями. Будучи незаменимым форумом для трансатлантических консультаций и решений в сфере безопасности и обороны, НАТО является тем институтом, где Северная Америка и Европа, всего 30 стран, собираются вместе с 40 своими партнерами для обсуждения вопросов и принятия решений. Обсуждаться могут абсолютно все аспекты безопасности, если участники решат, что в этом есть необходимость.

Что нужно сделать, чтобы очень быстро и очень просто создать какую-то вещь с наивысшим шансом на успех?

Надо взять и создать эту вещь».

~ Так автор Саймон Синек описывает подход Джеффа Безоса

У НАТО есть полномочия созывать встречи на самом высоком уровне по широкому кругу вопросов, относящихся к сфере безопасности. Исходя из нашего понимания непрямого подхода Китая (и России), НАТО должна стать центральным институтом в организации эффективного многостороннего процесса с участием правительств, частного сектора и гражданского общества в странах, чьи правительства совместно с основными международными партнерами, таким как ЕС, готовы разоблачить, а затем и осознать весь размах и масштаб не прямых действий, нацеленных на нашу волю и способность к противостоянию. Сначала этот процесс должен вызвать ощущение срочности,

продемонстрировав последствия угрозы, затем расширить коалицию безопасности, включив в нее сторонников из частного и государственного секторов, которые потом будут определять долгосрочные перспективы, запускать инициативы, устранять барьеры на пути движения вперед и ускорять необ-

ходимые перемены. Только такая команда из представителей правительства, частного сектора и гражданского общества сможет достичь необходимого уровня информированности, срочности реагирования и видения перспектив, необходимых для противостояния целенаправленной, щедро финансируемой долгосрочной китайской стратегии не прямых действий. В этом случае НАТО будет просто служить местом сбора участников, и ее основная функция будет по-прежнему сосредоточена на безопасности и обороне, что и будет ее вкладом в общие усилия. Однако, принимая во внимание тот факт, что наша безопасность является основой для нашего процветания и образа жизни, послания, сделанные посредством роли НАТО в этих общих усилиях, правильные и безошибочные.

Статья 2 основополагающего договора НАТО предписывает всем сторонам обеспечивать стойкость свободных институтов и наших экономик, а в Статье 4 говорится, что любая из сторон имеет право собрать всех членов организации для обсуждения угроз ее политической независимости и безопасности. Китай, в частности, представляет угрозу безопасности; действия КПК прямо нацелены на свободные институты и экономики наших стран, которые как единое целое и формируют основу нашей безопасности.

Статья 2

Договаривающиеся стороны будут содействовать дальнейшему развитию международных отношений мира и дружбы путем укрепления своих свободных институтов, достижения большего понимания принципов, на которых они зиждятся, и содействия созданию условий стабильности и благосостояния. Договаривающиеся стороны будут стремиться к устранению противоречий

в своей международной экономической политике и способствовать развитию экономического сотрудничества между любыми из них и между собой в целом.

Статья 4

Договаривающиеся стороны всегда будут консультироваться друг с другом в случае, если, по мнению какой-либо из них, территориальная целостность, политическая независимость или безопасность какой-либо из Договаривающихся сторон окажутся под угрозой.

Процесс согласованных совместных действий разрозненных групп ради создания единства усилий и целей, хотя и трудный, но все же прямой и открытый. Во-первых, мы создаем атмосферу доверия путем переговоров и демонстрируем это доверие, стараясь не мешать друг другу. В задачи НАТО не входит говорить частному сектору или гражданскому обществу, что им нужно делать. Даже наоборот, задача НАТО состоит в том, чтобы выявить, где именно действия внешних сил подрывают усилия альянса по защите этих двух секторов. После того, как разделительные линии и границы проведены и соблюдаются, различные игроки, основываясь на взаимном понимании проблемы, могут начать координировать свои действия и ответные меры. На этом этапе возрастает степень доверия и процесс усвоения информации протекает быстрее, что приводит к тому, что со временем координация в необходимых случаях перерастет в интеграцию. Чем больше случаев интеграции, тем больше мы учимся сплоченным действиям на уровне предварительного планирования и грамотной организации совместных действий. Этот «обходной путь» и есть тот «самый короткий путь», если мы перефразируем высказывание военного историка Лиддела Харта. Это и есть главная задача НАТО при демонстрации коллективной безопасности в действии.

Поскольку альянс представляет собой незаменимый форум для трансатлантических обсуждений и решений вопросов безопасности и обороны, и поскольку это единственный «стол», за которым США и Канада собираются вместе со своими европейскими союзниками, то не существует лучшего места для согласования задач наших стран с целью обеспечения нашего процветания и сохранения нашего образа жизни. Статья 9 Североатлантического договора дает членам альянса право предпринимать необходимые шаги под руководством Североатлантического совета: «Совет обязуется создавать вспомогательные органы, в которых может возникнуть необходимость». Такие органы должны срочно начинать свою важную работу, как это делали другие органы до них, делая упор на таком же расширенном видении нашей жизнестойкости, нашего единства и нашей независимости.

Жизнестойкость чрезвычайно важна. Мы должны оставаться хозяевами своей судьбы, при этом осознавая, что против нас осуществляется не прямое нападение. Наша способность как сообщества свободных стран действовать эффективно в условиях оказываемого на нас давления, выдерживать удары противника,

восстанавливаться и возвращаться к эффективным действиям и есть наша жизнестойкость в рамках трансатлантического сообщества и за его пределами. Нашу комплексную жизнестойкость необходимо защищать и поддерживать; без нее мы не сможем ни создать, ни сохранить эффективное сдерживание или оборону.

В объединенном трансатлантическом сообществе проживает один миллиард человек, оно производит половину общемирового ВВП в стоимостном выражении и ежегодно инвестирует в свою оборону один триллион долларов. Если добавить Японию, Южную Корею, Австралию и другие свободные страны, то единство западного мира становится еще более мощным. Поэтому стратегия Китая, направленная на разделение, является чрезвычайно важной частью его стремления к доминированию. Естественно, жизнестойкая и объединенная группа демократических стран должна быть достаточно мощной, чтобы верх взял основанный на правилах миропорядок, чтобы все вели честную игру, в том числе Китай и Россия.

Демонстрация этой силы посредством решительных, наглядных и осмысленных действий на мировой арене является чрезвычайно важным компонентом в противодействии непрямой стратегии авторитарных режимов. Трансатлантическая стратегическая независимость, проявившаяся в свободе судоходства в Южно-Китайском море, в размещении в космосе группы спутников для обслуживания навигаторов и интернета, в сотрудничестве в оборонительных и наступательных действиях в киберпространстве и в приверженности свободной, открытой и заслуживающей доверия прессе и информации в нерегулируемом интернете, с направляющей ролью трансатлантического альянса будет и дальше показывать Китаю и другим авторитарным режимам, что коллективную силу и волю свободных людей невозможно подорвать.

В частности, Европа и Северная Америка разделяют общие интересы в следующих областях, и именно в них Китай хочет применить свою стратегию «разделяй и властвуй»:

- Будущее развитие новых и прорывных технологий, таких как искусственный интеллект (ИИ), «обучающиеся машины» (ОМ) и квантовые вычисления представляют для нас общий интерес, и именно в этой сфере Китай стремится получить преимущество. Сегодня нашим безопасным компьютерным сетям, способности работать в космосе и конкурентоспособности в киберпространстве брошен вызов.
- Совместными усилиями США и Европа могут установить стандарты для промышленного применения новых технологий, чтобы не позволить в будущем Китаю диктовать, как должны развиваться наши общества и как должен меняться наш образ жизни.
- Трансатлантическое сообщество должно возглавить усилия по закреплению в международном законодательстве и в основанном на правилах миропорядке этического использования ИИ и ОМ, чтобы исключить в будущем коварные манипуляции людьми и

нарушения прав человека в глобальном масштабе, как сегодня это практикуется внутри Китая.

- Предоставление правдивых сведений в информационном пространстве для демократий является критически важным, а это означает противодействие дезинформации путем оперативной проверки материала, ссылки на первоначальные источники и введения прозрачности в отношении финансируемых правительством «новостных» платформ.
- У НАТО есть четко выраженная роль в определении для национальных правительств, частного сектора и гражданского общества тех ключевых областей, где альянс должен установить прочную коллективную оборону и эффективное сдерживание. Эти ключевые сферы необходимо защищать и оградить их стеной, которую не смогут пробить тактические приемы Китая и России, в которых они используют весь потенциал своих стран.

Конечные цели этих усилий остаются такими же, какими они были в 1945 г.: честная игра для всех стран и мирное разрешение споров. Только публично описывая и осуждая непрямой подход КПК, акцентируя внимание на его основных компонентах и разоблачая последствия действий компартии, НАТО, ЕС и национальные правительства смогут начать бороться с далеко идущими последствиями проявляемой до сих пор коллективной невнимательности. Возглавляемый НАТО всесторонний подход и выработка единого диалога по всем аспектам нашей безопасности представляют собой необходимый двигатель нового перспективного подхода в противостоянии сегодняшнему коллективному вызову. Затем это даст возможности и другим институтам основанного на правилах миропорядка функционировать более прозрачно, а поэтому и более эффективно следить за соблюдением правил, заложенных в их уставах и мандатах.

Мы являемся жертвами собственного успеха. Наше историческое процветание и невероятная свобода породили в нас эгоцентризм и увлеченность собой; таким образом, стратегическая сплоченность конца 1940-х гг. уступила место геополитической разобщенности, создавая новые возможности для тех, кто остался в стороне. Стремительное развитие технологий дало толчок обоим этим импульсам, погружая нас все больше в самопоглощение и одновременно с этим давая больше возможностей тем, кто хочет разрушить эффективные системы управления, функциональные общества и плодотворные партнерские отношения. Мы должны остановить обе эти тенденции путем осознания опасности, согласия и конкретных действий. Мы должны это сделать сейчас, поскольку безопасность каждого государства в отдельности зависит от того, насколько эффективно мыотреагируем на этот новый коллективный императив, пока у нас еще есть время. □

По ПРИМЕРУ КИТАЯ?

ИЛЛЮСТРАЦИЯ «PER CONCORDIAM»

ВЛИЯНИЕ ПЕКИНА В ЕВРОПЕ

Тереза Фаллон, директор Центра исследований России, Европы и Азии

Временами влияние Китая в Европе становится особенно заметным. Так, к примеру, в 2018 г. европейские страны осветили красным светом Эйфелеву башню в Париже, Колизей в Риме и Бранденбургские ворота в Берлине в надежде привлечь китайских туристов. В том же году бывший в то время президентом Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер открыл огромный памятник Карлу Марксу, подаренный Китайской коммунистической партией (КПК), в родном городе Маркса Трире, в Германии – несмотря на уговоры членов Европейского союза из Центральной и Восточной Европы, где воспоминания о советском прошлом не столь радужные. В европейских аэропортах теперь часто встречаются вывески на китайском языке, а на дверях магазинов китайские платежные системы рекламируются не только в европейских столицах, но и в небольших городах. Китайский телеканал CGTN транслируется в отелях по всей Европе на различных местных языках, наряду с газетой «China Daily», которую можно бесплатно получить в большинстве заведений.

Однако другие виды влияния не столь заметны. Через свой отдел Объединенного фронта КПК создала сети дружественных Китаю деловых и политических элит – практика, известная как захват элит. Пекин финансирует европейские аналитические центры для распространения положительного мнения о Китае и создания благоприятных деловых условий для людей, близких к власти. Возможность выхода на огромный внутренний рынок Китая, а также китайские инвестиции в Европу, особенно в стратегическую инфраструктуру и высокотехнологичные компании, привели к возникновению зависимости.

Китай все чаще использует экономическое принуждение в качестве оружия. Под давлением Китая шведская телекоммуникационная компания «Ericsson» добилась от правительства Швеции отмены запрета на деятельность китайских конкурентов «Huawei» и «ZTE». Принуждение со стороны Китая достигло нового уровня в Литве из-за признания этой страной Тайваня. Китай наказал литовские компании и компании за пределами Литвы, использующие литовские компоненты в своих цепочках поставок. Кроме того, Китай пытается внести раскол между Европой и США путем нагнетания антиамериканских настроений и поощрения «стратегической автономии» ЕС, в поддержку которой Пекин высказался на нескольких встречах с лидерами ЕС. Во взаимодействии с отдельными европейскими государствами Китай особенно успешно оказывает влияние на страны, которые отчаянно нуждаются в китайских средствах после финансового кризиса, такие как Греция, и на полуавторитарные страны, например, Венгрию. Кроме того, влияние Пекина распространилось в немецких деловых кругах, поскольку крупные отрасли промышленности

Германии зависят от экспорта в Китай – руководствуясь принципом, что клиент, а их потенциально 1,4 миллиарда, не может ошибаться.

В постпандемическом экономическом пространстве для европейских стран потребность в торговле, инвестициях и других экономических выгодах является более мощной движущей силой, чем другие источники потенциального влияния. Тем не менее, с началом пандемии COVID-19 и в связи с недовольством «дипломатией воинов-волков» Пекина, которое привело к тому, что общественное мнение более решительно настроилось против Китая, дипломатическое и политическое влияние Китая пошло на убыль.

В разных странах влияние Пекина имело различные формы. Анализ отдельных европейских стран – Германии, Франции, Венгрии, Греции и Бельгии – может стать хорошим примером.

В постпандемическом экономическом пространстве для европейских стран потребность в торговле, инвестициях и других экономических выгодах является более мощной движущей силой, чем другие источники потенциального влияния.

ГЕРМАНИЯ

Китай является крупнейшим торговым партнером Германии (объем двусторонней торговли в 2020 г. превысил 200 млрд. евро). Несмотря на то что в Европе наметилась тенденция к снижению китайских прямых иностранных инвестиций (ПИИ) после максимального уровня в 2016 г., Германия, безусловно, являлась основным направлением китайских инвестиций в Европе в 2020 г. (25 млрд. евро). В свою очередь, крупные немецкие предприятия автомобильной и фармацевтической промышленности («BASF», «BMW», «Daimler-Benz», «Volkswagen»), а также промышленный гигант «Сименс» осуществили прямые инвестиции в производственные предприятия на территории Китая.

В 2019 г. на Китай приходилось около 40% от общего объема продаж автомобилей «Volkswagen». При поддержке китайских властей немецкие компании создают в Китае центры исследований и разработок. «Сименс» создал в стране 20 таких центров, включая глобальную штаб-квартиру по робототехнике. Как правило, эти компании зависят от доброй воли китайских властей. Поэтому неудивительно, что крупные немецкие компании склонны придерживаться позиции КПК. Так, например, в 2019 г. генеральный директор «Volkswagen» Герберт Дисс заявил, что ему ничего не известно о нарушениях прав человека в Синьцзяне. Однако малые и средние компании более чувствительны к нечестной торговой практике Китая и присвоению прав интеллектуальной собственности. Под влиянием этих компаний в январе 2019 г. немецкая промышленная федерация опубликовала документ, в котором назвала Китай не только партнером, но и системным конкурентом.

В декабре 2020 г. Ангела Меркель, бывшая в то время канцлером Германии, и ее коллеги в ЕС настоятельно убеждали ЕС достичь политического взаимопонимания с Пекином, в результате чего было заключено всеобъемлющее соглашение по инвестициям. Можно сказать, что Берлин определял политику ЕС в отношении Китая – в буквальном смысле, поскольку немецкий автопром является главным двигателем этой политики. ЕС уже в значительной степени открыт для китайских инвестиций, поэтому соглашение больше касалось отношения к европейским инвесторам в Китае.

Председатель КНР Си Цзиньпин лично вмешался, чтобы в последнюю минуту добиться уступок и завершить переговоры до окончания срока ротационного председательства Германии в Совете ЕС и до вступления в должность администрации новоизбранного президента США Джо Байдена. С точки зрения Китая, соглашение служило главным образом для привлечения инвестиций ЕС (которые необходимы для технологического развития и экономического роста), для повышения международного авторитета Китая, несмотря на нарушения прав человека, и особенно для внесения раскола в трансатлантические отношения.

Однако, когда США призвали своих европейских союзников направить военные корабли в Индо-Тихоокеанский регион в знак военно-морского присутствия против китайских посягательств, Германия решила последовать примеру Франции, Нидерландов и Великобритании и направить корабль в этот регион. В августе 2021 г. немецкий фрегат «Байерн» отправился в Индо-Тихоокеанский регион, пересекая на обратном пути Южно-Китайское море.

В июне 2021 г. Бундестаг принял новое законодательство о принципах корпоративной осмотрительности в цепочках поставок. Согласно новым правилам, которые вступят в силу 1 января 2023 г., крупные немецкие компании будут обязаны проверять соблюдение прав человека перед осуществлением инвестиций за рубежом. Это ознаменовало собой существенное изменение и стало сигналом

того, что немецкие компании несут юридическую ответственность за соблюдение прав человека в своих цепочках поставок. В связи с этим могут прекратиться немецкие инвестиции в Синьцзян, включая производственные мощности «Volkswagen». Однако правозащитники критикуют закон, считая его недостаточно действенным, поскольку он обязывает проводить должную проверку только прямых поставщиков, а на косвенных поставщиков распространяется только в том случае, если компания получает убедительные доказательства правонарушений. Кроме того, во время пребывания Меркель у власти министр образования Аня Карличек запустила программу по развитию независимых экспертных знаний о Китае и снижению влияния официальных китайских Институтов Конфуция в немецком образовании.

Правительство Меркель было особенно чувствительно к лоббированию со стороны крупных компаний, поскольку крупные промышленные группы, как правило, поддерживают ее христианско-демократическую партию и в значительной степени способствуют экономическому росту страны через налоговые поступления и создание рабочих мест. В результате немецкое правительство очень осторожно относится к Китаю, балансируя между принципами и экономическими интересами, чтобы избежать недовольства Пекина.

На всеобщих выборах в Германии в сентябре 2021 г. была сформирована новая правительственная коалиция, состоящая из социал-демократической, зеленой и либеральной партий. Новый министр иностранных дел, лидер партии зеленых Анналена Баербок, является убежденным сторонником прав человека и тесных отношений с США (хотя и скептически относится к жесткой политике) и откровенным критиком Китая. Однако новый канцлер, социал-демократ Олаф Шольц, был заместителем Меркель в предыдущем коалиционном правительстве. Он придерживается более осторожного подхода, как и предыдущее правительство, стремясь уравновесить принципы и ценности с экономическими интересами Германии. Этот двусторонний подход будет и в дальнейшем влиять на политику Германии в отношении Китая.

ФРАНЦИЯ

Франция занимает четвертое место по распространенности китайских ПИИ в Европе после Великобритании, Германии и Италии, а совокупная стоимость завершенных ПИИ в 2000-2020 гг. составляет 15 млрд. евро. И наоборот, согласно официальным данным Франции, в 2017 г. объем ПИИ Франции в Китае составил 25 млрд. евро. В Китае на французских производственных предприятиях работают сотни тысяч человек. В июле 2021 г. французские прокуроры начали расследование по факту использования принудительного труда французскими производителями модных товаров в Синьцзяне.

Китай также является ключевым экспортным рынком для французских компаний. Президент Франции Эммануэль Макрон стремится стимулировать продажи

французских предметов роскоши и самолетов «Airbus». Кроме того, Китай – это огромный растущий рынок для французских фермеров и других французских производителей.

Согласно опросам, во Франции, как и в других европейских странах, общественное мнение в отношении Китая в последние годы резко ухудшилось. Французам не понравились действия Китая в отношении экспорта средств индивидуальной защиты в первые дни пандемии, а также особенно агрессивный настрой некоторых дипломатов в китайском посольстве в Париже, которые заявили, что французы плохо заботятся о пожилых людях.

Тем не менее, экономическая мощь Китая настолько велика, что Макрон по-прежнему стремится поддерживать хорошие отношения с Пекином. В декабре 2020 г. Макрон поддержал инициативу Меркель по заключению всеобъемлющего соглашения между ЕС и Китаем по инвестициям. В июле 2021 г. Макрон, Меркель и Си провели видеосаммит, в ходе которого Макрон выступил в поддержку соглашения, но при этом он и Меркель выразили серьезную обеспокоенность по поводу ситуации в области прав человека в Китае.

Макрон отстаивает идею стратегической автономии, при которой Европа будет менее зависима от США в своей внешней политике и политике безопасности. Это старая голлистская идея. Макрон считает, что вступление в антикитайский блок с США приведет к подрыву европейской стратегической автономии. Однако, как видно, его меньше беспокоят последствия китайских инвестиций в стратегический сектор производства аккумуляторов для электромобилей – инвестиций, которые приносят рабочие места в слабо развивающейся отрасли и могут повлиять на национальные выборы.

Во внутренней политике Франции политика Макрона в отношении Китая подвергается нападкам как со стороны правых, так и со стороны левых. Что касается правых, партия Марин Ле Пен национальное объединение обвинила его в переносе рабочих мест в Китай. В свою очередь, партии левых непокоренная

Рабочие собирают автомобили на заводе Dongfeng Honda Automobile Company в Ухане, Китай. 2020 г. Разрывы в цепочке поставок, вызванные пандемией, спровоцировали призывы со стороны стран Запада меньше полагаться на Китай при поставках товаров. АССОШИЭЙТЕД ПРЕСС

Франция и социалисты обвиняют его в том, что он недостаточно резко высказывается о нарушениях прав человека в Китае.

ВЕНГРИЯ

В 2015 г. Венгрия стала первой европейской страной, подписавшей меморандум о взаимопонимании с Китаем по программе «Один пояс, один путь». Китайские инвестиции в Венгрию включают строительство модернизированной высокоскоростной железнодорожной линии между Будапештом и Белградом в рамках коридора «Пояс и путь» между греческим портом Пирей и Центральной Европой. В целом, китайские инвестиции в Венгрию ограничены по сравнению с размером экономики страны и по сравнению с другими инвесторами, включая Японию и другие азиатские страны. Объем экспорта венгерской продукции в Китай также весьма ограничен.

Тем не менее, ограниченные инвестиции Китая окупались сполна. Президент Венгрии Виктор Орбан, националист и популист, решил тесно сотрудничать с Китаем и Россией по многим международным вопросам, игнорируя ЕС. На протяжении многих лет Венгрия неоднократно блокировала заявления ЕС, критикующие Китай: в июле 2016 г. в связи с решением Постоянной палаты третейского суда против китайских претензий в Южно-Китайском море; в мае 2017 г. в связи с пытками задержанных китайских адвокатов; и в апреле 2021 г., когда Венгрия наложила вето на заявление ЕС, критикующее Китай в отношении Гонконга. В июне 2021 г. Венгрия вместе с Кипром, Грецией и Мальтой выступила против заявления ЕС в Совете по правам человека ООН по поводу нарушений прав человека в Синьцзяне.

В Венгрии усиливается протест против прокитайской политики, поскольку люди все больше понимают, что от нее выигрывает лишь незначительная, тесно связанная между собой элита. Планы Орбана открыть новый кампус китайского Фуданьского университета в Будапеште вызвали уличные протесты. Левой либеральный мэр этого города решил назвать улицы в честь Далай-ламы и других людей, что, вероятно, вызовет недовольство Китая.

ГРЕЦИЯ

Китайские ПИИ в Грецию резко возросли после мирового финансового кризиса 2008 г. и кризиса государственного долга Греции в 2009 г. Китай узнал, что греческие активы были дешевыми, а Греция отчаянно нуждалась в деньгах. В частности, Китай инвестировал в главный греческий порт Пирей. Во время визита Ху Цзиньтао, бывшего в то время президентом Китая, в ноябре 2008 г. китайская государственная компания «China Ocean Shipping Company Pacific» («COSCO») подписала сделку на сумму 1 млрд. долл. США на 35-летнюю концессию по эксплуатации и управлению двумя контейнерными терминалами в порту. В 2016 г. «COSCO» приобрела контрольный пакет акций порта.

Оглядываясь назад, невольно задумываешься о том, действительно ли мудро поступили более богатые европейские страны и США, предоставив Греции самой справляться с финансовым и долговым кризисом, позволив ей распродать стратегические активы иностранной державе, богатой финансовыми ресурсами, по заниженным ценам, вместо того чтобы влить в страну необходимые денежные средства для преодоления кризиса. Порт Пирей вскоре стал одним из ключевых узлов программы «Пояс и путь», соединяющей Китай с Европой по суше и по морю, что позволило Китаю закрепиться в Южной Европе. Вместе с тем, планируется модернизировать железнодорожную линию от Пирея до Будапешта.

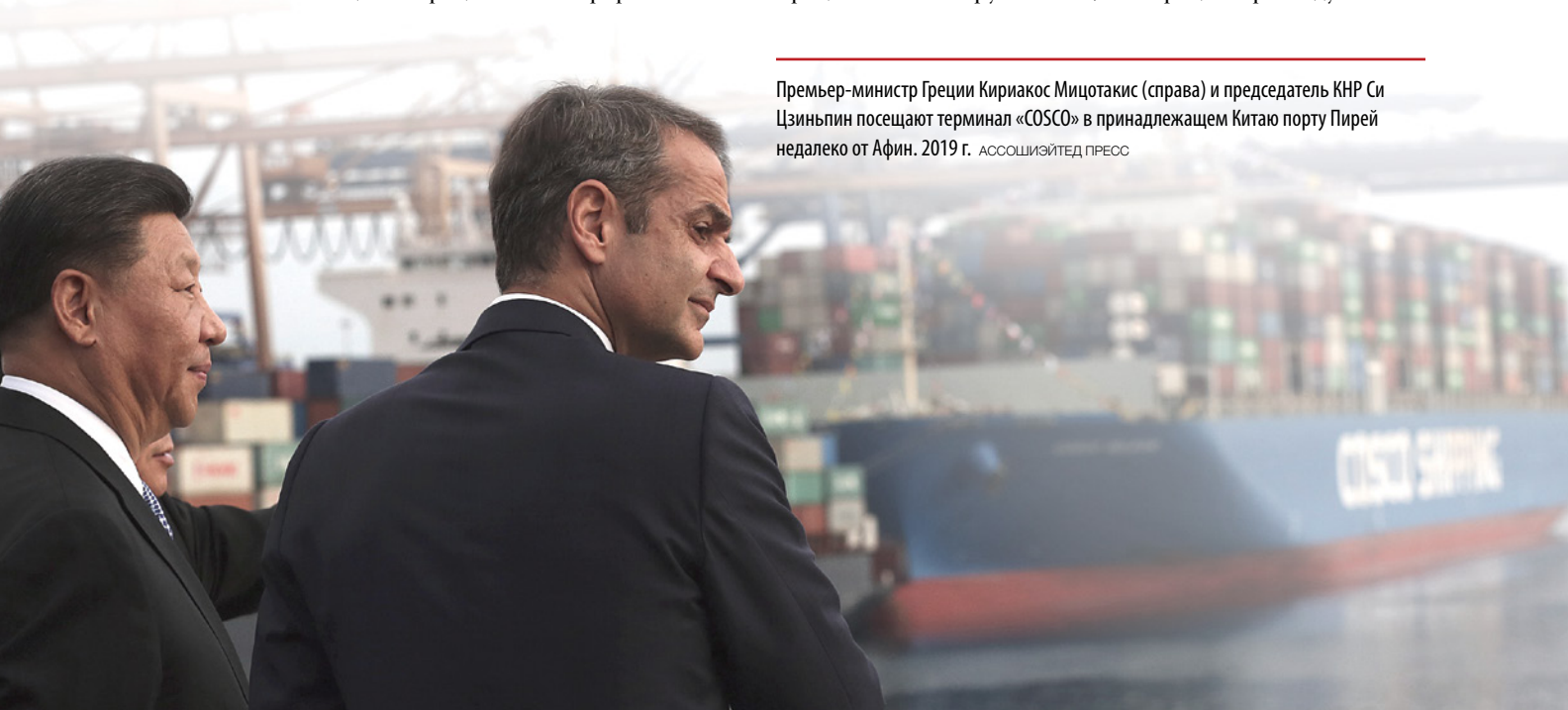
Китайские инвестиции в Греции явно переросли в

дипломатическое и политическое влияние, поскольку греческое правительство стремится сохранить хорошие отношения с Пекином. Так, например, в июле 2016 г. Греция встала на сторону Венгрии и Хорватии, чтобы не допустить резких высказываний ЕС в поддержку решения Постоянной палаты третейского суда в Гааге против китайских претензий в Южно-Китайском море. В июне 2017 г. Греция заблокировала заявление ЕС, критикующее Китай, на заседании Совета по правам человека ООН в Женеве. Греция назвала это заявление «неконструктивной критикой Китая». В сентябре 2017 г., когда Европейская комиссия предложила механизм проверки ПИИ в ЕС, Греция изначально выступила против него. Франция и Германия были особенно заинтересованы в этом механизме, с помощью которого можно было бы проверять иностранные инвестиции в стратегические активы, такие как китайские инвестиции в порт Пирей. В конце концов, в 2019 г. Греция согласилась на более слабый механизм проверки ПИИ, при котором комиссия выдает необязательные заключения, но каждая страна-член ЕС принимает решения о приобретении активов иностранными компаниями в пределах своих границ.

Влияние Китая на Грецию все же встретило некоторые ограничения при столкновении с основными греческими интересами в области культурного наследия и социальной структуры. В 2019 г. Греция приостановила строительство новых объектов в порту Пирей, когда выяснилось, что это приведет к разрушению археологических памятников. Греция также противодействует усилиям «COSCO» по ослаблению профсоюзов портовых рабочих.

Греция является членом китайского формата «16+1» для расширения сотрудничества со странами Центральной и Восточной Европы. На международном уровне Греция часто встает на сторону Китая в вопросах территориальной целостности, поскольку Греция поддерживает воссоединение отделившегося острова Кипр. Однако влияние Китая на внешнюю политику Греции компенсируется тем, что Греция преследует

Премьер-министр Греции Кириакос Мицотакис (справа) и председатель КНР Си Цзиньпин посещают терминал «COSCO» в принадлежащем Китаю порту Пирей недалеко от Афин. 2019 г. АССОШИЭЙТЕД ПРЕСС

свои собственные национальные интересы и стремится сохранить хорошие отношения с США и европейскими партнерами. В частности, Греции необходима поддержка США и Европы, включая Францию, в ее противостоянии с Турцией в восточном Средиземноморье. Как страна с мировой судоходной индустрией, Греция в апреле 2021 г. поддержала новую стратегию ЕС по Индо-Тихоокеанскому региону, предусматривающую защиту морских путей сообщения и соблюдение Конвенции ООН по морскому праву, согласно которой территориальные претензии Китая в Южно-Китайском море были опровергнуты Постоянной палатой третейского суда.

БЕЛЬГИЯ

Присутствие Китая в экономике Бельгии охватывает китайско-бельгийский Технологический центр в Университете Лувен-ла-Нев и крупный логистический парк в порту Зебрюгге, строительство которого началось в июне 2021 г. Китай также является клиентом № 1 бельгийского исследовательского центра микроэлектроники.

Бельгия занимает особое место как страна, в столице которой, Брюсселе, расположены институты ЕС. Китай предоставил финансирование брюссельским аналитическим центрам для продвижения китайских нарративов. Например, аналитический центр Дружбы Европы проводит ежегодные конференции «Пояс и путь» и отправляет молодых европейских лидеров в Китай.

Перед визитом Си в Брюссель в марте 2014 г. Китай передал в дар Колледжу Европы в историческом городе Брюгге библиотеку по Китаю объемом 10 тыс. томов и компьютеры. Помимо Институтов Конфуция и специального культурного центра рядом с учреждениями ЕС в Брюсселе, Китай предлагает специальные учебные программы по обмену в школе Шанхая для учеников европейских школ, в которых учатся дети чиновников ЕС. Университет Гента также ежегодно отправляет студентов в Китай по программе обмена, в значительной степени финансируемой КПК.

Лоббистские усилия Китая в Брюсселе включают открытие в 2019 г. центра прозрачности кибербезопасности «Huawei», чтобы убедить европейских чиновников и компании в прозрачности и надежности стандартов 5G Huawei. Среди европейских ораторов на церемонии открытия были член Европейского парламента и бывший президент Федерального сетевого агентства Германии.

Деятельность Китая по оказанию влияния в Брюсселе не ограничивается «мягкой силой» и лоббированием. Китайскому ученому, имеющему связи с бельгийскими университетами, был запрещен въезд в Бельгию из-за причастности к шпионажу. Бывшие чиновники ЕС и сотрудники аналитических центров были обвинены в неправомерной передаче информации Китаю. Компьютеры, переданные в дар Колледжу Европы, были заражены шпионскими программами. Шпионские устройства были также обнаружены в здании, которое китайские подрядчики построили для мальтийской миссии при ЕС, прямо напротив штаб-квартиры ЕС.

Петер Альтмайер, бывший в то время министром экономики и энергетики Германии, посещает медиациентр форума «Пояс и путь» в Пекине. 2019 г. AFP/GETTY IMAGES

После пандемии COVID деятельность Китая по оказанию влияния в Брюсселе, включая визиты и обмены, естественно, ослабла, в то время как реакция Китая на пандемию и усиление репрессий в Синьцзяне и Тибете – что вызвало санкции ЕС и контрсанкции Китая в марте 2021 г. – привели к отчуждению общественного мнения и усилению голоса критиков Китая, особенно в Европейском парламенте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Китай усиливает свое влияние в Европе посредством экономических, политических и дипломатических инструментов, а также путем захвата элит. Крупные компании охотно закрывали глаза на нарушения прав человека ради своих деловых интересов. Правительства остерегаются раздражать Китай на международных форумах. Венгрия вызывает особое беспокойство, поскольку она движется в сторону авторитаризма и ищет поддержки у Китая, чтобы уравновесить требования ЕС о верховенстве закона и либеральной демократии.

Однако пандемия, по всей видимости, стала переломным моментом. Общественное мнение в Европе стало настороженно относиться к первоначальному сокрытию Китаем информации, к использованию им в качестве оружия средств индивидуальной защиты китайского производства (что показало необходимость диверсификации каналов поставок) и к еще более жесткому подавлению прав человека, особенно в Синьцзяне и Гонконге. Опросы общественного мнения показывают ухудшение восприятия Китая населением. Мощные экономические интересы по-прежнему влияют на политику европейских стран в отношении Китая, но баланс общественного мнения и государственной политики, похоже, склонился в сторону критического отношения к стране. Поддержка Венгрией глобальной минимальной ставки корпоративного налога в октябре 2021 г. также показывает, что венгерская политика более тесно связана с экономической политикой ЕС, несмотря на другие различия в политике, и что влияние Китая на правительство Орбана имеет определенные границы. □

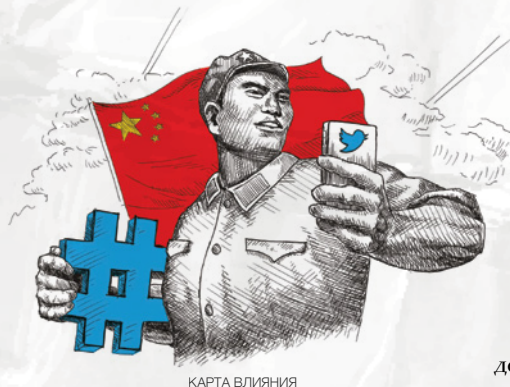
ВОЙНА нарративов?

Противодействие Европы китайскому влиянию

Д-р хабил Май-Бритт У. Штумбаум, руководитель группы по проекту «Безопасность Азиатско-Тихоокеанского региона» в Университете Бундесвера в Мюнхене, и **Сюзанна Камерлинг**, младший научный сотрудник исследовательской группы «Война, мир и справедливость» в Институте безопасности и глобальных проблем Лейденского университета, Гаага, Нидерланды

Используя COVID-19, Китай стремился создать имидж «ответственного и благожелательного мирового лидера» и ведущей державы в реформировании международной политической системы. В унисон с Россией Китай усиленно пропагандировал идею о том, что западные страны и политические системы некомпетентны и не способны эффективно управлять кризисами. Его целью является популяризация авторитарных моделей и завоевание сердец и умов ключевых заинтересованных сторон в целевых странах. Провозглашенная председателем КНР Си Цзиньпином цель укрепления международной «дискурсивной власти» страны привела к внедрению новых методов информационных операций, включающих кампании вмешательства и дезинформации, в промышленных масштабах.

Пекин перенимает методы, давно используемые Москвой, которые Поль Харон и Жан-Батист Жанжен Вильмер в своем отчете за 2021 г. для французского Института стратегических исследований Военного училища называют «русификацией» китайских операций влияния. Коммунистическая партия Китая (КПК) использует гибридные операции для прямого воздействия на политику иностранных государств и косвенного формирования отношений гражданского общества к Китаю. Основная цель этих операций – обеспечить соответствие нарративов, решений третьих сторон и политики в отношении Китая интересам КПК. Стратегический замысел этих операций и искажение

КАРТА ВЛИЯНИЯ

потока информации в результате пропаганды, целенаправленных кампаний по дезинформации, цензуры и самоцензуры является реальным вызовом для открытых обществ, демократий и установленных норм и ценностей Европы, нанося удар по самой сути европейской жизни и принципам принятия решений. Усиление глобального влияния КПК привело к тому, что Европейский союз и его государства-члены были вынуждены пересмотреть свой подход к Китаю и китайскому влиянию в Европе. Европейские страны приняли целый ряд мер в конкретных отраслях для противодействия китайскому влиянию и гибридным операциям, охватывающих СМИ и информацию, политику, бизнес и инвестиции, научные исследования и академические круги – все они носят превентивный, реактивный и карательный характер.

Дезинформация в промышленных масштабах

Пандемия COVID-19 значительно расширила возможности Москвы и Пекина для продвижения своих геополитических целей и национальных интересов посредством влияния, вмешательства и гибридных операций. Многие из этих видов деятельности нарушают – и переходят – правовые границы. Социальная сеть обеспечивает дешевое и при этом легко масштабируемое игровое поле для проведения кампаний по дезинформации. Исследование манипуляций в СМИ, проведенное Оксфордским институтом интернета в Англии в 2020 г., выявило

доказательства манипуляций в социальных сетях в каждой из 81 страны, в которых проводилось исследование. Причем в более чем 93% этих стран наблюдалась дезинформация, целенаправленно распространяемая в рамках стратегии политических сообщений. В период пандемии резко активизировалась деятельность по наращиванию влияния и дезинформации в цифровой среде. Несмотря на все большее осознание проблемы, правительствам с трудом удастся адекватно реагировать на нее, что отчасти объясняется непониманием тактики КПК.

Путем объединения партийных и государственных ресурсов, так называемые группы Единого фронта (ЕФ) стремятся контролировать, идеологически обрабатывать и мобилизовывать массы, не принадлежащие к КПК, для достижения целей, определенных КПК. Как отметила уполномоченная Конгрессом США Комиссия по обзору Китая с точки зрения экономического положения и безопасности, Китай стремится «оказывать влияние через связи, которые сложно публично доказать, и заводить влияние, сопряженное с такими чувствительными вопросами, как этническая, политическая и национальная идентичность». ЕФ пользуется теми самыми факторами, которые формируют процветающее свободное общество – свободная пресса, плюралистическая политическая система и широкий спектр институтов гражданского общества. ЕФ следует общей тактике КПК, которая может быть адаптирована к конкретным обстоятельствам. При правлении Си эти операции ЕФ подпадают под четыре вектора, как описала китаевед Энн-Мари Брэди в своем обращении к парламенту Новой Зеландии в 2019 г.: 1) использование экономической взаимозависимости и/или деловых интересов; 2) поиск и привлечение влиятельных людей; 3) стремление к контролю дискурса и самоцензуре; и 4) по мере возможности, использование этнической китайской диаспоры.

Ключевыми приоритетами операций КПК в Европе в последние годы были: добиться молчания целевых стран в отношении Тайваня в попытке ослабить Тайбэй политически, заставить страны принять «Huawei» в свои сети 5G, заставить целевые страны молчать о нарушениях прав человека в Китае (в том числе в Синьцзяне, Тибете, Гонконге и в отношении Фалуньгун), снять с себя ответственность за пандемию и позиционировать Китай как спасителя Европы и других стран в области медицины. Дипломатический спор между Китаем и Литвой, который в настоящее время распространяется на все страны-члены Европейского союза, торгующие с Литвой, наглядно демонстрирует первый вектор, обозначенный Брэди.

Интересно, что в Европе тактике влияния на политическую и деловую элиту и межпартийной дипломатии придается относительно больший вес, чем тактике влияния на диаспоры – учитывая, что лишь в немногих европейских странах проживает значительное количество китайцев (в отличие от Австралии, где 5,6% населения указали китайское происхождение в ходе переписи 2016 г.). Стратегия в Европе заключается в

использовании экономических факторов для облегчения политического влияния. КПК часто прячется за марionетками, используя экономических и политических предпринимателей – часто бывших высокопоставленных политиков и дипломатов, связанных с КПК через свои деловые интересы – для улучшения имиджа Китая и обеспечения соответствия целевой страны конкретным политическим и дипломатическим интересам Китая.

Несмотря на то, что цели китайского и российского влияния в Центральной Европе и на Западных Балканах часто пересекаются – общее желание вытеснить США из региона, проникнуть в национальные и местные институты и захватить элиты – КПК не применяет универсальный подход в Центральной Европе. Подходы варьируются от стимулирования в Венгрии (где политический климат поддерживает китайские кампании влияния), смешанного метода стимулирования и принуждения в Чешской Республике (используя, в основном, доверенных лиц, и при этом оставаясь в тени), до малозаметных действий по стимулированию/принуждению в Словакии.

Деятельность КПК в Европе, как и в других открытых обществах, пользуется слабостями политических, экономических и социальных систем, при этом усиливая антиамериканизм и евроскептицизм в странах ЕС. COVID-19 послужил катализатором для усиления китайской тактики запугивания в Европе. Пресловутая тактика «дипломатии волков-воинов» – агрессивный стиль дипломатии принуждения в социальных сетях, принятый в Китае – была применена китайским послом во Франции, который обрушился на французских законодателей и исследователей через «Твиттер» в связи с санкциями ЕС против китайских чиновников за нарушения прав человека в отношении уйгуров и других меньшинств в Синьцзяне. Посольство Китая в Швеции воспользовалось этой тактикой, чтобы запугать шведское правительство и заставить его ограничить шведскую прессу. Открытые демократические системы, такие как в ЕС, особенно уязвимы. Целью становятся социальнополитические вопросы, вызывающие поляризацию, а также социальные разногласия и политика, которая считается вредной для интересов КПК. Наглядным примером могут служить попытки Китая представить европейские государства неспособными помочь своим гражданам во время первой волны COVID-19. В то же время Китай пытается представить себя (и, следовательно, КПК) в качестве спасителя мира, прилагая все усилия, чтобы устранить сообщения о происхождении вируса. Пекин использует широкий спектр инструментов – включая условные инвестиции/кредитную задолженность (особенно в рамках проектов «Пояс и путь»), лоббирование и захват элиты, приобретение СМИ, технологических компаний и жизненно важной инфраструктуры, а также влияние через академические круги, публичную дипломатию (например, дипломатию панд), культуру и китайскую диаспору. Пекин все больше ориентируется на субнациональные и местные органы власти, которые могут оказывать давление на

национальные правительства «снизу» и добиваться поддержки или предотвращать сопротивление китайской политике. Таким образом, КПК удастся постепенно и неуклонно – в условиях конфликта или повышенного интереса – изменять самые фундаментальные основы европейских государственных и частных институтов и процесса принятия решений путем изменения норм, правил, информации, установок и общественного мнения.

Ответные меры Европы – превентивные, реактивные, менее карательные

Кампания КПК по борьбе с пандемией стала толчком для европейских правительств к решению проблем, связанных с китайским влиянием, вмешательством и гибридными операциями.

Примечательно, что малые государства и молодые демократические страны Европы проявили себя лучше, чем более крупные и старые демократии. Вмешательство России в дела стран Балтики и некоторых государств Центральной Европы, таких как Чешская Республика, в целом повысило их бдительность в отношении Китая. Эти страны высветили кампании по дезинформации и другую деятельность, связанную с КПК или другими государственными субъектами Китая. Политическое и интеллектуальное противостояние тоталитаризму в этих странах способствовало устойчивости против влияния КПК (например, освещение этой деятельности в Чешской Республике организациями гражданского общества, такими как Sinopsis, ChinfluencE и CHOICE).

Еще в 2019 г. ЕС назвал Китай системным соперником, который стремится продвигать модель управления, противоречащую либеральным ценностям ЕС. Учитывая растущую осведомленность о действиях Китая по наращиванию влияния (наряду с другими авторитарными государствами, в первую очередь, с Россией), ЕС внедрил ряд инструментов, которые включают Кодекс практики по дезинформации (набор стандартов для борьбы с дезинформацией), набор инструментов кибердипломатии и режим киберсанкций (набор инструментов и процессов), а также Систему быстрого оповещения, принятую в рамках Плана действий ЕС против дезинформации. Также была создана Объединенная гибридная ячейка для получения, анализа и обмена информацией о гибридных угрозах. Вместе с тем, расширилось сотрудничество с НАТО после создания Европейского центра мастерства по противодействию гибридным угрозам. Кроме того, Европейская комиссия создала централизованный механизм по контролю прямых иностранных инвестиций, инструмент противодействия экономическому принуждению со стороны третьих стран и набор инструментов для смягчения иностранного вмешательства, особенно в области исследований и инноваций.

Члены ЕС ответили на тактику Китая тремя способами: превентивным, реактивным и карательным образом. Последнее чаще относится к странам, находящимся в географической близости к Китаю, которые являются

объектом длительных и интенсивных операций со стороны КПК. В большинстве европейских стран основное внимание уделяется превентивным и реактивным мерам. Например, Швеция разработала подход, охватывающий все общество и все правительство, для повышения устойчивости к внешнему вмешательству со стороны России и Китая. В 2019 г. правительство назначило Фредрика Лейдквиста первым послом МИД Швеции по противодействию гибридным угрозам и запретило «Huawei» и «ZTE» использовать сеть 5G.

Помимо указанных общих мер, ЕС и его члены также разработали набор лучших практик для каждого уязвимого сектора. К примеру, в СМИ и информационной сфере Словакия приняла превентивное законодательство, запрещающее сквозное владение СМИ. Процесс контроля иностранных инвестиций во Франции и Германии включает средства массовой информации (печатные издания, радио и телевидение) в качестве стратегической отрасли. Швеция осуществила инвестиции в автоматические платформы проверки фактов с функциями самостоятельной проверки гражданами, а также в обучение детей по вопросам, касающимся фейковых новостей и пропаганды. В качестве ответной меры, Закон Германии о запрещенной деятельности в сети обязывает интернет-платформы предоставлять пользователям возможность сообщать о незаконном контенте, таком как разжигание ненависти и дискредитирующие заявления, размещенные на их платформах. В рамках карательной политики, Латвия и Литва – последняя испытывает огромное давление со стороны Пекина в связи с выходом в 2021 г. из сомнительной китайской инвестиционной платформы «17+1» в Центральной и Восточной Европе – ввели штрафы и приостановили работу СМИ, распространяющих дезинформацию, и приняли более жесткие нормы в отношении СМИ, действующих за пределами ЕС.

Передовая практика в политике и для элит включает превентивные действия, такие как принятый в 2019 г. правительством Нидерландов закон об ограничении иностранных политических пожертвований и отмена мэром Праги соглашения о партнерстве с Пекином. Коллективное противодействие включало отмену поездки делегации в Китай парламентом Германии после того, как одному из его членов было отказано в визе, а шведские СМИ заявили о попытках запугивания прессы. В недавнем сообщении «о разоблачении и посрамлении», адресованном членам британского парламента, в котором MI5, служба внутренней контрразведки и безопасности Соединенного Королевства, предупредила членов британского парламента о том, что лоббист КПК Кристиан Ли, юрист китайского происхождения, имеет хорошие связи и действует от имени Пекина, чтобы подкупить британских политиков.

Передовой опыт в бизнесе и инвестициях в основном связан с превентивными мерами. В 2016 г. ЕС принял директиву о торговых секретах для гармонизации защиты на всей территории ЕС, а в 2019 г. принял

нормы по проверке прямых иностранных инвестиций. Правительства ряда европейских стран задействовали свои службы безопасности для сбора информации о корпоративном экономическом шпионаже китайского правительства с целью предупреждения компаний и других целевых субъектов. Что касается реагирования, то британская и голландская разведки и службы безопасности сообщили о группировке Advanced Persistent Threat 10, которая базируется в Китае и осуществляет хакерские атаки на правительства и телекоммуникационные компании.

Передовой опыт в научных кругах и исследованиях, как правило, ограничивается превентивными мерами, такими как повышение осведомленности и устойчивости. Состоялись парламентские слушания (особенно в Великобритании), были выпущены руководящие принципы министерства, и в некоторых университетах были приняты соответствующие меры. В отчете «К устойчивому сотрудничеству Европы и Китая в области высшего образования и научных исследований», подготовленном в 2020 г. Лейденским центром Азии, голландским исследовательским центром при Лейденском университете, отмечается, что Бельгия, Германия, Нидерланды, Швеция и Великобритания выпустили руководство по академическому и научному сотрудничеству с Китаем. Министерство иностранных дел Нидерландов добавило контрольный список для университетов и других исследовательских институтов, призывая к большей осведомленности и осторожности в сотрудничестве с Китаем. Рабочая группа по академической свободе и интернационализации, базирующаяся в Великобритании, выпустила кодекс поведения для защиты академической свободы и исследовательского сообщества. Все шведские высшие учебные заведения прекратили свои связи с «Ханбан», китайским государственным учреждением, имеющим связи с Министерством образования Китая и широко известным как штаб-квартира Институтов Конфуция. Чешские службы безопасности предупреждают университеты о потенциальных рисках. В академической среде были осуществлены определенные ответные меры, включая закрытие Институтов Конфуция в Швеции и Нидерландах в результате решений, принятых отдельными университетами. В Чешской Республике Китайский центр при пражском Карловом университете прекратил свою деятельность после скандала, связанного с секретными платежами, полученными от посольства Китая. Несколько университетов также приняли меры против отделений Ассоциации китайских студентов и ученых (АКСУ) в студенческих городках. Так, например, Кембриджский университет в 2011 г. распустил АКСУ после того, как посольство Китая предположительно вмешалось в выборы президента группы.

Перспективы: общеправительственный/ общегосударственный подход

ЕС и его члены должны продолжить расширение и реализацию необходимых мер для защиты своих

На плакате видны два гражданина Китая, которых Министерство юстиции США подозревает в принадлежности к хакерской группировке Advanced Persistent Threat 10, обвиняемой в краже данных американских компаний. АССОЦИИЭТЕД ПРЕСС

демократических систем, открытых обществ, норм и ценностей. Общеправительственный и общегосударственный подходы играют значительную роль в этом деле. В целях защиты демократии ЕС и его члены должны найти возможности использования сильных сторон демократии; ключевым моментом является прозрачность, вместе с усилением демократических идей и принципов внутри ЕС. Необходимо способствовать тому, чтобы СМИ, издательства и цифровые платформы отказывались от любого сотрудничества с китайскими пропагандистскими СМИ, сообщали об экономическом или политическом давлении со стороны Китая и помогали гражданскому обществу проводить кампании против пропаганды. ЕС и его члены должны также поддерживать и финансировать независимые исследования и журналистику по Китаю, информировать соответствующие заинтересованные стороны о методах влияния Китая и повышать осведомленность широкой общественности, в том числе с помощью кампаний по повышению медийной грамотности. ЕС мог бы также создать системы отслеживания инцидентов в различных областях и координировать расследования сетей влияния КПК с систематической оценкой возникающих рисков. ЕС и его члены должны жестко противодействовать экономическому шпионажу, более активно разоблачать и осуждать кражи торговых секретов и способствовать уголовному преследованию за кражу технологий. Необходимо усилить карательные меры, в том числе рассмотреть возможность судебного преследования для защиты европейских граждан, включая китайскую диаспору, от влияния и вмешательства КПК. В заключении, для наиболее эффективной корректировки общей стратегии ЕС в отношении Китая, ЕС необходимо расширять и поощрять обмен передовым опытом и полученными знаниями с партнерами за пределами ЕС и в конкретных государствах-единомышленниках в Азиатско-Тихоокеанском регионе. □

Выставка и международная ярмарка товаров Китая и стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) в китайском г. Нингбо. Июнь 2021 г. Китай использует свой экономический вес для оказания влияния на политику в странах ЦВЕ и других европейских странах. АССОЦИИЭЙТЕД ПРЕСС

МЕСТО КИТАЯ В ЕВРОПЕ

Применяя модель гибридных угроз

Янне Йокинен, заместитель директора программы «Общность интересов относительно гибридного влияния» в Европейском центре мастерства по противодействию гибридным угрозам

Российское вторжение в Украину в 2014 г. и оккупация части ее территории было первым сигналом европейским странам, возвещающим о разложении структур безопасности, созданных после окончания холодной войны. Несомненными были два факта: в межгосударственные отношения в Европе вновь вернулось использование военной силы, и определения вооруженного конфликта и мирного соревнования стали все более размытыми и пересекающимися. Оглядываясь в прошлое, мы видим, что эти сдвиги уже были очевидны какое-то время – например, вторжение России в Грузию в 2008 г. и оккупация части ее территории – но для того, чтобы эти сигналы стали восприниматься серьезно потребовался конфликт с участием государства, граничащего с Европейским союзом, а также военная кампания, проведенная эффективно и в крупном масштабе.

В 2014 г. российское руководство совершенно четко увязало свои операции в Украине со своей более широкой целью изменить европейский порядок безопасности путем возврата к модели, при которой суверенитет большинства государств будет иметь относительный характер и подчиняться суверенитету «великих держав» (как их видит Москва), и особенно самой России. Опять-таки, в этом послании Москвы не было ничего нового. Уже много лет до этого Россия призывала к такому изменению порядка в Европе и мире.

Конфликт в Украине и западная реакция на него совпали с переменами в европейских отношениях с Китаем. Эти перемены были результатом того, что политическая и экономическая мощь Китая достигла такого уровня, когда использование этой мощи стало ощутимым, и руководство Коммунистической партии Китая (КПК) начало использовать новые пути закрепления своих позиций как внутри страны, так и на международной арене. Европейцы были потрясены возрастающими жесткими требованиями Пекина к зарубежным предприятиям, работающим на китайских рынках, растущим экономическим и технологическим влиянием Китая во всем мире, а также более явной работой китайских служб безопасности в европейских странах и агрессивным стилем «волков-воинов», использованным китайскими дипломатами. Вследствие этого, хотя это была Россия, которая привлекла всеобщее внимание к новым реалиям гибридных угроз, Китай быстро занял место почти наравне с Россией в западных оценках угроз безопасности.

Европейская реакция на новый спектр угроз – здесь мы не говорим о тех, кто отрицает наличие каких-либо значительных перемен или видит эти перемены в позитивном свете – состоит из трех основных компонентов: реактивация и перестройка возможностей конвенциональной обороны; возврат к союзническим и партнерским отношениям в сфере безопасности; и возврат к всеобщественной концепции обеспечения безопасности. Хотя эта идея как таковая и не нова – ведь вся история периода холодной войны – это история «тотальной обороны» – большинство европейских государств считали ее неуместной в эру после завершения холодной войны. В конце 2010-х гг. в документах западных государств, формулирующих политику в сфере обороны и национальной безопасности, были попытки отреагировать на происходящие изменения путем введения новой и переделывания старой терминологии, используемой в контексте операций по борьбе с повстанцами и урегулирования конфликтов, что неизбежно приводило к путанице и недоразумениям. Такие термины как «гибридная война», «реализация гибридных угроз», «деятельность в серой зоне» и «асимметричная война» используются как взаимозаменяемые

или им придаются новые значения. Более того, военные эксперты сейчас обязаны работать вместе со службами контрразведки, правоохранительными органами, СМИ, частным сектором и гражданским обществом. Каждый из этих партнеров привносит собственную терминологию и образ мышления. Из-за этого многое еще предстоит сделать на концептуальном уровне, чтобы сдерживание и контрмеры стали эффективными.

Концептуальная модель для гибридных угроз, которой пользуется Центр мастерства по противодействию гибридным угрозам (ЦПГУ) стремится заменить путаницу в терминологии единой аналитической системой взглядов. В этой статье эта модель применяется с целью определения основных элементов характеристики Китая как представляющего гибридную угрозу субъекта и выработки рекомендаций относительно ответных действий.

Концептуальная модель для гибридных угроз

ЦПГУ был создан в 2017 г. после российского вторжения в Украину и незаконной аннексии Крыма – операций, в которых Россия активно задействовала гибридные методы. Использование Москвой таких методов не было чем-то новым. Вся история периода холодной войны изобилует действиями, подходящими под определение «гибридных». Российское стратегическое мышление является прямой производной советских традиций. Будет полезным напомнить, что эти же самые традиции нашли отражение в методах, применяемых КПК как внутри страны, так и за рубежом на протяжении всей своей истории. Хотя примеров открытого сотрудничества в этой области между Россией и Китаем не так уж много, китайцы внимательно изучают используемые Россией приемы и быстро адаптируют те, которые кажутся эффективными.

ЦПГУ, в работе которого участвует 31 государство, играет уникальную роль единой платформы для трансатлантического сообщества (все государства-члены НАТО и ЕС могут присоединиться), создающей возможности для предотвращения гибридных угроз и противодействия им путем налаживания связей, совместных исследований и стратегических дискуссий, а также организации совместных тренинговых программ и учений. Одной из первых задач ЦПГУ была разработка действенной модели для анализа гибридных угроз. В качестве первого шага было необходимо упорядочить концептуальное понятие «участвовать могут все». Эти же действия, среди прочих, имели такие названия как «суррогатная война», «тактики серых зон», «война нового поколения», «рефлексивное управление» или «политическая война». В результате работы,

Российские военные проводят учения в оккупированном Россией Крыму. Апрель 2021 г. АССОЦИИТЕД ПРЕСС

проведенной ЦПГУ совместно с Объединенным политическим центром Европейской комиссии, в конце 2020 г. был опубликован доклад «Ландшафт гибридных угроз: концептуальная модель».

Концептуальная модель рассматривает спектр гибридных угроз как континуум, включающий в себя влияние и вмешательство посредством невоенных и военных инструментов, которые предпочитают гибридные угрозы субъекты используют для первоначальной обработки, дестабилизации и принуждения выбранного в качестве мишени общества. Интенсивность такой деятельности и выбор методов зависит от того, в какой степени субъект стремится остаться незамеченным и неопознанным, а также от желания оставаться ниже того порога, за которым последуют контрмеры. Концептуальная модель привлекает внимание к тому факту, что реализация гибридных угроз в качестве мишени выбирает именно те элементы, на которых держится демократическая политическая система, с тем чтобы превратить эти прочные элементы в уязвимые. Модель также указывает на то, что эти подрывные действия требуют комплексного системного ответа.

В соответствии с концептуальной моделью, термин «гибридная угроза» может обоснованно употребляться, когда субъект со злыми намерениями умышленно объединяет и синхронизирует действия, в качестве мишеней выбирая именно системно уязвимые места в демократических обществах. Такие действия могут иметь следующие характеристики:

- Синхронизированное использование многих инструментов для создания линейного и нелинейного эффекта.
- Создание двусмысленной ситуации (скрытые действия, опровержение обвинений) и сокрытие реальных намерений.
- Умышленное балансирование на допустимом «пороге», когда дело доходит до обнаружения злоумышленника и принятия ответных мер.

Литва закрыла свое посольство в Пекине в декабре 2021 г. после того, как Китай выступил с нападками на это прибалтийское государство из-за его отношений с Тайванем. АССОЦИИЭЙТЕД ПРЕСС

- Использование в своих целях слабых мест демократического общества, а также различия в правовых системах.
- Частое использование отвлекающего маневра, когда действия происходят в одной среде, в то время как действительная цель находится в другой.

Для выбранного в качестве мишени общества проблема состоит в том, чтобы выявить именно те сферы, где, скорее всего, будет происходить реализация гибридных угроз, и сосредоточить в нужных местах все ресурсы для укрепления жизнестойкости, сдерживания, обнаружения и противодействия. Для этого необходимо понимать конкретные особенности потенциального субъекта, прибегающего к гибридным угрозам, выбранного им в качестве мишени общества и каналов влияния между субъектом и обществом.

Также важно помнить о том, что реализация гибридных угроз имеет тенденцию протекать непрерывно. То, что становится заметным, как правило, является лишь частью более масштабной злонамеренной кампании. Большая часть этой подрывной деятельности нацелена на первоначальное провоцирование общества, иными словами, на проведение подготовительной работы для применения более силовых методов, когда они понадобятся. На политических деятелей и общество в целом оказывается влияние с тем, чтобы предрасположить их к пассивности или к желаемой реакции на определенные импульсы, как гласит советская теория рефлексивного управления.

В концептуальной модели задействовано 13 сфер: дипломатическая, политическая, культурная, социальная/общественная, правовая, военная/оборонная, космическая, административная, инфраструктурная, экономическая, разведывательная, информационная и кибернетическая. При необходимости эти все сферы можно сгруппировать в любом порядке. Важно сделать так, чтобы были включены и рассматривались все

имеющие отношения сферы деятельности, как гражданские, так и военные.

Что собой представляет гибридная угроза Китая

Когда концептуальная модель гибридных угроз только создавалась в 2018-2020 гг., на проявления гибридных угроз Китая уже обратили внимание в Европе, и они изучались при конструировании модели. Случаи проявления этих угроз продолжают учащаться, и самым недавним примером может служить кампания давления на Литву в ответ на разрешение открыть представительство Тайваня в столице страны Вильнюсе. Это был первый случай, когда страна-член ЕС разрешила Тайваню использовать собственное название для представительских целей за границей.

Образ Китая в качестве субъекта, представляющего гибридную угрозу, можно анализировать, рассмотрев его стратегическую культуру, очевидную восприимчивость европейских обществ к гибридным тактическим приемам Китая и каналы влияния, существующие между Китаем и Европой.

Стратегическая культура Китая

Концептуальная модель предполагает наличие злого умысла: преследование целей, которые противоречат интересам и благосостоянию общества, выбранного в качестве мишени. Таким образом, важно взглянуть на исторические и культурные особенности, направляющие Пекин при определении его целей. В то время как КПК публично заявляет о равенстве и взаимовыгодных отношениях, на практике она верит в явное предназначение Китая занять в мире лидирующую позицию. Эта цель корнями уходит в политические устремления партии внутри страны. Согласно основному нарративу КПК, без партии Китай распадется на части, впадет в экономическую нищету и политический хаос и вновь превратится в игрушку западных держав.

Первая линия обороны Китая находится за пределами его границ. Так же, как и в России, для Китая культурная безопасность в виде сохранения нужного образа мышления населения является наиболее приоритетной задачей. Это дополняется еще представлением о том, что внешний мир своими конкретными и публичными действиями должен демонстрировать уважение по отношению к Китаю и его руководителям. Таким образом, глобальный интернет необходимо контролировать: нежелательная информация должна отсекается при помощи «Великой огненной стены»; власти должны решать, какую информацию будут выдавать из Китая всему остальному миру, а китайский контроль за информационным пространством других стран должен быть расширен.

Помимо пропагандирования чувства национализма, партийно-государственная структура Китая легитимизирует свою политическую систему посредством экономических успехов. Необходимо убедить жителей Китая в том, что они искренне заинтересованы в сохранении руководства КПК в стране и в предоставлении ресурсов

для превращения страны в глобальную сверхдержаву. По мере того, как китайская экономика становилась все сильнее, а демографические дивиденды стали иссякать, возросла необходимость в китайском экспорте на зарубежные рынки и во вложении в них инвестиций. Спрос на энергоносители, ключевые технологии и сырье продолжает расти, и национальные ресурсы уже не в состоянии его удовлетворить. Нарастание китайского влияния внутри зарубежных обществ и глобальных институтов стало, таким образом, как экономической необходимостью, так и необходимостью с точки зрения безопасности.

Почему же тогда КПК не устраивает вариант, при котором все ее цели достигались бы при помощи экономических, политических и других законных инструментов, имеющихся в распоряжении великой державы? Одна из причин состоит в том, что у Китая есть представление о глобальной системе, в которой доминируют США и их союзники, и которая настроена против Китая. Однако, компартия в действительности предрасположена к использованию гибридной тактики из-за своей стратегической культуры и истории. В истории древнего Китая можно найти примеры неконвенциональной войны, и конечно же существует культурная преемственность, формирующая представления современных руководителей страны. Вместе с тем, ссылки на эти примеры часто используются для придания националистической окраски образу мышления и действий, что на самом деле имеет уже советское происхождение.

КПК и построенное ею государство изначально были созданы по модели Советской Коммунистической партии и Союза Советских Социалистических Республик в их ленинской и сталинской интерпретациях. Нынешний образ мышления в значительной степени основан на советских моделях, в том числе на подходе «Единого фронта» и на стремлении установить рефлексивный контроль над противниками. КПК привела к власти военная сила, но также еще и то, что сегодня назвали бы гибридными методами: ослабление решимости оппонентов, применение давления, разрушение союзнических связей противника, вовлечение третьих сторон и контроль за информационным пространством населения в целом. В сегодняшней жизни наглядным примером применения этих методов внутри Китая является ассимиляция Гонконга в однопартийное государство.

Гибридные угрозы нацелены на европейские общества

Для руководства КПК Европа представляет собой соблазнительную мишень для реализации гибридных угроз. Как правило, в европейских странах открытые рыночные экономики, где политические системы носят демократический характер, а полномочия правительства ограничены принципом верховенства закона. В своей ориентации на внешний мир эти государства стремятся к стабильности и избегают конфликтов. В одиночку каждое из европейских государств является, в лучшем

случае, средней величины державой, и, таким образом, имеет более ограниченные средства по сравнению с Китаем. Однако, большинство из них являются союзниками или близкими партнерами США. Это обстоятельство вовлекает их в противостояние великих держав, поскольку, ослабляя европейских партнеров, Китай может подрывать позиции США.

Хотя в военно-политическом отношении европейские государства слабее Китая, они предоставляют значительные экономические и технологические возможности, которые Пекин может использовать в своих интересах. ЕС и его члены также имеют существенное нормативное влияние в мире как напрямую, так и через международные институты. И наконец, миллионы граждан Китая имели возможность ознакомиться с европейскими ценностями и культурными особенностями, получая образование или работая в Европе или взаимодействуя с европейцами в самом Китае. Это влияние Европы должно быть дискредитировано в целях обеспечения культурной и политической безопасности. Более того, партии нужны примеры неудач демократических режимов в качестве доказательства превосходства китайской модели. При необходимости эти доказательства можно сфабриковать, как это было сделано в ходе кампании дезинформации, связанной с пандемией COVID-19.

Таким образом, для КПК, уже знакомой с гибридными методами и предрасположенной к их использованию, Европа является привлекательной мишенью, поскольку она состоит из многочисленных государств малого и среднего размера, экономически зависящих от Китая. Открытая природа европейских обществ создает пространства, в которое КПК может внедрить своих представителей в виде китайских или подконтрольных Китаю предприятий, СМИ, исследовательских институтов, организаций диаспоры и влиятельных лиц. Вера партии в превосходство, присущее авторитарной политической системе, сама по себе призывает к использованию гибридных методов против стран с демократической формой правления.

Каналы влияния

Третий элемент в применении гибридных методов – это наличие каналов влияния. Здесь свою роль играет география. Применение вооруженной силы против Европы маловероятно, разве что только в рамках глобального конфликта между Китаем и США. И даже тогда, военная сила, скорее всего, будет использоваться в киберпространстве и против европейских активов в регионе Индийского и Тихого океанов. Конечно же, Китай старается расширить свои возможности действовать далеко в открытом море, и для этого Морская милиция Народных вооруженных сил действует под видом гражданского рыболовного флота. Эта ситуация может измениться, например, в районе Арктики.

Даже если фактор военной силы можно в целом исключить из общей картины угроз, в арсенале Китая

остается немало других мощных средств оказания влияния в Европе. Практически экономики всех европейских стран интегрированы с Китаем и зависят от него, хотя и в различной степени. Применение гибридных угроз, таким образом, можно ожидать в экономической сфере. Киберпространство – еще одна сфера, в которой взаимодействие между европейскими обществами и Китаем особенно широкое. Это утверждение тем более верно в области информационных и коммуникационных технологий, но распространяется оно также и на другие сферы. Области экономики и киберпространства все больше переплетаются по мере того, как экономическая деятельность все сильнее зависит от передачи потока данных. Не случайно Китай акцентирует усилия на получении контроля над глобальными возможностями хранения и передачи данных.

Китайские диаспоры в Европе не являются достаточно большими и однородными для того, чтобы оказывать влияние на политические системы напрямую, например, через выборы, как это происходит в других частях мира. Нет у Китая также значительных культурных или религиозных связей с Европой, которые могли бы служить проводником влияния КПК. То же можно сказать и об организациях политической направленности. И все же, китайские общины за границей могут оказывать значительное влияние в более специфическом контексте, в таком, как среди экономических субъектов, академических институтов и в исследовательских кругах. Китай смог найти доступ к элитам, оказывая всестороннюю помощь и поддержку влиятельным европейцам, в том числе людям, занимающим стратегические должности в международных институтах.

На стенде «Их разыскивает ФБР» висят фотографии членов хакерской группы APT 41, поддерживаемой правительством Китая, которых разыскивает американское правительство в связи с кампанией вмешательства в работу компьютерных сетей.

AFP/GETTY IMAGES

Китай как субъект, представляющий гибридную угрозу

Возвращаясь к определению гибридных угроз, похоже, у Китая действительно есть мотивы, средства и возможности для оказания влияния на европейские общества. Существует также множество неоспоримых доказательств того, что Китай занимается такой деятельностью. Подготовка европейских обществ к большей восприимчивости китайских целей уже проводится какое-то время через увеличение их экономической зависимости (инфраструктура, инвестиции), проникновение в элиту, приобретение медийных платформ и создание их последующей зависимости от китайских материалов (особенно в том, что касается информации о Китае), осуществление давления на академических работников и других экспертов, работающих над изучением Китая или преподающих курсы, относящиеся к Китаю, а также через владение стратегическими ресурсами, такими как электростанции или порты, увеличение зависимости от китайских технологий и соответствующих услуг и т.д.

Использование в своих целях правовых различий среди европейских стран довольно заметно в сфере экономики. Китайские субъекты выходят с заманчивыми предложениями к местным властям, которые отвечают, например, за вопросы зонирования. К тому времени, когда службы безопасности национального уровня узнают о совершенной сделке, уже может быть трудно остановить ее без нарушения административных или правовых границ. Китайские субъекты также быстро реагируют с использованием различных средств, включая угрозы принятия правовых шагов или действия против тех, кто отказывается выполнять их желания.

Использование в своих целях юридических различий переносится и на международный уровень. Создание Китаем региональных группировок, таких как формат «16+1», нацелено на раскол европейского единства. Получение Китаем контроля над устанавливающими нормы институтами подрывает способность европейских государств использовать законодательные нормы и технические стандарты для ограничения доступа Китая к критически важным секторам.

Когда попытки оказать влияние терпят неудачу, как в случае с Литвой, Китай переходит к осуществлению вмешательства. Он использует свои экономические полномочия внутри страны (бойкоты иностранных товаров, административное давление, отказ во въездных визах персоналу), внутри целевой страны (отказ в предоставлении критически важного сырья и компонентов) и на глобальном уровне (судебные процессы, препятствование участию). Кампании гибридных угроз также включают дезинформацию с использованием подконтрольных Китаю СМИ в целевой стране, киберинструменты и мобилизацию «китайского народа» (физических и юридических лиц, получающих финансирование из госбюджета, а также и действительно патриотически настроенных

частных граждан) для нападков на эту определенную страну в социальных сетях. В наиболее экстремальных случаях людей похищают и доставляют против их воли в Китай, где их ждет тюремное заключение.

Реакция на противоправную деятельность Китая получает клеймо расистской синофобии и политически мотивированной дезинформации. Использование негосударственных субъектов позволяет отвлечь внимание от роли государственных властей Китая, тем более что европейская аудитория еще полностью не осознала степень контроля коммунистической партии страны над всем китайским обществом. Послания, исходящие от партийно-государственного аппарата Китая, нацелены на подрыв доверия к европейским государствам как к защитникам прав человека, демократии и рационального управления в глазах остального мира, а также на дискредитацию конкурирующей политической модели в глазах китайских граждан.

Заключение

Рассматривая китайско-европейские отношения через призму концептуальной модели гибридных угроз, становится ясно, что руководимый КПК Китай соответствует определению субъекта, представляющего гибридную угрозу. Что касается масштабов его деятельности, то он уже догнал или даже перегнал другого крупного субъекта, Россию, почти по всем показателям, за исключением военной сферы. Китай также добился определенных успехов в подготовке многих европейских обществ к восприятию китайского влияния.

В последние годы Китай осуществляет давление на европейские общества гораздо более открыто, чем раньше. При этом была перейдена определенная черта, за чем последовала реакция многих стран, выбранных Китаем в качестве мишени. Поведение Китая широко обсуждается в СМИ, и общественность стала относиться к Китаю более настороженно. Предприниматели откорректировали свои оценки политических рисков отнюдь не в пользу Китая. Правительства стран выпустили ряд заявлений, но что более важно, ужесточают законы и правила и создают инструменты, такие как разрабатываемые сейчас в ЕС меры борьбы с принуждением, для того чтобы перекрыть каналы влияния КПК. В качестве угрозы безопасности Китай сейчас выступает неизменным пунктом в повестке дня ЕС и НАТО, в то время как трансатлантическое сообщество с его азиатскими и тихоокеанскими союзниками работают над выработкой единых ответных мер.

Хотя эти ответные меры, скорее всего, заставят КПК откорректировать свои тактические приемы, вряд ли партия откажется от использования гибридных методов. Во-первых, использование этих методов является составной частью подхода КПК к собственному населению и к миру в целом. Во-вторых, эти методы продолжают быть довольно успешными во многих частях мира. Это помогает Китаю ослабить экономические и политические связи западных стран с государствами Африки,

Латинской Америки и Азии и создать глобальное сообщество сторонников, которое он сможет мобилизовать на уровне международных институтов. В-третьих, многие из этих методов, как продемонстрировал Китай, стали более эффективными благодаря технологическому развитию.

Учитывая, что угроза, скорее всего, будет сохраняться, но принимать при этом новые формы, необходимо сделать так, чтобы у западных обществ было адекватное понимание Китая, образа мышления и целей его руководства, инструментов, которые имеет и готова использовать КПК, а также осознание наличия уязвимых мест в Европе, в западном мире в целом и в глобальном масштабе, которые Китай может использовать в своих интересах. Также важно делать различие между Китаем и его населением в целом и партийно-государственным аппаратом страны. Сотрудничество с Китаем как страной необходимо и естественно, в то время как противодействие гибридным угрозам партийно-государственного аппарата этой страны является крайне необходимым. Нужно противостоять стремлению Пекина контролировать информационные потоки из Китая и в Китай, а независимые исследования китаеведов должны получать достаточное финансирование. Необходимо подталкивать третьи страны к проведению собственной аналитической работы и всячески поддерживать их в этом начинании. Некоторые из этих стран выбраны Китаем в качестве мишеней для реализации гибридных угроз, и эти страны могут поделиться ценным опытом. Насущным приоритетом является защищенность и безопасность исследователей.

Образ мышления и методы работы КПК уходят корнями во времена Советского Союза, и в России сейчас сохраняются те же самые традиции. Китай, Россия и другие авторитарные режимы учатся друг у друга по мере того, как они стремятся найти более эффективные методы влияния и вмешательства. И поэтому будет продуктивно с интеллектуальной точки зрения и важно в оперативном отношении собрать вместе экспертов по Китаю и экспертов по России и получить полную картину гибридных угроз на сегодняшний день. В свою очередь, это поможет преодолеть недостатки, появившиеся в результате различной приоритетности в восприятии угроз у различных членов трансатлантического сообщества.

Все еще остается много неясных моментов в определении гибридных угроз и в соотношении различных областей деятельности – особенно в различиях между военной и невоенной сферами. Эти вопросы необходимо решить. Гибридные угрозы противостоят обществам в целом, а не отдельным их частям, и поэтому ответные меры также должны быть инклюзивными и всеохватывающими. Все это делает ЦПГУ и другие подобные платформы еще более нужными. Они предоставляют площадки, на которых эксперты в различных областях, в том числе представители частного сектора и гражданского общества, могут собраться вместе, обменяться информацией и создать единую систему взглядов. □

Как противостоять злонамеренному экономическому влиянию Пекина

Ян Фамфолле и Якуб Янда, Центр европейских ценностей по вопросам политики безопасности

ВО многих странах мира и особенно в Европе в последнее время ощущаются последствия вредоносного экономического влияния со стороны Китая, которое проявляется во многих отраслях национальных экономик. Организации, имеющие связи с Китаем и Коммунистической партией Китая (КПК), участвуют в политически мотивированных хищнических приобретениях стратегических активов, критической инфраструктуры и чувствительных технологий, краже интеллектуальной собственности, промышленном и академическом шпионаже, сборе персональных и биометрических данных, кибератаках, коррупции и вмешательстве в деятельность университетов.

Китай постоянно угрожает политическим и/или экономическим возмездием иностранным компаниям за автономные действия правительств их стран и часто прибегает к принуждению в виде тарифов, ограничений на туризм, бойкотов, выборочных или полных торговых запретов. Вместе с тем, иностранные предприятия испытывают трудности в неблагоприятной внутренней предпринимательской среде Китая, в которой законодательные нормы ограничивают доступ иностранцев на рынки страны, процесс государственных закупок закрыт для иностранных компаний, а КПК принуждает к слияниям с китайскими компаниями. Более того, КПК может фактически вмешиваться в деятельность любой иностранной компании, работающей в Китае.

Хищническая экономическая деятельность нарушает конкуренцию и ценообразование на западных рынках. Некоторые виды деятельности могут даже повлечь за собой негативные последствия для безопасности, например, контроль над критически важной инфраструктурой

других стран, сбор биометрических и геномных данных людей, создание и экспорт антиутопических систем массового кибернаблюдения или использование западных рынков капитала для финансирования исследований в области ядерного вооружения и наращивания военного потенциала. Перед лицом этой проблемы и на фоне торговых споров и опасений в связи с проявлениями милитаристской позиции Китая, его принудительной экономической экспансии и грубых нарушений прав человека, Европейский союз в 2019 г. назвал Китай стратегическим соперником. ЕС и многие его государства-члены стали разрабатывать и применять ответные меры для противостояния негативным последствиям этого вредоносного экономического влияния и устранения опасной зависимости от Китая, которая может быть использована в качестве оружия. В этой связи возможности эффективной политической реакции являются весьма востребованными.

В данном обзоре рассматривается передовой опыт и ответные меры, принятые на международном уровне демократическими странами для противодействия злонамеренному экономическому влиянию. Различают четыре типа политических мер: 1) для мониторинга деятельности Китая и понимания его методов работы и целей; 2) для защиты национальной экономики и повышения устойчивости частного сектора к злонамеренной экономической деятельности; 3) для привлечения к ответственности иностранных нарушителей; и 4) для преодоления системного вызова со стороны Китая и достижения успеха в стратегической глобальной конкуренции.

КОНТРОЛЬ И ПОНИМАНИЕ

Способность действовать – как превентивным, так и реактивным образом – предполагает и требует хорошего знания, постоянного мониторинга и понимания вызовов, которые Китай представляет в экономической сфере. Поэтому аналитический потенциал и потенциал в области разработки политики еще более необходимы в эту новую эпоху, когда существуют сложные связи между торговлей, технологиями, безопасностью и правами человека. В соответствии с целостным подходом, изучение этих новых вызовов должно происходить на нескольких уровнях.

Академические круги

Для наращивания знаний в академической среде университетам необходимо привлекать больше студентов и готовить больше ученых для изучения и понимания Китая (китаеведения) с лингвистической и культурной точек зрения, включая экономику, безопасность и другие аспекты современного китайского государства и общества. Организация и развитие независимых исследований, связанных с Китаем, требует большей финансовой поддержки со стороны европейских государств для учебных программ, ориентированных на Азию и Китай, как, например, программа, объявленная Германией для повышения уровня знаний о Китае.

В принимающих университетах начинают пересматривать китайские инструменты вмешательства и пропаганды, такие как, примерно 190 Институтов Конфуция в ЕС. Канада, Франция, Нидерланды, Норвегия, Швеция и другие страны уже закрыли некоторые из этих институтов. В соответствии с новым законом, Австралия может рассматривать договоры университетов и накладывать на них вето в случае признания их несовместимыми с ее внешней политикой в отношении Китая.

Европейские университеты могут рассмотреть возможность развития и расширения сотрудничества с тайваньскими академическими институтами в качестве альтернативы Институтам Конфуция, а также для поддержания программ на китайском языке при сохранении академической свободы. Правительства некоторых стран уже оказывают поддержку в таких начинаниях, налаживая партнерские отношения в сфере образования, как это сделала Канада или на примере американо-тайваньской образовательной инициативы.

Неправительственный сектор

В секторе НПО также необходимо расширять опыт и знания о Китае. Ряд хорошо зарекомендовавших себя европейских аналитических центров занимаются экономическими вопросами, например, Институт Меркатора по изучению Китая в Германии и аналитический центр Брейгель в Бельгии. Однако, учитывая масштабы и значимость проблем, связанных с Китаем, для Европы целесообразно было бы создать больше центров политических знаний. Например, Шведский центр китаеведения был основан в 2020 г. при поддержке шведской промышленности, чтобы предоставлять промышленным предприятиям, государственному сектору и гражданскому обществу анализ и консультации по вопросам, касающимся Китая.

Национальные правительства

Академические и неправительственные инициативы не должны быть единственными источниками знаний и анализа, когда речь идет о формировании политики. Национальные правительства могут рассмотреть возможность создания собственных национальных центров китаеведения, которые будут заниматься всесторонним мониторингом и изучением Китая, поскольку понимание ситуации – это первый шаг к противодействию злонамеренному вмешательству. Такие центры могут быть созданы по модели Nationellt kunskapscentrum om Kina – Национального центра Китая, недавно основанного в Швеции.

Европейский уровень

Всесторонний мониторинг и изучение Китая правительственным органом может также эффективно осуществляться на общеевропейском уровне, дополняя национальные экспертные центры (или заменяя их, при отсутствии национальных центров) и способствуя проведению совместных европейских исследований.

Специализированная рабочая группа исследователей может заниматься исключительно мониторингом, сбором и анализом информации о Китае, его структурах, их деятельности и информационных операциях. Отдел стратегических коммуникаций Европейской службы внешних действий (ЕСВД) хорошо подходит для выполнения этой роли. Однако, этот отдел испытывает серьезную нехватку квалифицированного персонала. В целях стимулирования этого процесса соответствующие органы должны добиваться расширения возможностей ЕСВД по Китаю, как это сделал специальный комитет Европейского парламента. В прошлом национальные законодатели, члены Европейского парламента и эксперты по безопасности также призывали ЕСВД расширить штат отдела StratCom.

Парламентские платформы

В ином случае, можно расширить полномочия законодателей, а не исполнительных органов, путем передачи центра или рабочей группы по изучению Китая в ведение парламента. Одним из хороших примеров является созданная в 2000 г. Конгрессом США американо-китайская комиссия по обзору экономики и безопасности. В полномочия этой двухпартийной комиссии входит мониторинг, расследование и представление Конгрессу ежегодных отчетов о последствиях двусторонних торгово-экономических отношений между США и Китаем для национальной безопасности. Кроме того, при необходимости, эта комиссия дает рекомендации Конгрессу по законодательным и административным вопросам.

ЗАЩИТА И СОПРОТИВЛЕНИЕ

Выявление, изучение и понимание целей и инструментов вредоносного экономического влияния Китая имеет первостепенное значение для принятия эффективной политики, способной оградить внутренние ресурсы от негативных последствий такого влияния и вмешательства, а также защитить национальную экономику и стратегические активы.

Защита критически важных инфраструктур и чувствительных технологий

ЕС и его государства-члены должны прежде всего определить масштаб стратегических активов, нуждающихся в защите. Некоторые отрасли уже более или менее четко определены и признаны важными для осуществления контроля за торговлей, в том числе в рамках международных соглашений и режимов, например, военное оборудование и товары двойного назначения. Европейские страны также, в целом, регулируют доступ к своим критическим инфраструктурам, таким как энергетические системы, услуги здравоохранения, финансовая система, общественные/государственные услуги, информационно-коммуникационные сети.

Неблагонадежных иностранных подрядчиков постепенно лишают возможности поставлять технологии поставщикам критически важной инфраструктуры. Так, например, «Huawei», китайская технологическая компания, получающая значительные госсубсидии и служащая геостратегическим целям китайского режима и интересам КПК в стране и за рубежом, все чаще вызывает недоверие на международном уровне. Компании были предъявлены обвинения в кибершпионаже, мошенничестве, препятствовании правосудию и краже коммерческой тайны.

Чешская Республика первой проявила осторожный подход к китайским поставщикам. В 2018 г. Чешская Республика выпустила предупреждение относительно использования программного и аппаратного обеспечения «Huawei» и «ZTE», поскольку эти продукты представляют угрозу для безопасности, а в 2020 г. отказала «Huawei» в допуске к работе в сфере безопасности. США внесли «Huawei» в черный список в 2019 г. и объявили о дальнейших ограничениях в 2020 г. США также дали понять разведывательному альянсу «Пять глаз» (куда входят Австралия, Канада, Новая Зеландия, Великобритания и США), что секретная информация не может быть доверена тем партнерам, которые допустят «Huawei» 5G в свою национальную телекоммуникационную сеть.

В 2020 г. Европейская комиссия рекомендовала странам-членам ЕС не позволять компаниям, которые считаются угрозой для безопасности, создавать конфиденциальные части сетей 5G. В том же году Литва призвала своих граждан не покупать мобильные телефоны «Xiaomi» и избавиться от уже приобретенных из-за подозрительной способности устройств распознавать и подвергать цензуре контент, который Пекин считает неудобным.

Кроме того, в мире обостряется конкуренция за доступ к секретным технологиям. В последние годы несколько европейских стран столкнулись с попытками Китая принудить их к передаче таких технологий. Для начала необходимо дать четкое определение таким технологиям, что в целом в странах ЕС пока не делается. К примеру, Австралия составила список критических элементов и технологий, чтобы оградить свои цепочки поставок от сбоев и предотвратить доминирование Китая в их разработке. Среди них – критически важные минералы, передовые коммуникации, искусственный интеллект (ИИ), кибербезопасность, геномика и генная инженерия, медицина, альтернативные виды топлива, квантовые вычисления и робототехника.

После выявления чувствительных технологий государство может установить для компаний в соответствующих секторах более высокие стандарты подотчетности в обмен на определенные льготы. Для достижения этой цели могут быть установлены требования, касающиеся прозрачной структуры собственности, руководства по поведению и политики в отношении цепочки поставок, обязательных стандартов кибербезопасности и мер по противодействию шпионажу, обязательному внутреннему резидентскому налоговому статусу и, по крайней мере, доле части производства внутри страны, а также

других потенциальных защитных мер. Целью такого специального режима будет повышение устойчивости и стабильности важнейших сегментов экономики, наряду с предотвращением потери ценных ноу-хау в результате тайной и коррупционной практики, осуществляемой иностранными субъектами.

Так, например, на Тайване некоторые стратегические высокотехнологичные товары подлежат особому режиму регулирования. Согласно Закону о внешней торговле Тайваня, на эти товары (помимо военного оборудования и товаров двойного назначения) распространяются экспортные ограничения; их запрещено экспортировать без разрешения, а получатели должны быть проверены по списку юридических лиц страны.

Для защиты исследований и разработок (НИОКР) критически важных технологий в университетских городках Австралия рассматривает возможность введения ограничений на проведение отечественными университетами совместных исследований с иностранными институтами в определенных областях. Правительство Канады, в свою очередь, уже ввело обязательную комплексную оценку рисков национальной безопасности для заявок на финансирование, подаваемых университетскими исследователями, чтобы предотвратить передачу важных данных и технологий Китаю через партнерство в области исследований – в частности, военному аппарату и аппарату безопасности Китая.

Процесс рассмотрения поступающих иностранных инвестиций

Для защиты отечественных компаний от хищнических поглощений со стороны иностранных компаний, преследующих политические, а не коммерческие цели, правительства стран ЕС постепенно вводят механизмы проверки прямых иностранных инвестиций (ПИИ). К концу ноября 2021 г. 18 из 27 государств-членов ЕС уже провели реформу существующих механизмов проверки или приняли новые механизмы на основе регламента ЕС по проверке ПИИ, что позволит им проверять и блокировать вредные формы ПИИ при наличии рисков для национальной безопасности или общественного порядка.

США являются пионерами в этой области. Комитет по иностранным инвестициям в США был основан в 1975 г. для анализа иностранных инвестиций и впоследствии наделен полномочиями по отклонению сделок. В 2018 г. Закон о модернизации анализа рисков иностранных инвестиций позволил комитету более эффективно решать проблемы национальной безопасности, в основном, связанные с Китаем и технологиями. Новые механизмы проверки, формирующиеся в ЕС, могли использовать опыт США путем наращивания потенциала и возможностей, обмена передовым опытом и полученными знаниями. В тайванском законодательстве об иностранных инвестициях есть конкретные ограничения, прямо предназначенные для Китая. Строгие регуляции действуют в отношении китайских инвесторов, владеющих тайваньскими компаниями в

чувствительных секторах (полупроводники, электронные компоненты, солнечная энергия), как напрямую, так и опосредованно через сторонние организации.

И наконец, в ЕС должен существовать общий финансовый инструмент, позволяющий приобрести контрольный пакет акций чувствительных активов ЕС, при отсутствии частных проверенных и надежных покупателей, для предотвращения враждебного поглощения иностранными компаниями. Такую меру предлагает Гаагский центр стратегических исследований в своем политическом отчете за 2021 г. «Укрощение технонационализма».

Прозрачность и схемы оповещения

Для учреждений ЕС и национальных правительств целесообразно было бы создать систему прозрачности и оповещений для отслеживания финансовой и нефинансовой поддержки политических партий, СМИ и НПО, оказываемой организациями, которые имеют связи с правительствами стран, не входящих в ЕС. Общеввропейское постановление о внедрении таких систем позволило бы обязать эти организации раскрывать информацию о характере их отношений с государственными субъектами третьих стран и разоблачать фактических политических марионеток, скрывающихся за подставными экономическими субъектами. Хорошими примерами являются Закон США о регистрации иностранных агентов и Австралийская схема прозрачности иностранного влияния.

Покупка иностранцами первоклассной сельскохозяйственной недвижимости представляет собой еще одну проблему. В США земельные участки все чаще скупали покупатели, имеющие связи с китайским правительством. Закон 1978 г. предусматривает, что иностранные граждане обязаны сообщать о своих сельскохозяйственных владениях в Министерство сельского хозяйства США. Однако это требование трудновыполнимо. Поэтому, исходя из того, что растущее присутствие Китая в продовольственной системе может представлять угрозу для национальной безопасности, поправка Ньюхауса к законопроекту о расходах Министерства сельского хозяйства и Управления по контролю за продуктами питания и лекарствами запрещает закупки новых сельскохозяйственных угодий компаниями, полностью или частично контролируемые правительством Китая.

Структуры управления

Политика, регулирующая экономическую защиту и устойчивость, может быть более эффективной, если она осуществляется в рамках соответствующей структуры управления.

Например, Бюро промышленности и безопасности США (БПБ) при Министерстве торговли в совокупности способствует достижению целей национальной безопасности, внешней политики и экономики США путем обеспечения эффективной системы экспортного контроля и системы соблюдения договоров, а также

содействует сохранению стратегического технологического лидерства США.

Помимо соответствующего бюрократического аппарата, Япония за последние десять лет ввела в Совет национальной безопасности функцию экономического государственного управления. Недавно Япония сделала еще один политический шаг и учредила должность министра экономической безопасности на уровне кабинета министров, в обязанности которого входит противодействие краже технологий Китаем, координация усилий правительства по укреплению цепочек поставок, защита критической инфраструктуры и противодействие экономическому принуждению. В конце 2021 г. Япония также начала подготовительную работу по разработке нового законодательства в области национальной экономической безопасности. Четырьмя приоритетными областями для рассмотрения являются: устойчивость цепочек поставок, безопасность и надежность инфраструктуры, укрепление партнерства между правительством и бизнесом для стимулирования передовых технологий, а также предотвращение кражи секретных инноваций путем введения конфиденциальности патентов.

Общая устойчивость экономики

Проблемы глобальных перевозок, вызванные пандемией, в сочетании с постоянной угрозой использования Пекином производственного сектора Китая в качестве средства экономического принуждения свидетельствуют об уязвимости цепочек поставок, от которых зависит безопасность и процветание отдельных государств. В этой связи национальным правительствам и ЕС необходимо пересмотреть свои экономические риски в отношении отдельных стран, не входящих в ЕС, и провести проверку безопасности цепочки поставок. После этого ЕС и его государства-члены должны согласовать стратегию диверсификации, чтобы отказаться от чрезмерной зависимости от китайских поставщиков в стратегических секторах и заключить соглашения об инвестициях и свободной торговле с как можно более широкой сетью партнеров – единомышленников, чтобы укрепить экономическую устойчивость и безопасность ЕС.

Литва является показательным примером того, как можно наладить сотрудничество с Тайванем и получить практические экономические и технологические выгоды, занимая при этом принципиальную политическую позицию.

ОТПОР И ПРИВЛЕЧЕНИЕ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Принимаемые меры должны быть не только защитными, они также могут быть ответными и сдерживающими. По сути, меры, принятые несколькими странами, могут дать отпор принуждению, привлечь Китай к ответственности и заставить его заплатить цену за проведение злостной экономической политики.

Санкции

После долгих дебатов ЕС принял свою версию «Закона Магнитского» – глобальной системы санкций в ответ на нарушения прав человека, которая позволяет ЕС замораживать активы, налагать запрет на въезд в страну и запрещать сделки с нарушителями прав человека. ЕС присоединился к другим государствам, таким как Австралия, Канада, Великобритания и США. Американская и австралийская версии этого закона также предусматривают возможность преследования коррумпированных субъектов. Кроме того, Австралия может преследовать кибер-злоумышленников. Некоторые страны-члены ЕС, например, страны Балтики, приняли свои собственные версии наряду с системой ЕС и ужесточили их.

Другим примером эффективного инструмента является Закон США «О противодействии противникам Америки посредством санкций». Согласно этому закону, США могут запретить Департаменту развития военной техники Китая подавать заявки на получение экспортных лицензий и участвовать в американской финансовой системе. Еще одним мощным инструментом в арсенале США является список юридических лиц, находящийся в ведении Бюро промышленности и безопасности США при Министерстве торговли. В 2019 г. в список были включены «Huawei» и десятки ее дочерних компаний. Он запрещает экспорт и реэкспорт товаров и технологий американского происхождения в организации, не имеющие лицензии Министерства торговли.

Применение строгих правил

Закон о подотчетности иностранных компаний, принятый в США в 2020 г., исключает из листинга иностранные компании, торгующиеся на американских биржах, если их аудиторы не пройдут регулярную проверку. Закон также требует от компаний подтверждения того, что они не находятся в собственности или под контролем иностранного правительства, среди прочих требований к раскрытию информации. Делистинг компаний, связанных с КПК, может нанести серьезный ущерб финансовым интересам Китая, поскольку эти компании, тесно связанные с коммунистическим режимом, зависят от привлечения средств на самых ликвидных в мире рынках капитала.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ТРУДНОСТЕЙ

В среднесрочной и долгосрочной перспективе защитной и реактивной политики будет недостаточно. Для ускорения технологического развития и сохранения глобального экономического лидерства необходимы разумные стратегии. Для того чтобы страны-партнеры, являющиеся союзниками и единомышленниками, смогли определить направление для развивающегося мирового порядка, а либеральная модель, основанная на правилах и свободном рынке, в конечном счете, стала бы успешной, эти страны должны иметь прочные экономические позиции, потенциал для инноваций и сильные технологические сектора и отрасли.

Технологические альянсы

В ответ на вызов со стороны Китая и растущее значение Индо-Тихоокеанского региона после того, как инициатива Транстихоокеанского партнерства под руководством США не была ратифицирована, возникли новые коалиции. К ним относятся Четырехсторонний диалог по безопасности («Четверка»), состоящий из Австралии, Индии, Японии и США, и AUKUS (трехсторонний пакт безопасности Австралии, Великобритании и США). «Четверка» должна стать важным форумом для проведения совместной политики в области критических технологий и может перерасти во всеобъемлющее стратегическое технологическое партнерство. Альянс AUKUS также станет гораздо большим, чем простой сделкой по подводным лодкам – ожидается, что он будет охватывать такие технологии, как кибернетика, искусственный интеллект, квантовые и дополнительные подводные возможности. Австралия также заключила соглашения с Германией и Японией о расширении сотрудничества в области технологических инноваций, исследований и разработок в сфере технологий особой важности.

Для рассмотрения возможностей и рисков, связанных с технологиями, и использования их потенциала Дания в 2017 г. возвела технологические тенденции в ранг приоритетов внешней политики и политики безопасности. Посредством технологической дипломатии («техпломатии») и ее аппарата Дания сотрудничает с технологической индустрией в новой форме создания внутренних и международных коалиций. «Техпломатия» занимается такими вопросами, как кибербезопасность и дезинформация, защита конфиденциальности в Интернете, искусственный интеллект для созидательных целей и этика данных.

Новая платформа ЕС-США, Совет по торговле и технологиям, будет координировать деятельность по вопросам, связанным с экономической безопасностью и технологической политикой, включая согласование определений чувствительных технологий. Этот технологический альянс предоставляет возможность объединиться для решения общих проблем и позволяет ведущим демократическим странам мира в области технологий возглавить создание многосторонней архитектуры для технологической политики, как утверждает Центр новой американской безопасности в своем докладе «Общий кодекс: Рамочный альянс для демократической технологической политики».

Целенаправленная и координированная поддержка для технологических стратегий

Высшие руководящие органы должны отвечать за реализацию технологических стратегий, разработанных странами для обеспечения развития их стратегических секторов в безопасной среде. Дания – первая в мире страна, назначившая специального посла по технологиям с соответствующим аппаратом в Министерстве иностранных дел и несколькими представительствами по всему

миру для устранения рисков, связанных с появлением новых технологий, поддержки технологического развития и инновационных отраслей, продвижения инвестиций и создания международных альянсов. В Австралии киберпространство и критические технологии также стали приоритетом внешней политики. В задачи посла по вопросам киберпространства и критических технологий входит руководство международным сотрудничеством всего правительства Австралии для продвижения и защиты интересов национальной безопасности, внешней политики, экономики, торговли и разработок в области киберпространства и критических технологий.

Для решения этой задачи также требуются целенаправленные инвестиции, которые, в идеале, должны осуществляться согласованно между членами технологических альянсов. Необходимо увеличить государственные инвестиции в военные НИОКР для совместной разработки технологий посредством военных закупок, как утверждает Гаагский центр стратегических исследований в своем политическом отчете за 2021 г. «Укрощение технонационализма». Так, например, Австралия обязалась инвестировать 89 млн. евро в квантовые технологии, что предусматривает создание стратегических партнерств со странами-единомышленниками для коммерциализации квантовых исследований. Эта инициатива призвана дополнить AUKUS в укреплении сотрудничества по развитию критических технологий и содействовать большей интеграции науки, технологий, промышленных баз и цепочек поставок, связанных с безопасностью и обороной.

Закон США 2021 г. об инновациях и конкуренции (также известный как Закон о бесконечных границах) – это законодательный пакет инвестиций на сумму 250 млрд. долл. США в НИОКР и инновации в ряде новых технологий, который также включает стимулирование отечественной цепочки поставок микрочипов. Другие программы предусматривают развитие критических технологий, демонстрационные проекты в области энергетики, обеспечение надежных внутренних цепочек поставок в критических областях, а также ускорение разработки и производства отечественных вакцин.

В 2019 г. страны-участницы Инициативы трех морей (Австрия, Болгария, Хорватия, Чешская Республика, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия и Словения) учредили инвестиционный фонд для привлечения частного капитала и сосредоточения усилий на проектах по развитию инфраструктуры в энергетическом, транспортном и цифровом секторах в Центральной и Восточной Европе. Кроме того, эта инициатива повысит устойчивость региона к угрозам со стороны России и вмешательству Китая, а также предотвратит доступ «Huawei» в развивающиеся сети 5G в регионе.

В целях обеспечения экономической и национальной безопасности можно рассмотреть возможность стимулирования компаний к перемещению из Китая. Например, в контексте торговой войны между

США и Китаем Тайвань предоставил компаниям из Китая льготы для возвращения на Тайвань, включая смягчение строгих регуляций Тайваня в отношении землепользования и расширение налоговых льгот для модернизации оборудования, НИОКР и автоматизации производства. По имеющимся данным, в результате этой политики в экономику Тайваня поступило до 34 млрд. евро.

Подход, основанный на ценностях

Необходимо отметить, что ориентация свободного мира на ценности не является помехой в глобальной конкуренции с авторитарными державами и странами с централизованной экономикой. Универсальные ценности, такие как права человека, свобода и достоинство личности, демократия и верховенство закона, не только правильны сами по себе, но и являются мощными инструментами, привлекательными для широких масс, которые готовы многим пожертвовать ради них.

Поэтому права человека и универсальные ценности должны соблюдаться во всех рассматриваемых и принимаемых мерах и ответных действиях. Например, аудит цепочек поставок, а также общие оценки экономической уязвимости должны проводиться не только для снижения рисков национальной безопасности, но и для обеспечения всесторонней защиты прав человека. В частности, европейские предприятия должны интегрировать ответственное ведение бизнеса в политику и системы управления в соответствии с руководящими принципами Европейской комиссии от 2021 г. относительно использования принудительного труда в операциях и цепочках поставок. Такое поведение должно также регулировать экспорт технологий кибернаблюдения.

Предприятия, осуществляющие свою деятельность на территории ЕС, получают дополнительные преимущества от применения Рамочной программы должной осмотрительности Организации экономического сотрудничества и развития. Надлежащая проверка прав человека и безопасности также должна проводиться в отношении компаний, работающих на рынках капитала, как неоднократно отмечал Роджер Робинсон из Пражского института исследований в области безопасности. Точно так же в области технологической политики либеральные демократии-единомышленники должны стремиться к тому, чтобы глобальные технологические правила и нормы отражали либерально-демократические ценности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Китай представляет собой серьезную проблему на ближайшие десятилетия. Поэтому не только в ЕС, но и во всех странах свободного и демократического мира необходима разумная и эффективная политика для защиты экономики и стратегических активов от злонамеренного экономического влияния и, в конечном итоге, для достижения успеха в глобальной стратегической конкуренции. □

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ВЕНГРИИ

Открытие доступа Китаю в Европу – последствия

Энн Клери, соискательница аспирантуры политических наук в Вестфальском университете им. Вильгельма в Мюнстере, Германия

В мае 2021 г. Венгрия объявила о планах открыть в Будапеште отделение китайского Фуданьского университета. Появление этого нового студенческого городка представляет собой первый случай открытия Китаем филиала своего университета в стране-члене ЕС. Объявление об этих планах последовало за ликвидацией в 2019 г. в Венгрии аспирантуры Центрально-Европейского Университета (ЦЕУ), которую благополучно вытеснили из страны посредством изменений в законе об образовании. С тех пор она перешла в столицу Австрии Вену. Оба эти события вызвали в Венгрии общественные протесты; протестующие утверждали, что собственная система высшего

образования в стране сворачивается в угоду антилиберальной политике премьер-министра Виктора Орбана. Для Китая этот шаг является частью его геополитической стратегии «Один пояс, один путь» (ОПОП), нацеленной на получение лидирующей роли в процессе глобализации, на развитие своей системы высшего образования и исследовательских заведений, а также на привлечение талантливых ученых путем установления академического партнерства с западными институтами. Хотя эти цели часто достигаются абсолютно законным путем, авторитарная природа китайского режима вызывает опасения относительно его реальных мотивов и тактических приемов для достижения своих целей. Для

того, чтобы ЕС смог укрепить свою конкурентоспособность в меняющемся глобализованном мире, для академического сообщества, включая политиков, ученых и студентов, по-прежнему необходимо стараться изучать и лучше понимать Китай.

Повышенная политическая напряженность между ЕС и Китаем еще больше усложняет академическое сотрудничество, и заинтересованные стороны в Европейском союзе начинают пересматривать эти партнерские отношения. В качестве возможных защитных мер могут выступать тщательный анализ соглашений между университетами, скептицизм в отношении целей китайского авторитарного режима, а также призыв к открытости в вопросах финансирования и внутреннего управления в университетах. Эти меры могут помочь укрепить защиту систем высшего образования в странах ЕС от злоупотреблений ими со стороны Китая. На примере Венгрии видно, почему государства-члены ЕС должны соблюдать законы ЕС для защиты интересов безопасности блока – академических и иных – от злонамеренного иностранного влияния.

Будапешт: история двух университетов

В марте 2017 г. ЦЕУ обнаружил, что он стал предметом принятого венгерским парламентом закона. По словам бывшего в то время президента и ректора ЦЕУ, для него это стало сюрпризом. Целью закона было объявление нелегитимной структуры американо-венгерского партнерства, в результате которой 26 лет назад был создан этот престижный университет. Основные последствия нового законодательства следующие: 1) окончание двойного венгерско-американского юридического статуса университета; 2) требование, чтобы университет выбрал либо венгерскую, либо американскую аккредитацию; 3) создание студенческого городка ЦЕУ в США; и 4) заключение нового соглашения между Венгрией и США. Кроме того, закон запрещает неевропейским университетам вступать в сотрудничество с венгерскими университетами.

Этот новый закон об образовании быстро стал известен как «Закон о ЦЕУ», поскольку, как утверждают его критики, закон конкретно направлен против этого университета. В то время ЦЕУ состоял из двух юридических образований: ЦЕУ, аккредитованный в США, и *Közép-európai Egyetem* (название ЦЕУ на венгерском языке), частный университет, аккредитованный в Венгрии. Оба этих учебных заведения функционировали в Будапеште, однако большинство программ ЦЕУ получало аккредитацию в США. Сторонники университета утверждали, что большинство студенческого корпуса ЦЕУ составляют иностранцы, и запрет на выдачу университетом американских ученых степеней будет иметь губительные последствия для статуса ЦЕУ. Однако, Пал Волнер, бывший в то время госсекретарем Венгрии, указывал, что новое законодательство было необходимо для того, чтобы уравнивать условия работы венгерских университетов и 28 иностранных университетов,

функционирующих в стране. Далее Волнер пояснил, что новый закон обеспечивает прозрачный поток средств в гражданском секторе и обявляет неправительственные организации (НПО) нести юридическую ответственность за действия политического характера.

Именно в этом втором моменте многие оппоненты увидели основную цель этого закона: выступить против Джорджа Сороса, основателя ЦЕУ и венгерского миллионера, филантропические усилия которого продвигают демократические ценности и идею открытых обществ в бывших коммунистических странах. С момента своего основания в 1991 г. миссия и международная репутация ЦЕУ все больше входили в противоречие с проводимой в Венгрии нелиберальной политикой Орбана и его правящей партии Фидеш. По мере того как Орбан укреплял связи с авторитарными лидерами в Европе и за ее пределами, он расширил юридические полномочия своего правительства, при этом утверждая, что любые изменения в законодательстве Венгрии находятся в юридических рамках Европейской комиссии (ЕК). Тем не менее, ЕК начала проводить юридическую оценку работы ЦЕУ уже в том месяце, когда был принят новый закон, а уже в следующем месяце протестующие против принятия этого закона стали выходить на улицы Будапешта.

После серии продолжительных и безуспешных переговоров с правительством Венгрии ЦЕУ в декабре 2018 г. заявил о переводе своего студенческого городка в Вену, и его работа на новом месте началась в сентябре 2019 г. ЕК в судебном порядке оспорила правомочность нового венгерского закона как несовместимого с законодательством ЕС. В октябре 2020 г. Европейский суд вынес решение в пользу ЕК и постановил, что венгерский закон нарушил соглашение Евросоюза со Всемирной торговой организацией в части справедливого доступа к рынкам, а также положение Хартии ЕС по правам человека, защищающей академическую свободу и свободу ведения бизнеса. Однако, к 2020 г. юридический статус ЦЕУ в Венгрии оставался спорным. Университет уже потерпел связанные с переездом убытки в размере 200 млн. евро и не планировал вернуться обратно в Венгрию. И хотя Европейский суд жестко осудил действия Венгрии, Орбан в конце концов смог успешно использовать юридические процедуры Венгрии и Евросоюза для достижения своих нелиберальных политических целей.

В декабре 2020 г., спустя менее четырех лет после начала конфликта вокруг ЦЕУ, Орбан объявил о том, что правительство Венгрии примет первый кампус китайского университета в Евросоюзе, и что в Будапеште будет построен кампус филиала Фуданьского университета. Этот проект стал одной из нескольких инициатив, свидетельствовавших о стремлении Орбана установить более тесные связи с Пекином, несмотря на растущую обеспокоенность западноевропейских стран и США по поводу углубляющегося влияния Китая в некоторых странах Центральной Европы. К 2021 г. инвестиции и размах деятельности Китая в Венгрии были

значительными: запланированное строительство новой железной дороги между Будапештом и Белградом стоимостью 4 млрд. евро, причем финансирование выделялось через ОПОП; расширение деятельности китайского телекоммуникационного гиганта «Хуавей» в Будапеште; а теперь еще и предложенное строительство кампуса Фуданьского университета с оценочной стоимостью в 1,5 млрд. евро. Для сравнения, весь оперативный бюджет системы высшего образования Венгрии в 2019 г. в сумме составлял 1,3 млрд. евро.

Первоначальные планы предполагают, что кампус филиала Фуданьского университета будет открыт в 2024 г. и примет 6 тыс. студентов. Планируется, что университет будет предлагать ученые степени по таким специальностям как экономика и международные отношения, а также по медицинским и техническим дисциплинам. Венгерские чиновники при этом выражают надежду на то, что филиал китайского университета расширит потенциальные возможности системы высшего образования Венгрии и приведет к росту китайских инвестиций. Вместе с тем, правительство Венгрии согласилось предоставить первоначальное финансирование для строительства и поддержания кампуса. Венгрия также планирует отдать контракт на строительство китайской компании и финансировать его при помощи займа у китайского банка. Оценочная функциональная стоимость заложена на уровне 275 млн. евро в период с 2023 г. по 2027 г., а затем по 45 млн. евро в год после полной сдачи кампуса в эксплуатацию. С этого момента, в соответствии с предложением, финансирование будет осуществляться через университетский фонд, в который Китай будет делать взносы.

В июне 2021 г. тысячи протестующих вышли на улицы Будапешта, выражая несогласие с запланированным строительством кампуса. Их возмущение вызвали два обстоятельства: тот факт, что строительство студенческого городка будет осуществляться за счет налогоплательщиков, а также то, что возведение кампуса планируется осуществить на территории, которая первоначально отводилась под строительство дешевого жилья для студентов. Мэр Будапешта Гергей Карачоны, находящийся в оппозиции к Орбану, решительно выступает против этого проекта, особо указывая на его стоимость для налогоплательщиков, использование общественного участка земли для интересов частных лиц и отсутствие общественного участия в разработке самого предложения о размещении филиала. Карачоны также отмечает, что кампус филиала Фуданьского университета представляет риск для академической свободы в Венгрии, превращая венгерские университеты в непосредственных конкурентов китайскому сопернику, имеющему намного лучшее финансирование. Однако, некоторые представители академических кругов не согласны с таким мнением, указывая на то, что западные и китайские ученые уже сотрудничают не одно десятилетие, и опасаясь, что ограничение распространения китайских университетов в Европе нанесет ущерб отношениям между учеными.

В ответ на протесты правительство Венгрии объявило о том, что проведет референдум по вопросу о предложении иметь филиал Фуданьского университета в Венгрии. Однако, в мае 2022 г. Конституционный суд Венгрии постановил, что проведение голосования по этому вопросу будет неконституционным, таким образом навсегда похоронив идею референдума.

Рассматриваемые вопросы

Вопрос о планируемом строительстве кампуса филиала Фуданьского университета в Будапеште дает возможность оценить риски и реальности, связанные со стремлением Китая занять более сильные позиции в системе высшего образования в Европейском союзе. Сам контекст венгерского «Закона о ЦЕУ» и последовавшее за ним удаление ЦЕУ из Венгрии вызывает несколько вопросов. Например, какие юридические полномочия имеют страны-члены ЕС, регулирующие вопросы высшего образования, и как может Европейский суд эффективно реагировать в случае нарушения законов ЕС в этой сфере? Кроме того, как Евросоюз, его члены и высшие учебные заведения могут повлиять на такие аспекты как прозрачность финансовых операций, академическая честность и принципиальность и вопросы безопасности, которые становятся все более насущными в сфере университетского партнерства с Китаем? И наконец, когда Евросоюз все же определит, как справляться с увеличившимися гибридными рисками безопасности, вызванными Китаем и другими иностранными субъектами, как можно будет защитить высшие учебные заведения, их преподавателей и студентов от политической поляризации внутри ЕС?

Китайские инвестиции и правительственный контроль

Как отмечалось ранее, инвестиции Китая в возможности высшего образования в Европе представляют собой лишь одну часть комплексной стратегии расширения ОПОП. Тем не менее, это важная часть с существенными политическими и финансовыми обязательствами. К 2035 г. Китай собирается стать одной из передовых стран в таких аспектах как образование, внедрение результатов научных исследований и поиск и поощрение талантливых специалистов. Помимо укрепления образовательного сектора внутри страны, Китай собирается увеличить свое влияние на сферу образования по всему миру. С 2012 г. Китай тратит 4% своего ВВП на образование и вложил первоначальные инвестиции в размере 242 млрд. евро в научно-конструкторские разработки. В июне 2020 г. Министерство образования Китая обозначило несколько целей, призванных расширить амбиции относительно международного распространения китайской модели образования. Сюда входит расширение программ получения совместной ученой степени с партнерами по всему миру, создание совместных образовательных программ с партнерами в регионе и за его пределами, а также программы, разработанные китайскими университетами за границей. Китайское

правительство планирует достичь эти цели посредством устранения институциональных барьеров, повышения степени глобальной мобильности китайских студентов и преподавателей и расширения взаимного признания академических зачетов и дипломов с иностранными университетами. Более того, Китай собирается расширить экспорт своих университетских моделей по всему миру, предоставить возможности изучения китайского языка в большем количестве стран и ускорить реализацию принятого в 2016 г. «Плана действий в вопросах образования» в рамках ОПОП.

Финансовые инвестиции Китая и реализация инициатив в сфере образования демонстрируют его стремление стать одним из ключевых субъектов в международной системе образования. Китай дает понять, что он может приспосабливать свои структуры управления высшим образованием в каждом конкретном случае в целях большей совместимости с партнерскими международными учебными заведениями. Такой подход может оказаться вполне эффективным в случае с ЕС, где политика в сфере высшего образования вырабатывается и реализуется каждым членом в отдельности. Имеется ввиду, что каждая страна может определять содержание учебных программ и организационную структуру своей системы образования. Однако, такая независимость должна реализовываться в рамках законов и принципов ЕС. Например, в соответствии с принципом равного подхода государство-член ЕС не может назначать более высокую плату за обучение для студентов из других стран-членов ЕС. В Евросоюзе высшие учебные заведения несут окончательную ответственность за качество своих учебных программ. Поддержку университетам оказывают внешние организации, оценивающие качество стандартов, анализирующие работу университетов и аккредитуют их программы.

Еще до принятия «Закона о ЦЕУ» правительство Орбана предприняло шаги по увеличению своего влияния на систему высшего образования в стране. Начиная с 2010 г., когда стартовал нынешний период правления Орбана, правительство Венгрии приняло ряд законов, нацеленных на реформирование и централизацию структур управления системой высшего образования в стране. В числе осуществленных перемен были следующие: 1) новые механизмы контроля и институционального управления, снизившие институциональную автономию университетов; 2) новые процедуры выбора ректоров; 3) введение назначенных государством финансовых инспекторов; 4) новая должность назначенных государством и не относящихся к академическим кругам проректоров, ответственных за финансирование, поддержание и административное управление высших учебных заведений. Многие представители академической общности выразили озабоченность в связи с этими изменениями. Тем не менее, нельзя сказать, что эти реформы полностью не соответствовали нынешним направлениям развития высшего образования в ЕС. Другие введенные в Венгрии ограничительные законодательные акты с

акцентом на средства массовой информации, судебную систему и свободу слова подверглись более сильной критике со стороны международного сообщества.

После того как Европейский суд вынес свое решение относительно «Закона о ЦЕУ», правительство Орбана приняло в 2021 г. еще одно законодательство по вопросу о высшем образовании, которое реструктурировало административную иерархию, управляющую 11 основными государственными университетами Венгрии, передав функции надзора организациям, руководимым частными фондами. Ожидается, что эти фонды на свои нужды получат от государства примерно 1,5 млрд. евро. Поскольку партия Орбана Фидеш имеет в парламенте страны абсолютное большинство, то Орбану и партийным функционерам удалось внести в конституцию страны изменения, отражающие эту передачу административных полномочий. По мере того, как Китай продолжает свои амбициозные попытки установить партнерские отношения с высшими учебными заведениями по всему миру, Венгрия систематически демонстрирует свое желание перестроить собственные структуры управления высшим образованием таким образом, чтобы они были более совместимы с авторитарным режимом Китая.

Риски безопасности в университетах Евросоюза

Признавая возрастающую необходимость в комплексной структуре при подходе к университетскому сотрудничеству с Китаем, заинтересованные стороны в ЕС разрабатывают руководящие принципы, защищающие их интересы безопасности. Это стало заметным сдвигом в подходе ЕС к Китаю по мере того, как появляется все больше рисков безопасности, и общественное мнение в странах ЕС относительно политики и действий Китая становится все более отрицательным. Основаниями для беспокойства становятся сообщения о фактах шпионажа в Брюсселе и отказ китайской стороны поделиться данными исследований в некоторых партнерских проектах. Высказывается все больше опасений относительно наступления на международные академические свободы через неподобающие формы политического влияния Китая. В 2019 г. Карлов университет в Праге уволил трех преподавателей и закрыл свой Чешско-китайский центр после того, как в ходе расследования выяснилось, что они получали деньги от китайского посольства в стране. Свободный университет в Берлине подвергся критике со стороны правительства Германии после того, как университет подписал контракт, привязывающий его к китайскому законодательству, и получил от Китая примерно 500 тыс. евро на создание программы обучения преподавателей по китайской модели. Критики утверждали, что это даст китайскому правительству рычаги влияния на процесс преподавания и выдачу стипендий при рассмотрении чувствительных политических и исторических вопросов.

Хотя предложенный кампус филиала Фуданьского университета станет первым случаем размещения автономного китайского университета в стране Евросоюза,

китайское присутствие в европейских университетах стало обычным явлением с момента открытия первого Института Конфуция в Швеции в 2005 г. Институты Конфуция финансируются китайским правительством и расположены в сотнях принимающих их университетов по всему миру. Первоначально они рассматривались как механизмы «мягкой силы» для пропагандирования китайского языка и культуры, однако сейчас этим институтам уделяется более пристальное внимание из-за опасений относительно того, что китайское политическое влияние может представлять угрозу академической свободы. В настоящее время примерно 190 Институтов Конфуция функционируют в университетах на территории Евросоюза, в том числе пять таких центров в венгерских университетах. По мере роста напряженности между Западом и Китаем некоторые Институты Конфуция в Европе, США и Австралии были закрыты или контракты с ними претерпели изменения из-за обвинений в шпионаже или оказании политического влияния. В Европе несколько учебных заведений приняли решение не продлевать контракты с Институтами Конфуция в своих кампусах, а Швеция стала первой европейской страной, официально прекратившей с ними все партнерские отношения в 2015 г. В ответ на возрастающую международную критику Институтов Конфуция Пекин передал управление этими центрами от организации Ханбан при Министерстве образования, считавшейся штаб-квартирой этих институтов, одной из неправительственных организаций. Тем не менее, несмотря на существующие опасения, большинство принимающих университетов, в том числе и в странах ЕС, по-прежнему размещают Институты Конфуция в своих кампусах.

Перестройка партнерских отношений

Также вызывают озабоченность следующие аспекты безопасности, связанные с китайским влиянием на высшее образование в странах ЕС: присутствие в университетах в странах ЕС исследователей и студентов, связанных с Министерством обороны Китая; применение технологий двойного назначения, которые потенциально могут использоваться для взлома университетских компьютерных сетей; а также хищение интеллектуальной собственности. Возрастающая критика со стороны западных стран внутренней и внешней политики Китая в сочетании с первоначальным реагированием Китая на вспышку заболевания COVID-19 привела к тому, что начиная с 2020 г. позитивное восприятие Китая в общественном мнении в странах ЕС значительно снизилось. Эти факторы создали дополнительное давление на университеты в странах ЕС, заставляя их разрабатывать эффективные механизмы управления и транспарентности партнерских отношений с Китаем. Усилия в этом направлении уже принимаются в настоящее время руководящими органами ЕС, отдельными университетами и неправительственными организациями. В 2020 г. ЕС опубликовал проект документа «Противодействие иностранному влиянию в высших

учебных заведениях и исследовательских организациях», а также обновил в 2021 г. свой документ «Глобальный подход к исследованиям и инновациям». Оба документа указывают на необходимость того, чтобы академическое сотрудничество с иностранными партнерами, в том числе с Китаем, было открытым, взаимовыгодным и целенаправленным. И хотя, возможно, эти правила ЕС будут внедрены не всеми странами-членами, общие руководящие принципы могут оказаться полезными для отдельных университетов при создании более эффективных механизмов защиты академической порядочности и принципиальности.

На национальном уровне ассоциация 268 немецких университетов «Немецкая конференция ректоров» (НКР) и аналитический центр «Гаагского центра исследований в области безопасности» (ГЦИБ) выпустили соответствующие руководства для немецких университетов и заинтересованных сторон в Голландии. Выпущенный ГЦИБ «Список контрольных вопросов при организации сотрудничества с китайскими университетами и другими исследовательскими организациями» выделяет 10 вопросов, ответы на которые помогут заинтересованным сторонам взвесить положительные стороны и возможные риски при сотрудничестве с Китаем. Эти вопросы подкреплены примерами реальных ситуаций и возникших проблем, что помогает при рациональной оценке всех рисков. ГЦИБ указывает, что цель этого документа не в том, чтобы помешать сотрудничеству, а скорее в том, чтобы Голландия получила от такого сотрудничества больше выгод. Хотя этот документ разрабатывался исключительно для учебных заведений Нидерландов, он может быть приспособлен и использован в качестве компактного и четкого инструмента для принятия институциональных мер в любых учебных и исследовательских организациях стран ЕС.

Руководящие принципы НКР рассчитаны конкретно на университеты Германии, однако их положения носят достаточно общий характер, чтобы быть использованными всеми заинтересованными сторонами и в других странах ЕС. Эти принципы в основном сосредоточены на академической порядочности и принципиальности и в меньшей степени, на усилении безопасности научной информации. Тем не менее, они рекомендуют, чтобы университеты Германии при заключении соглашений с Китаем сотрудничали с национальной Федеральной службой академических обменов и содержат предложения относительно дипломатических путей укрепления сотрудничества. В качестве примеров служат демонстрация взаимоуважения при сотрудничестве с Китаем и более высокая степень интеграции китайских студентов в университетскую общину. И хотя системы высшего образования Германии управляются на уровне 16 федеральных земель страны, а не на уровне национального правительства, Федеральное министерство образования и исследований в 2018 г. объявило об инициативе «Узнай Китай» в целях пропаганды более глубокого и всестороннего изучения Китая через образовательную систему Германии. Если эту инициативу

совместить с руководящими принципами НКР, то на университетском уровне она может стать своего рода «дорожной картой» организации честного сотрудничества с китайскими партнерами, защищая при этом интересы ЕС и академической безопасности.

Даже при нынешней напряженности в отношениях между ЕС и Китаем двустороннее сотрудничество в сфере высшего образования и исследований за последние десятилетия существенно возросло. Это сотрудничество принимает самые разные формы, от обмена студентами до совместных академических публикаций и совместных проектов компаний и исследовательских институтов. Таким образом, университетам также необходимо выработать такие подходы к Китаю, которые бы соответствовали их специфическим интересам и целям. Показательным примером таких усилий может служить доклад «На пути к устойчивому сотрудничеству между Европой и Китаем в сфере высшего образования и исследований», подготовленный Лейденским центром Азии. В докладе утверждается, что для того, чтобы эффективно решать растущие проблемы безопасности, все заинтересованные стороны в европейской системе высшего образования должны выработать и применять подходы, при которых сотрудничество с Китаем станет более оправданным и реализуемым. Это будет не только в интересах их безопасности и сохранения академических свобод их преподавателей и студентов, но также полезным в плане долгосрочной конкурентоспособности в том, что касается исследовательской деятельности и репутации. В докладе содержится ряд рекомендаций в пользу эффективного сотрудничества между европейскими университетами и правительственными организациями. Помимо принятия защитных мер заинтересованным сторонам следует выработать подход, позволяющий выявлять возможности для долгосрочного сотрудничества. Через весь доклад авторы проводят мысль о том, что важным условием для всех совместных начинаний является расширение и углубление знаний о Китае в странах Европы.

Политическая поляризация академических кругов

Как уже говорилось выше, в университетах имели место реальные случаи нарушения систем безопасности со стороны китайских субъектов. Вместе с тем, высшее образование не является единственным уязвимым сектором, а Китай не является единственным вызывающим настороженность иностранным субъектом, и снижение уровня сотрудничества с Китаем может негативно сказаться на университетах в странах ЕС, принимая во внимание, насколько глобализована современная экономика. Аналогичным образом, возрастающая политизация внутри ЕС может привести к таким негативным последствиям как ограничение академических свобод и исследовательской деятельности в европейских университетах. Что касается Венгрии, то когда статус ЦЕУ еще оставался неопределенным, то один правительственный вебсайт попросил студентов дать имена преподавателей, которые «по собственной инициативе

высказывали политические взгляды левого толка».

Один еженедельник, симпатизирующий партии Фидеш, опубликовал «список врагов», включавший имена десятков представителей научных кругов, которых заклеили как «наемников», предположительно, работающих на Джорджа Сороса. Преподаватели в различных венгерских университетах были уволены за их работу над темами, связанными с правами человека. А с другой стороны, когда было объявлено о проекте с Фуданьским университетом, некоторые из оппонентов Орбана моментально объявили будущий кампус и его деятельность «пристанищем для шпионов», работающих на Китай. Хотя эту тактику отнюдь нельзя назвать новой, такое превращение научных работников и других представителей гражданского общества в политические мишени ставит под угрозу их безопасность.

Заключение

Отношения Венгрии с Китаем представляют собой уникальное явление в Евросоюзе. Орбан демонстрирует стремление отказаться от демократических принципов путем проведения законодательных реформ в различных секторах, в том числе и в системе высшего образования. Это создает возможности для вредоносного влияния не только со стороны Китая, но и других иностранных субъектов. Однако, Евросоюз, отдельные его члены, неправительственные организации и университеты создают защитные механизмы и проявляют осмотрительность в партнерских отношениях с Китаем в сфере высшего образования. Эти шаги очень важны, поскольку риски безопасности вполне реальны, а угрозы разнообразны и сложны. Здесь главным является имплементация, и механизмы сотрудничества, такие как европейский Болонский процесс, могут оказывать помощь университетам во всех 47 странах, участвующих в этом процессе.

Тем не менее, руководящие принципы эффективны только тогда, когда все государства-члены обязались придерживаться либеральных демократических ценностей ЕС или готовы нести ответственность в случае нарушения норм и законов ЕС. «Закон о ЦЕУ» не единственный законодательный акт Венгрии, который Европейский суд признал нарушением законодательства Евросоюза. Суд также недавно признал нарушения Венгрией законодательных норм ЕС в таких аспектах как предоставление убежища и вмешательство в работу судебной системы. Однако, недавние реформы системы высшего образования продемонстрировали способность Орбана консолидировать власть. Европейская стратегия развития инфраструктуры «Глобальные ворота» с бюджетом в 300 млрд. евро задумана как прямой противовес китайской политике ОПОП и предназначена для защиты интересов безопасности при одновременном взаимовыгодном сотрудничестве с Китаем. Для того, чтобы стратегия ЕС была успешной и привела к долгосрочному сплочению Евросоюза, все более необходимой становится приверженность государств-членов соблюдению законов и принципов этой организации. □

Турецко-китайские отношения

Экономические потребности и глобальные стремления

Д-р Джунейт Гюрер, профессор Центра им. Маршалла | Фотографии Ассошиэйтед Пресс

При размышлении о действиях Китая в Европе важно понять, как Турция вписывается в стратегическую картину. Турция находится на стыке Европы и Азии и служит воротами в европейскую экономическую зону. В этой связи важно понять, как взаимодействие Китая с Турцией влияет на Европу. На стратегическом уровне турецко-китайские отношения можно охарактеризовать как дружбу по расчету, при этом у каждой стороны есть свои интересы и приоритеты. После подписания в 2010 г. соглашения о стратегическом партнерстве, сотрудничество между странами существенно расширилось. Это соглашение было выгодно Турции в краткосрочном плане, но при этом давало Китаю долгосрочные стратегические преимущества. Позиция Китая в отношении Турции тесно связана с его программой «Один пояс, один путь» (ОПОП) (позже переименованной в инициативу «Пояс и путь»), а Турция считает растущий интерес Китая к региону благоприятным для решения некоторых экономических проблем. Но эти краткосрочные политические расчеты не учитывают некоторые существенные вопросы, что ставит Турцию в уязвимую позицию на фоне усиления наступательной политики Китая в регионе.

Стремление Китая к Европе открывает перед Турцией возможности для финансирования крупных строительных проектов, начатых еще до того, как Китай представил ОПОП. Вместе с тем, для решения текущих экономических проблем Турции требуются внешние финансовые вливания в целях урегулирования валютного кризиса, который отчасти вызван изменениями в выборе стратегических партнеров в регионе. Стремление Турции к краткосрочному экономическому оздоровлению значительно упрощает проникновение Китая в Турцию и увеличивает возможности Китая закрепиться в регионе.

Хотя некоторые аналитики предупреждают, что участие Китая в важнейших инфраструктурных проектах Турции сопряжено с потенциальными рисками, большинство экспертов в Турции рассматривают этот шаг

как открывшуюся возможность. Это мнение не учитывает риски, связанные с предоставлением Китаю контрольного пакета акций в инфраструктурных проектах. Население Турции, похоже, более реалистично оценивает мотивы Китая. Согласно опросу «Трансатлантические тенденции» в 2021 г., 53% населения Турции негативно оценивают влияние Китая в мировой политике, а 47% считают Китай скорее соперником, чем партнером.

Дипломатические отношения между Китаем и Турцией зародились в 1971 г., но прогресс в отношениях не наблюдался до 2010-х гг. в силу структурных, политических и экономических причин. Турция всегда отдавала предпочтение экономическим и политическим отношениям с Западом и создавала партнерства для институционализации этих отношений. Она активно продвигала международную систему, основанную на правилах. С переходом к так называемой независимой внешней политике Турция отдалась от западных институтов, создав необходимость в новом направлении на международном уровне. В 2018 г. введение политической системы президентского правления, вызвавшее обострение внутривнутриполитических и экономических проблем, усилило потребность в новых партнерских отношениях в мире, которые способствовали бы формированию нового режима в Турции (определяемого как «новая Турция» правящей Партией справедливости и развития) и решению экономических проблем в стране.

Отклонение политики Турции от западного блока предоставило Китаю возможность реализовать свои интересы в регионе. Вместе с тем, новая политика Китая, направленная на более активное участие в мировых процессах и создание глобального влияния через ОПОП, давала Турции возможность удовлетворить свои растущие экономические потребности. Роль Китая в турецкой экономике значительно возросла за последнее десятилетие, по мере того как китайские компании инвестировали в важнейшие объекты инфраструктуры, в частности, мосты, дороги, порты и телекоммуникации.

В результате этого Китай получил стратегические преимущества в Турции и регионе, поскольку Анкара пытается решить свои насущные экономические проблемы с помощью китайских кредитов и валютных свопов.

Благодаря своему геостратегическому положению Турция является важным партнером для китайской стратегии ОПОП, а Китай стал удобной альтернативой при поиске Турцией путей решения своих политических и экономических проблем после попытки переворота в 2016 г. Эти две тенденции придали существенную значимость взаимоотношениям обеих сторон. В настоящее время обе страны подписали 11 двусторонних соглашений о расширении партнерства по таким стратегическим вопросам, как торговля, транспорт, банковское дело, энергетика и здравоохранение. Несмотря на то, что интересы Китая, связанные с ОПОП, способствуют удовлетворению экономических потребностей Турции, они также представляют собой значительные долгосрочные последствия и риски.

Краткая история турецко-китайских отношений

Первый дипломатический контакт между Турцией и Китаем состоялся в 1934 г., когда обе страны подписали договор о дружбе и торговле. Однако после создания Китайской Народной Республики (КНР) в 1949 г. отношения между странами прекратились. Так как Турция поддерживала Южную Корею во время корейской войны вместе с американскими войсками под командованием ООН, Китай и Турция стали противниками. Страны не имели никаких контактов до 1971 г., когда Турция поддержала решение ООН о восстановлении членства КНР в ООН и признала новый режим Китая. Однако значительное улучшение в их отношениях произошло только в 1982 г., когда президент Турции посетил Китай. Это случилось через два года после военного переворота в Турции. Новое правительство Турции, возглавляемое военной хунтой, решило установить альтернативные экономические отношения, чтобы уменьшить изоляцию страны после переворота. Отношения между двумя странами расширились в результате создания турецко-китайского делового совета в 1992 г., а в 2010 г. превратились в стратегическое партнерство.

После 2011 г. для реализации новой региональной и внешней политики Турции требовались новые союзы и альтернативные отношения с развивающимися державами. Китай представил возможность для продвижения политических и экономических целей Турции. Для Турции главными аспектами отношений являются экономика и политика. Хотя такие вопросы,

Основные вопросы в турецко-китайских отношениях

		ТУРЦИЯ	
		Экономика	Политика
КИТАЙ	Экономика	- Свопное соглашение обеспечивает финансовые связи. - Турецкая экономика получает выгоду от банковских кредитов (краткосрочных). - Китай увеличивает свои торговые преимущества (дефицит торгового баланса в пользу Китая).	- Турция уменьшает экономический стресс посредством китайских инвестиций. - Турецкое правительство реализует обещанные инфраструктурные проекты (несмотря на то, что они более дорогостоящие).
	Политика	- Китай увеличивает свое присутствие в Турции. - Усиление позиций Китая в регионе. - Китай увеличивает инвестиции, связанные с ОПОП в Турции.	- Турция снижает поддержку, традиционно оказываемую уйгурам. - Китай укрепляет политическое влияние и силу в регионе.

Источник: Д-р Джунейт Гюрер

как культурные и этнические связи уйгуров с турецким обществом и культурные инициативы Китая в Турции, требуют определенного внимания, все они связаны с экономическими и политическими факторами.

Турецкая экономика и Китай

Согласно оценке экономики Турции, проведенной Всемирным банком в 2021 г., в последние годы макроэкономическая структура Турции стала более уязвимой и неопределенной из-за роста инфляции, безработицы, а также валютного и долгового кризисов. Из-за дефицита торгового баланса и снижения доходов от туризма дефицит Турции в апреле 2020 г. увеличился до 5,6 млрд. долл. США, по сравнению с 500 млн. долл. в конце 2019 г.

В 2018 г. стоимость турецкой лиры упала на 40%. Тем временем, государственный Банк промышленности и развития Китая предоставил 3,6 млрд. долл. США в виде кредитов на текущие энергетические и транспортные проекты. В СМИ этот шаг был назван спасением для этих проектов. Согласно анализу «Harvard Business Review» за 2020 г., Китай использует прямые кредиты как способ усиления влияния в принимающих странах, в результате чего возникает потенциальная долговая ловушка для принимающих стран и проблема скрытого долга в глобальном масштабе. Согласно анализу Национального бюро экономических исследований, почти все кредиты и инвестиции Китая за рубежом поступают от организаций, контролируемых государством. В Международный валютный фонд (МВФ) или Всемирный банк не поступает информация как минимум о 50% китайских кредитов для развивающихся стран, что создает скрытую долговую проблему в мировой финансовой системе.

В большинстве случаев информация о прямых китайских кредитах не является публичной. Тем не менее, по имеющейся информации, в последние годы наблюдается рост кредитных переводов из Китая в Турцию. В 2019 г. турецкий банк «Vakifbank» принял от «China Eximbank» годовой кредит в размере 140 млн. долл. США для финансирования торговли между Турцией и Китаем, что стало первой сделкой между этими двумя банками. В том же году Банк промышленности и развития Турции сообщил о получении кредита в размере 200 млн. долл. США от Банка развития Китая в рамках соглашений ОПОП, что также было первой сделкой между этими двумя банками. В мае 2015 г. Банк промышленности и развития Китая приобрел контрольный пакет акций турецкого «Tekstilbank» и стал первым китайским банком, работающим на турецком рынке с лицензиями на коммерческую и инвестиционную деятельность и управление активами. Китайские инвестиции выручили экономику Турции, когда в стране закончились крайне важные иностранные резервы, необходимые для погашения долга и снижения

влияния экономических кризисов в стране. Путем расширения китайского участия в банковском секторе и предоставления турецким банкам возможности получать кредиты от государственных банков Китая, Турция рискует увеличить участие Китая в критически важных секторах экономики страны и позволить Китаю стать более влиятельным в регионе.

Китай использует валютные свопы между центральными банками в качестве инструмента ОПОП в глобальном масштабе. В 2012 г. Турция подписала с Китаем соглашение о валютном свопе, позволяющее центральным банкам обеих стран обменивать свои национальные валюты для снижения экономического давления. В июне 2019 г. центральный банк Китая перечислил Турции 1 млрд. долл. США, тем самым позволив президенту Реджепу Тайипу Эрдогану предотвратить экономический кризис накануне выборов. В июне 2021 г. Эрдоган заявил, что Турция и Китай договорились увеличить объем своп-соглашения с 2,4 млрд. долл. до 6 млрд. долл. США. МВФ считает двусторонние своп-линии важной частью глобальной сети финансовой безопасности (ГСФБ) и надлежащей реакцией на экономические кризисы. Однако своп-соглашения Турции с Китаем выходят за рамки инструмента финансовой безопасности. По мнению международного политического экономиста и аналитика по Китаю Дэниела Макдауэлла, Китай использует своп-соглашения не только как инструмент финансовой безопасности, но и превращает их в инструмент финансового влияния Китая, используя «национальные финансовые и валютные возможности для достижения внешнеполитических целей». Со стратегической точки зрения, Китай рассматривает своп-соглашения как точки соединения и приоритеты сотрудничества для ОПОП. Для Китая своп-соглашение с Турцией – это больше, чем инструмент ГСФБ; это важный компонент ОПОП, направленный на финансовую интеграцию (координацию и сотрудничество в денежно-кредитной политике) между странами ОПОП.

По словам бывшего в то время министром торговли Турции Рухсара Пекчана, торговые отношения между Китаем и Турцией достигли 23,6 млрд. долл. США в 2020 г., превратив Китай в третьего по величине торгового партнера Турции после России и Германии. Количество китайских инвестиций в Турцию увеличилось на 120%. В Турции работают 8 тыс. китайских рабочих и более тысячи китайских компаний. Китайские инвестиции в Турцию в 2020 г. составили 2,8 млрд. долл. США, а

Китайская технологическая компания «ZTE» контролирует 48% турецкой компании, управляющей телекоммуникациями в аэропорту Стамбула.

Китайский консорциум приобрел 51% акций моста Явуз Султан Селим, который соединяет Европу и Азию через Стамбул и имеет важное стратегическое значение в регионе.

в период с 2005 г. по 2018 г. их стоимость составила 1,5 млрд. долл. США. В 2021 г. Китай стремился увеличить свои инвестиции в Турцию на 6 млрд. долл. США в год. В конце 2021 г. в ответ на растущую инфляцию и валютный кризис в Турции Эрдоган объявил, что Турция перейдет к экономической системе китайского образца, однако не сообщил о конкретных деталях.

ОПОП и китайские инвестиции

В состав ОПОП входят шесть экономических коридоров, соединяющих Китай с Пакистаном, Монголией, Россией, Индией, Мьянмой и Центральной/Западной Азией. Турция занимает стратегическое положение в рамках коридора Китай-Центральная Азия и Западная Азия. Этот экономический коридор способствует расширению связей между Китаем, Ираном, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Туркменистаном, Турцией и Узбекистаном. После объявления стратегии ОПОП Китай стал более активно участвовать в жизни региона, а Турция играла центральную роль в коридоре Центральной Азии и Западной Азии. До создания ОПОП Турция начала реализацию регионального транспортного проекта под названием «Инициатива среднего коридора» (ИСК). Позже Турция и Китай договорились объединить ИСК и ОПОП, так как эти два проекта пересекались. В ноябре 2015 г. во время саммита лидеров Большой двадцатки в Турции страны подписали меморандум о взаимопонимании, объединяющий ОПОП и ИСК.

Целями ИСК являются расширение торговых отношений между странами Центральной Азии и поддержка экономического роста стран Кавказского региона. Проект ИСК, изначально ориентированный на Запад и поддерживаемый США и ЕС, сейчас находится под сильным влиянием китайских инвестиций. Однако, согласно анализу словацкого аналитического центра GLOBSEC, Турция не является надежным партнером

Турецкое буровое судно пересекает Мраморное море после того, как Министерство иностранных дел Турции отвергло заявление Европейского союза, осуждающее усилия Турции по бурению газовых скважин у берегов Кипра, что еще больше усилило раскол между страной и ЕС.

для Китая из-за неопределенности внутривнутриполитической структуры Турции и отсутствия долгосрочных стратегий в регионе. Поэтому, «несмотря на очень доброжелательные высказывания Анкары и Пекина о сотрудничестве по Шелковому пути, - говорится в анализе, - трудно сказать, существует ли дорожная карта для интеграции» ОПОП и ИСК. Несмотря на некоторое нежелание Китая, раннее планирование и первоначальные инвестиции значительно облегчили интеграцию ОПОП в ИСК. При этом Китай вложил существенные инвестиции в некоторые проекты ИСК, связанные с Турцией. В частности, завершилось строительство подводного железнодорожного туннеля Мармарай, Евразийского туннеля и моста Явуз Султан Селим, соединяющего Европу и Азию через Стамбул (непосредственно соединяющего азиатскую сторону с новым аэропортом Стамбула). ИСК стоит за несколькими другими

инфраструктурными проектами, такими как мост Чанаккале, высокоскоростная железная дорога Эдирне-Карс и трехтрубный туннель.

Китай вложил значительные средства в эти проекты и продолжает увеличивать свои инвестиции в проекты, находящиеся на стадии планирования. В январе 2020 г. китайский консорциум приобрел 51% акций моста Явуз Султан Селим, который считается частью ИСК и имеет значительную стратегическую ценность. Китай инвестировал в подводную железную дорогу Мармарай в Стамбуле – транспортный проект, который является частью ИСК, соединяющего азиатскую и европейскую части города. В ноябре 2019 г. в знак того, что эти инвестиции соединяют Китай с Европой, из Сианя (Китай) отправился поезд и прибыл в европейскую часть Турции через Мармарай. Это событие имело символическое значение, впервые в истории продемонстрировав возможность безостановочного путешествия поезда из Китая в Европу. Кроме того, в 2015 г. китайский консорциум приобрел 65% акций Терминал Кумпорт, крупнейшего контейнерного терминала Турции на северо-западном побережье Мраморного моря, имеющего важную стратегическую связь с Европой.

Уйгур в Стамбуле держит плакат в знак протеста против визита министра иностранных дел Китая в 2021 г.

Спорный проект Стамбульского канала является крупнейшим из проектов, инициированных Эрдоганом. По мнению экспертов, он будет иметь значительные экологические, геостратегические и политические последствия. Однако опыт прошедших лет показывает, что анонсирование подобных проектов обеспечивает Эрдогану значительную поддержку во время выборов. Учитывая масштабы проекта, он требует значительного объема иностранных инвестиций, что открывает возможности для Китая. Эрдоган публично заявил, что рассчитывает на вклад Китая в этот проект, стоимость которого составляет 15 млрд. долл. США, а также на то, что Китай примет участие в строительстве шести мостов на новом канале. По словам министра транспорта Турции, китайские, российские, голландские и бельгийские компании

заинтересованы в инвестировании и финансировании проекта. Министр также отметил связь между проектом Стамбульского канала и ОПОП и добавил, что проект увеличит долю Турции в мировой торговле. Различные информационные агентства также сообщали, что китайские компании заинтересованы в инвестировании в проект. Однако проект является потенциальной долговой ловушкой, и если Турция не сможет выполнить финансовые обязательства, стратегический маршрут, соединяющий Черное и Эгейское моря, может остаться под контролем Китая.

Китай также инвестирует в энергетические проекты Турции. Китайские банки финансируют угольную электростанцию Эмба Хунутлу стоимостью 1,7 млрд. долл. США, строящуюся в Адане на берегу Средиземного моря. Эта электростанция, которая, по прогнозам, будет производить 3% электроэнергии в стране, представляет собой крупнейшую китайскую инвестицию в Турции. Анкара также планирует подписать соглашение с китайской компанией «State Nuclear Power Technology Corp.» о строительстве третьей атомной электростанции в Турции.

Позиция Турции в отношении уйгуров

Нарушения прав уйгуров в Синьцзяне ставят Турцию в затруднительное положение в отношениях с Китаем. В 2009 г., до того, как страны вступили в стратегическое партнерство, Эрдоган, который в то время был премьер-министром Турции, назвал действия Китая в Синьцзяне «геноцидом» и потребовал от международного сообщества принять ответные меры. Турция долгое время предоставляла убежище уйгурам, бежавшим из Китая. Но позиция Турции по отношению к Китаю резко изменилась по мере роста экономической зависимости от него в последнее десятилетие. Абдулкадир Япчан, уйгурский политический активист, проживавший в Турции с 2001 г., был арестован в 2016 г. и содержался под стражей до своего освобождения в 2019 г. после длительного судебного и административного процесса. В это время Турция начала работать над договором об экстрадиции с Китаем, который подписал Эрдоган и который на момент написания этой статьи находился на утверждении турецкого парламента. В результате уйгуры в Турции живут в страхе быть депортированными в Китай. Мевлют Чавушоглу, министр иностранных дел Турции, заявил в 2017 г., что «Турция рассматривает безопасность Китая как свою собственную безопасность и не допустит в Турции никакой деятельности, направленной против Китая. Кроме того, мы примем меры для устранения любых сообщений СМИ, направленных против Китая». В 2021 г. Турция обрушила репрессии на уйгуров, протестующих против Китая. Этот шаг, основанный на политических расчетах, не получил широкой поддержки турецкой общественности.

По данным «Metropoll», частной организации по проведению опросов в Турции, 53,2% населения в

2021 г. посчитали реакцию правительства на действия Китая по обращению с уйгурами неадекватной. В ответ на критику турецкие чиновники выступили с заявлениями, в которых осудили произвольные аресты, физическое насилие и политическое «промыывание мозгов» в лагерях для интернированных и тюрьмах. Дэн Ли, посол Китая в Турции, опубликовал заявление, в котором предупредил Турцию, что подобные высказывания вызовут беспокойство среди китайских инвесторов и «неизбежно подорвут двусторонние связи». Эрдоган хранил молчание по этому вопросу. Но намного интереснее было наблюдать молчание партнера Эрдогана по коалиции – партии националистического движения, которая максимально раздувает националистический дискурс на внутреннем уровне, когда это соответствует ее политической повестке дня. «Вакцинная дипломатия» COVID-19 также повлияла на реакцию Турции на уйгурский вопрос; страна одной из первых закупила китайскую вакцину Sinovac, которая в то время еще не была одобрена в других странах. Согласно анализу, проведенному некоммерческой организацией Global Voices, принятие Турцией вакцины Sinovac в значительной степени способствовало глобальной «вакцинной дипломатии» Китая и его международному престижу на ранних этапах. Однако Китай задержал поставку вакцин в Турцию, чтобы оказать давление на парламент страны для ратификации договора об экстрадиции. По данным турецкого центра социальных исследований Andy-Ar, результаты опроса в декабре 2020 г. показали, что только 5% турецкого населения доверяют китайской вакцине.

Дальнейшие действия

4 января 2022 г. агентство Рейтер сообщило, что группа уйгуров, проживающих в Турции, подала в прокуратуру Стамбула уголовное заявление против китайских чиновников, обвинив их в геноциде, пытках, изнасилованиях и преступлениях против человечности. На момент написания этой статьи ни китайские, ни турецкие официальные лица не сделали никаких заявлений по поводу этой жалобы. Но это говорит о том, что уйгурский вопрос останется препятствием в отношениях между Турцией и Китаем, хотя Китай считает Турцию важной частью своей стратегии ОПОП.

Китай внимательно следит за внешнеполитическим курсом Турции. По словам Джале Озгентюрка, редактора экономических новостей турецкой газеты «Cumhuriyet», в 2021 г. интерес Китая к инвестициям в Турцию перешел в стадию выжидания. Одной из причин потери интереса является сближение между Эрдоганом и президентом США Джо Байденом в июне 2021 г. По данным аналитического центра GLOBSEC, Пекин не решается раскрыть Анкаре свою великую стратегию из-за членства Турции в НАТО и Организации экономического сотрудничества и развития, а также неудачных сделок по строительству атомной электростанции и системы ПВО. Уйгурский вопрос представляет собой дополнительную проблему,

поскольку население Турции поддерживает движение уйгуров, а правящая элита предпочитает молчать из-за экономических проблем. Кроме того, Китаю известно, что турецкая общественность отдает предпочтение западным, а не китайским, институтам и культуре. Отсутствие социальной поддержки означает, что Китай будет вкладывать больше средств в социальные проекты и связи с общественностью, чтобы повысить свой имидж в стране. Китай открыл четыре Института Конфуция в Турции, все они находятся в престижных университетах и работают над расширением обменов между двумя странами.

Несмотря на некоторые препятствия, существует достаточно доказательств того, что интерес Китая к Турции растет, и что Пекин неуклонно увеличивает свое присутствие в регионе. Отход Турции от ориентированной на Запад политики и экономических партнерств, а также ее неспособность признать долгосрочные намерения Китая способствуют расширению китайского присутствия в стране. Отсутствие прозрачности в турецко-китайских отношениях – еще один важный фактор, способствующий расширению китайского присутствия в Турции. Эксперты в Турции вынуждены полагаться на ограниченные данные для проведения своего анализа, и, что самое важное, в значительной части этого анализа китайское экономическое участие оценивается номинально, без учета основных рисков, исходящих от политического режима Китая и скрытой инвестиционной стратегии. С точки зрения краткосрочного экономического анализа было бы правильно предположить, что китайские инвестиции в Турцию принесут облегчение пошатнувшейся экономике страны. Однако, если не учитывать долгосрочные стратегические последствия финансовых сделок и структурные проблемы, которые изначально привели к экономическим трудностям, Турция окажется в еще худшем экономическом положении, чем сегодня.

В 2023 г. Турецкая Республика будет отмечать 100-летие со дня своего основания. В настоящее время Китай стал важным экономическим игроком в Турции, который стремится к созданию культурного и социального имиджа с целью укрепления своего авторитета в турецком обществе. Отсутствие прозрачности в тонкостях сотрудничества между странами затрудняет полную оценку уровня угрозы, исходящей от китайского присутствия в стране. Однако в открытых источниках информации достаточно доказательств того, что присутствие Китая в регионе сильно как никогда. В то же время Китай использует стратегию выжидания для оценки приверженности Турции к отношениям с западными игроками и выстраивает свои действия соответствующим образом. Внутривластные действия Турции основаны на краткосрочных выгодах и стратегии «удержания власти». Турция обладает потенциалом для изменения баланса сил в регионе. Еще не поздно вернуть баланс к его истокам, что в долгосрочной перспективе пойдет на пользу Турции. □

КИТАЙ НА БАЛКАНАХ

ПРОТИВОСТОЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНОМУ ВЛИЯНИЮ ПЕКИНА

Китайское присутствие на Западных Балканах за последнее десятилетие существенно расширилось, что соответствует дипломатическим целям торговли и инвестиций в рамках пекинской стратегии «Один пояс, один путь» (ОПОП), позднее переименованной в инициативу «Пояс и путь». Это расширение влияния также соответствует стратегическому контексту укрепления отношений между Китаем и Европейским союзом. «Инициатива 16+1» является ключевым инструментом развития сотрудничества в регионе, особенно с пятью странами Западных Балкан (исключая Косово). Принятая в 2012 г. и позднее привязанная к ОПОП, «Инициатива 16+1» представляет собой инициативу экономического сотрудничества между Китаем и 16 странами Центральной и Восточной Европы, способствующего реализации ОПОП. Это похоже на аналогичные стратегии проникновения Китая на региональные рынки в других частях мира. В 2019 г. добавилась Греция, и инициатива превратилась в «17+1», но затем отпала Литва, и формат «16+1» восстановился. Эта региональная платформа, объединяющая в одну группу совершенно разнородные страны (11 стран, входящих в ЕС, и 5 стран, не являющиеся членами этой организации) от Прибалтики до Балкан, сосредотачивает свое внимание на трех основных аспектах: торговля, инвестиции и транспортная инфраструктура.

«Инициатива 16+1» поддерживает диверсифицированную стратегию Пекина в Европе, позволяя фокусировать инвестиции капитала на стратегических ресурсах и новых технологиях в ключевых странах ЕС, при этом реализуя крупные инфраструктурные проекты на их периферии. Похоже, что Пекин приспособливает инвестиционную стратегию под каждую европейскую страну в отдельности в зависимости от ее экономической мощи, технологических достижений, географического положения и институционального устройства. На Западных Балканах с целью получения влияния Пекин применяет гибридный подход, сочетая элементы инфраструктурных проектов, которые мы видим в развивающихся странах, и экономическое взаимодействие, схожее с тем, которое мы наблюдаем в других странах ЕС.

У растущего интереса Китая к региону Западных Балкан существует несколько причин. Во-первых, геостратегическое расположение региона делает его идеальными воротами на рынки ЕС и ключевым транзитным коридором для ОПОП. Во-вторых, китайские интересы в регионе тесно связаны с инфраструктурными проектами и приватизационными возможностями, поскольку там спрос на преференциальные займы достаточно высок, а цены приобретения местных

активов низки. В-третьих, Пекин ищет новые рынки с целью расширения своего экспорта и пытается получить контроль за стратегическими ресурсами на «переднем крае» Европейского союза. В-четвертых, китайские компании стремятся обеспечить себе доступ к природным ресурсам и сосредотачивают усилия на стратегических секторах, таких как энергетика, добыча полезных ископаемых и обработка минералов. В-пятых, Пекин хочет увеличить свое влияние и углубить экономическое и дипломатическое присутствие в регионе из-за его близости к ЕС, а также в качестве противовеса трансатлантическим отношениям в регионе.

На Западных Балканах, также как и в других регионах мира, Пекин создает себе имидж безобидной мировой державы, надежного источника экономического развития и готового к сотрудничеству проверенного партнера, ищущего возможности для инвестиций в стратегически важные сектора экономики. Его официальный нарратив подчеркивает идею взаимовыгодного экономического сотрудничества. Этот нарратив делает акцент на возможностях Пекина привнести в регион экономическое процветание, при этом уводя в сторону политические аспекты.

КРАТКИЙ ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

Китай не новичок в этом регионе. Хотя Албания и республика бывшей Югославии десятилетиями поддерживали с Пекином дипломатические, экономические и культурные связи, в последние годы Китай закладывает фундамент для долгосрочного многопланового и гораздо более глубокого присутствия на Западных Балканах. В своем геополитическом нарративе Пекин умышленно делает акцент на тематике «традиционной дружбы» и «общего прошлого», сосредоточивая внимание на социалистическом прошлом стран региона и на сохраняющемся чувстве ностальгии в посткоммунистический период.

Дипломатические отношения между Китаем и Албанией официально начались в 1949 г., и господствующая в обеих странах коммунистическая идеология делала эти отношения все крепче. Раскол между Советским Союзом и коммунистической Албанией под руководством Энвера Ходжи в начале 1960-х гг. способствовал установлению более прочных и особых отношений с Китаем во времена правления Мао Цзэдуна. Те годы характеризовались разноплановым сотрудничеством двух стран, поскольку Пекин стал основным сторонником оказавшейся в изоляции Албании. Во время этого периода Китай предоставлял Албании крупные займы на развитие тяжелой и военной промышленности, особенно на производство вооружений и боеприпасов. В 1961 г.

было подписано важное соглашение, по которому Китай обещал Албании техническую поддержку в строительстве промышленных заводов и фабрик (по производству химикатов, продуктов питания, одежды, строительных материалов и стали). Объем торгового оборота между двумя странами возростал, поскольку Албания экспортировала сырье (нефть, хром, медь) и импортировала в основном промышленную продукцию и лекарственные препараты. За первые два десятилетия интенсивной дружбы были созданы прочные культурные связи, однако в 1978 г. двусторонние отношения развалились из-за идеологических разногласий. Албания оставалась изолированной от всего остального мира до 1991 г. Ее отношения с Китаем так и не восстановились до своего исторического максимума.

Китайско-югославские отношения были довольно динамичными в 1960-х и 1970-х гг. и стали еще более близкими после разрыва отношений между Пекином и Тираной. В 1977 г. президент Югославии Иосип Броз Тито впервые посетил Китай, за чем последовал ответный визит премьер-министра Китая Хуа Гофэна в Белград в 1978 г. Двусторонние связи еще более окрепли в середине 1990-х гг., когда изолированный на международной арене бывший президент Югославии Слободан Милошевич нашел союзника в лице далекого Китая и открыл двери для первых китайских мигрантов в Сербию. Еще более этот союз укрепился в политическом аспекте во время натовских бомбардировок Сербии в 1999 г., когда одна из случайных бомб частично разрушила посольство Китая в Белграде, убив трех китайских журналистов. Сегодня Сербия считает Китай своим стратегическим партнером и стала самым крупным получателем китайских инвестиций в Юго-Восточной Европе.

ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КИТАЕМ И ЗАПАДНЫМИ БАЛКАНАМИ

За последнее десятилетие торговля между Китаем и Западными Балканами стремительно возросла. Основным торговым партнером этого региона остается ЕС, на долю которого приходится 70% всего объема торговли, однако при этом Китай как торговый партнер вышел на второе или третье место. Учитывая небольшой рынок Западных Балкан (включая Косово), торговый обмен в 2020 г. достиг 6,3 млрд. долл. США, согласно базе данных «Комтрейд ООН» (см. Рисунок 1). Почти 60% этой торговли пришлось на Сербию (3,7 млрд. долл.), основного стратегического партнера Китая в регионе. В целом, на регион Западных Балкан приходится менее 5% всей торговли Китая со странами формата «16+1/17+1» (122 млрд. долл. США).

Несомненно, Китай рассматривает этот регион в основном как рынок для экспорта своих товаров и как доступ к рынкам Западной Европы. И хотя экспорт из Западных Балкан в Китай за последние годы увеличился, реальный торговый баланс остается почти на 90% в пользу Китая. Экспорт стран этого региона в Китай составляет 634 млн. долл. США, в то время

как импорт китайской продукции в регион Западных Балкан достиг 5,7 млрд. долл.

Учитывая необходимость в инвестициях и низкую стоимость производства товаров в регионе, мы можем увидеть в будущем заменяющую торговлю инвестиционную стратегию, которая потенциально сможет позволить китайским компаниям обойти торговые ограничения и экспортировать свою продукцию напрямую на рынки ЕС, где проживает 800 млн. человек, благодаря соглашениям о свободной торговле между странами региона Западных Балкан и ЕС.

КИТАЙСКИЕ ИНВЕСТИЦИИ: ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИИ?

За последнее десятилетие китайские инвестиции в регион стремительно росли. Согласно новому исследованию Balkan Investigative Reporting Network, опубликованному в декабре 2021 г., там в настоящее время реализуется 122 китайских проекта с оценочной стоимостью 31 млрд. долл. США (27,6 млрд. евро). Это составляет почти 40% всех прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в пять стран Западных Балкан (исключая Косово), достигших в 2020 г. 80 млрд. долл. США. Эти данные приводит Конференция ООН по торговле и развитию (см. Рисунок 2).

Что касается данных по китайским инвестициям в Западные Балканы, то тут вводящим в заблуждение является то обстоятельство, что большинство предоставляемых средств являются займами, а не действительными ПИИ. На самом деле, основной формой китайского сотрудничества в регионе являются концессионные займы на развитие инфраструктуры, в основном в транспортный и энергетический сектора, через государственные банки и финансовые механизмы, в том числе Китайский банк развития, Китайский экспортно-импортный банк (Эксимбанком), Фонд «Шелковый путь» и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций.

Экономическое сотрудничество охватывает такие сектора как инфраструктура, энергетика, горнодобывающая промышленность и обработка минералов и коммуникационные технологии, и осуществляется оно в основном на межправительственном уровне. Есть также инвестиции в такие сектора как здравоохранение, образование и культура. Несмотря на всю видимую активность, лишь несколько проектов были доведены до конца, реализация большинства проектов задерживается, некоторые застопорились, а статус других неизвестен из-за отсутствия прозрачности при их реализации. Сообщения о коррупции, загрязнении окружающей среды и эксплуатации труда рабочих, похоже, являются частью общей атмосферы использования этих инвестиций.

Особо следует отметить интересы Китая в Сербии. Имея самую крупную экономику на Западных Балканах, Сербия стала наиболее влиятельным китайским партнером в регионе и неоспоримым лидером в формате «16+1». Согласно долгосрочной стратегии Пекина на Балканах, Сербия представляет собой стратегический транспортный узел. Из 61 проекта общей стоимостью

более 21 млрд. долл. США наиболее важным является реконструкция железнодорожной ветки Белград-Будапешт. Отношения между Белградом и Пекином выходят за рамки чисто экономических, учитывая, что Сербия также подписала пакет на 3 млрд. долл. США, предусматривающий экономическую поддержку и военные закупки, что значительно повысило китайское влияние в стране. Еще одним важным проектом под руководством компании «Хуавэй» является установка «умных» камер наблюдения, оснащенных программным обеспечением, способным распознавать лица и авто-

ресурсов правительства, граждан и частных компаний от агрессивного вмешательства злонамеренных субъектов, таких как Коммунистическая партия Китая. Этот подход специально направлен против усилий компании «Huawei» получить доступ к сетям 5G, в том числе и в странах Западных Балкан.

Особые отношения между Китаем и Сербией еще больше укрепились во время кризисной ситуации с COVID-19, когда предоставление Китаем своей вакцины «Sinopharm» серьезно помогло сербскому правительству в борьбе с пандемией. И все же, интересы Китая в полу-

чении большой доли в инвестициях в Сербию омрачены сильным беспокойством относительно ущерба окружающей среде и вопросов информационной безопасности.

ИНФРАСТРУКТУРА: ВАЖНАЯ ЧАСТЬ ГОЛОВЛОМКИ ОПОП

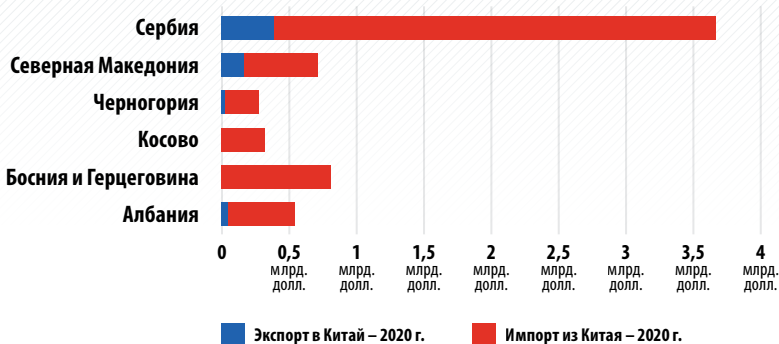
Китай привлекает регион Западных Балкан в основном своим геостратегическим положением и близостью к рынкам ЕС. В соответствии с целями ОПОП, Китай вкладывает огромные инвестиции в крупномасштабные инфраструктурные проекты и пользуется тем, что региону крайне необходима современная инфраструктура.

Пекин прокладывает торговые коридоры между Китаем и ЕС по суше и по морю. Это важные компоненты ОПОП, связывающие Китай с Западной Европой через порт Пирей в Греции и поддерживаемые сетью инфраструктуры на Балканах. Китайская государственная компания «China Ocean Shipping Co.» («COSCO») владеет контрольным пакетом (67%) акций порта Пирей, ставшего основным пунктом доставки китайских товаров в Европу, сократив обычное время доставки на одну неделю. Китайские товары доставляются по морю в порт Пирей, а затем отправ-

ляются поездами через Северную Македонию и Сербию в Венгрию и Чешскую Республику. В 2019 г. «COSCO» купила большинство акций (60%) греческой железнодорожной компании «Piraeus-Europe-Asia Rail Logistics», а также миноритарный пакет акций железнодорожного терминала в венгерской столице Будапеште. Китайские государственные компании также обладают большинством акций греческого порта Салоники.

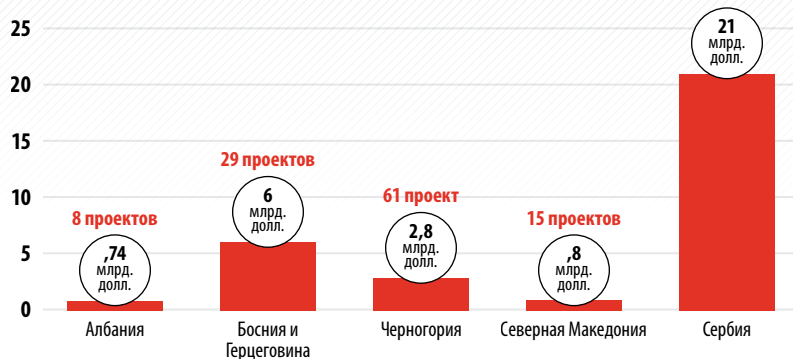
Одним из наиболее крупных проектов на Западных Балканах является строительство скоростной железной дороги Белград-Будапешт. Этот проект был согласован

Рисунок 1: Торговые отношения между Китаем и странами Западных Балкан в 2020 г. (в млрд. долл. США)

Источник: база данных «Комтрейд ООН»

Рисунок 2: Китайские проекты на Западных Балканах (в млрд. долл. США)

Источник: Конференция ООН по торговле и развитию

мобильные номера. Официально это представлено как мера по борьбе с преступностью, но при этом возникли сомнения о совместимости этого проекта со стандартами ЕС относительно неприкосновенности частной жизни и защиты данных, закрепленных в Общем положении ЕС о защите данных. Тем не менее, США провели успешную инициативу в сфере безопасности и технологий, включившую страны Западных Балкан (за исключением Сербии) в концепцию «Чистая сеть». Эта концепция представляет собой комплексный подход к защите наиболее чувствительной информации и

в 2016 г. на саммите «16+1» в столице Латвии Риге. На 85% этот проект финансируется Эксимбанком Китая (2,5 млрд. долл. США) и осуществляется китайским подрядчиком «China Railway Construction Corp.». Для строительства двух секций ветки Белград-Будапешт Сербия уже взяла заем в размере 1,5 млрд. долл. США. Еще одним крупным китайским транспортным проектом в Сербии является модернизация 204-километровой железной дороги между Белградом и третьим по величине городом Сербии Ниш, которая в конечном итоге завершит часть Пан-европейского коридора X, соединяющего австрийский Зальцбург с портом Салоники. Оценочная стоимость проекта составляет более 2 млрд. евро, а наиболее вероятным победителем тендера называют китайскую компанию «China Road and Bridge Corp.» («CRBC»). Единственным завершенным инфраструктурным проектом в Сербии с китайским финансированием является мост им. Пупина. Это первый крупный китайский инфраструктурный инвестиционный проект в Европе, выполненный компанией «CRBC» и торжественно введенный в эксплуатацию премьером Китая Ли Кэчяном и его сербским коллегой Александром Вучичем в декабре 2014 г.

Северная Македония также представляется важной страной для ОПОП. В 2013 г. правительство Северной Македонии взяло у Экспортно-импортного банка Китая заем на сумму более 800 млн. долл. США для строительства двух автострад: автостреды Миладиновичи-Штип, завершенной в августе 2020 г., и шоссейной дороги Кичево-Охрид (составной части Европейского коридора VIII), которую еще предстоит завершить. Стоимость строительства, осуществляемого китайской компанией «Sinohydro Corp.», возросла до почти 1,2 млрд. долл. США (включая проценты по займу). Реализация обоих проектов омрачается утверждениями об имеющих место фактах коррупции.

В Черногории автомагистраль Бар-Болъяре, протянувшаяся от порта Бар на Адриатическом море до границы с Сербией, является крупнейшим китайским проектом в этой стране и свидетельствует о высоком уровне интереса Китая к порту Бар. Он был профинансирован Эксимбанком Китая, предоставившим почти 1 млрд. долл. США на строительство только первой секции автомагистрали. При полученной стоимости в 20 млн. долл. за километр это шоссе побило все мировые рекорды стоимости строительства одного километра дороги. Строит эту автостреду «CRBC». Помимо того, что при этом суверенный долг Черногории возрос до 103% экономического производства страны, а из 165 километров дороги проложено только 41 километр, возникают также вопросы относительно финансовой целесообразности этого проекта и непомерно большого долга, связанного с этой «дорогой в никуда». По оценкам правительства Черногории, строительство оставшейся части автомагистрали обойдется еще в 2 млрд. долл. США. Китайские компании также принимают участие в модернизации железнодорожной сети Черногории. В 2017 г. китайская компания «China Civil Engineering Construction Corp.» за

8 млн. долл. США завершила реконструкцию 10-километрового участка железной дороги Колашин-Кош. Для Пекина этот проект был очень важным, поскольку это был первый железнодорожный проект в Европе, осуществленный китайской компанией на деньги ЕС.

В Боснии и Герцеговине китайские строительные компании участвуют в строительстве 12-километрового участка автомагистрали Почитель-Звировичи стоимостью 75 млн. долл. США, которое финансирует Европейский инвестиционный банк.

Флаги Китая и Сербии развеваются над построенным Китаем мостом им. Пупина через Дунай вблизи сербской столицы Белграда. 2014 г. Этот мост был первым завершенным китайским инфраструктурным проектом в Европе. AFP/GETTY IMAGES

В Албании, однако, попытки Китая контролировать региональную инфраструктуру были менее успешными. В 2016 г. одна китайская компания с государственной поддержкой купила концессию на управление Международным аэропортом Тираны, бывшим в то время единственным аэропортом в стране. Спустя всего четыре года после заключения этой сделки и при не выясненных до конца обстоятельствах эта концессия была продана местной компании.

ПРОБЛЕМЫ С ИНФРАСТРУКТУРОЙ

Инвестиции в инфраструктуру – это инвестиции в народное благосостояние, способные ускорить устойчивое экономическое развитие, однако положительный экономический эффект зависит от практических деталей реализации этих проектов и институциональных абсорбционных возможностей принимающих стран. Учитывая огромный дефицит инфраструктуры в странах Западных Балкан, китайские предприятия с государственной поддержкой и с их практикой непрозрачного ведения бизнеса могут легко обойти западные компании. Принимая во внимание высокий уровень коррумпированности политических элит в странах Западных Балкан, китайцы могут извлекать пользу из отсутствия прозрачности при заключении контрактов. Китайские государственные предприятия, занимающиеся развитием инфраструктуры, уже приобрели опыт в других развивающихся странах. У этих

предприятий большой экономической размах, и они могут предложить более низкие цены как прямой результат заинтересованности китайского государства в экспорте своих излишних мощностей и строительных материалов, таких как сталь и цемент.

Эти столь необходимые инфраструктурные проекты с соглашениями о займах у Китая ложатся тяжелым грузом на небогатые правительства стран региона, что приводит к огромным долговым обязательствам и экономически нерациональным сделкам. Отсутствие должной осмотрительности приводит к тому, что риски, связанные с суверенными гарантиями, перекладываются на принимающие страны, нанося ущерб их финансовой стабильности. В результате эти страны попадают в долговое рабство Китая. В этой связи Черногория представляет собой отличный пример. Окруженные тайной контракты с одним претендентом обычно отдаются прямо китайскому государственному предприятию без международных открытых тендеров и прозрачной процедуры. При таких подозрительных сделках ответственным сторонам удается остаться в тени и создаются возможности для коррупции. При этом происходит проникновение китайской рабочей силы в эти страны и нанесение ущерба окружающей среде региона.

Еще одним уязвимым местом является та легкость, с какой поддерживаемые Китаем проекты могут подстраиваться под политические циклы в странах региона. Когда в проектах с участием Китая задействована властная вертикаль, а не рациональные соображения рынка, то у политиков балканских стран появляется возможность рьяно поддерживать тот или иной краткосрочный нереализуемый проект, зарабатывая себе на короткий период очки в глазах электората. Быстрые китайские деньги кажутся для многих лидеров на Западных Балканах легким способом сохранения власти, а политическая настроенность большинства СМИ не позволяет проводить более широкое общественное обсуждение деятельности Китая в регионе.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ СЕКТОР И ДОБЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Инвестируя в страны, богатые природными ресурсами, такими как сталь, медь и нефть, Китай стремится обеспечить себе поставки этого сырья. Энергетический сектор балканских стран также очень привлекателен для китайских государственных предприятий, поскольку крупные западные компании коммунальных услуг не стремятся делать масштабные капиталовложения. Албания, Босния и Герцеговина и Черногория привлекают своими возможностями производить гидроэлектроэнергию, в то время как Хорватия, Северная Македония и Сербия обладают потенциалом выработки электроэнергии с использованием силы ветра. Китайские инвестиции в этих сферах в основном сосредоточены на приобретении и приватизации местных компаний.

В 2016 г. китайская компания «Hesteel Group», принадлежащая государству, приобрела за 55 млн.

долл. США сталелитейный завод в сербском городе Смедерево. Этот завод в Смедерево ранее был американской инвестицией, которую в 2012 г. американская компания «U.S. Steel» продала обратно сербскому правительству за символическую сумму в 1 долл. США. Сербское дочернее предприятие китайской «Hesteel Group», «HBS Group Serbia», стало крупнейшей в стране экспортной компанией. Предприятие по добыче и переработке меди RTV Bor представляет собой еще одну важную инвестицию Китая в добывающую промышленность Сербии. Компания «Zijin Mining Group» обладает контрольным большинством акций, инвестировав, по некоторым оценкам, более 1 млрд. долл. США и планирует расширение своего участия.

Компания «China Machinery Engineering Corp.» сейчас строит третий блок мощностью 350 мегаватт на угольной тепловой электростанции Костолач к востоку от Белграда. Финансирование осуществляется за счет займа в 600 млн. долл. США, предоставленного Эксимбанком Китая. Эта же компания расширяет добычу бурого угля открытым способом на шахте в Дрмно в Костолачском угольном бассейне. Сербия покрывает 70% своих потребностей в электроэнергии за счет добычи бурого угля, и в связи с этим появилась обеспокоенность относительно того, что китайские инвестиции в угольные предприятия и шахты задерживают процесс отказа от угля как источника энергии и замедляют отход Сербии от ископаемого топлива. Хотя значительные инвестиции поддерживают сербскую экономику и положительно влияют на занятость на местах, все же обеспокоенность по поводу загрязнения окружающей среды привела к протестам.

В Боснии и Герцеговине китайские интересы сосредоточены на двух крупных энергетических проектах – электростанции на буром угле в г. Станари (2013 г.), для финансирования которой Китайский банк развития предоставил 400 млн. долл. США, и электростанции на буром угле в г. Тузла (2017 г.). Второй проект финансируется за счет займа в 800 млн. долл. США, предоставленного Эксимбанком Китая и осуществляется «China Gezhouba Group», являющейся частью «China Energy Engineering Corp.». Эти два проекта привели к появлению долга более чем в 1,2 млрд. долл. США, что составляет 13% всего внешнего долга Боснии и Герцеговины, и стали наглядным примером противоречий между китайскими инвестициями и стандартами ЕС на Балканах. В 2020 г. правительство Республики Сербской, одного из двух политических образований, входящих в Боснию и Герцеговину, подписало соглашение с «China Gezhouba Group» о предоставлении инвестиций на сумму 216 млн. долл. США для строительства гидроэлектростанции в г. Дабар на юге страны. Было объявлено также об еще одной инвестиции компании «China Electric» и польско-китайской фирмы «Sunningwell International» на строительство тепловой электростанции «Углевик-3».

Со времени покупки канадской энергетической компании «Bankers Petroleum» в 2016 г., китайская «Geo-Jade Petroleum» контролирует концессию

(примерно на 450 млн. долл. США) на разработку крупнейшего нефтяного месторождения в Албании. Месторождение Патош Маринз вблизи г. Фиер обеспечивает 95% добычи сырой нефти в Албании и составляет 11% экспорта страны. Это также одно из крупнейших береговых нефтяных месторождений в Юго-Восточной Европе. По данным «Bankers Petroleum», эта китайская компания является самым крупным иностранным инвестором, самым крупным налогоплательщиком и одним из крупнейших работодателей в Албании. Однако, недавно у этой компании были проблемы, связанные с загрязнением окружающей среды, и она была оштрафована государственными органами.

Китай также имеет крупные инвестиции в албанские шахты, добывающие медь. В 2014 г. компания «Jiangxi Copper Corp.», крупнейший в Китае добытчик, производитель и дистрибьютор медной продукции, приобрела за 65 млн. долл. США, 50% акций «Ekin Maden Tic. San A.S.», турецкой горнодобывающей компании, работающей в Албании. Турецко-китайское совместное предприятие имеет концессии до 2043 г. на несколько медных шахт и заводов и является ведущей компанией по добыче и обработке меди в Албании.

ИНТЕГРАЦИЯ В ЕС И ПРОБЛЕМЫ С ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДОЙ

Региональные проекты, связанные с использованием угля, не поддерживаются европейскими банками развития или Всемирным банком из-за обеспокоенности относительно окружающей среды и предпочтения в использовании «зеленой энергии». Являясь крупным экспортером угля, Китай финансирует инвестиции в угольные электростанции в странах Западных Балкан, что противоречит целям ЕС в этом регионе. Это происходит несмотря на то, что этот регион остается одним из наиболее загрязненных в Европе и все еще в большой степени зависит от низкообогатленного бурого угля для производства электричества. Официально страны Западных Балкан не обязаны придерживаться природоохранных стандартов ЕС, однако их электростанции должны будут пройти модернизацию для продолжения функционирования, если эти страны присоединятся к ЕС. Несмотря на то, что эти страны пообещали придерживаться стандартов ЕС в таких сферах как энергетика и транспорт, выполнение этих обещаний продвигается крайне медленно из-за слабых государственных институтов и насущных экономических интересов. Таким образом, экономическое сотрудничество с Китаем позволяет региону Западных Балкан в краткосрочной перспективе избегать дорогостоящих природоохранных стандартов ЕС, что подрывает их перспективы интеграции в ЕС.

«МЯГКАЯ СИЛА» КИТАЯ

В центре пекинского нарратива применительно к региону Западных Балкан находится продвижение китайской модели развития с использованием китайского капитала, «способного творить экономические чудеса»

и мантры «взаимовыгодных отношений». Подавляющая часть сотрудничества между Китаем и Западными Балканами вовлекает государственные институты и основывается на системе общих интересов, базирующейся на прошлых отношениях и новых личностях из гражданского общества, академических кругов и средств массовой информации.

Академические связи между Китаем и странами Западных Балкан постоянно растут. Стремясь создать сообщество дружественных ему стран, Китай щедро инвестирует в культурную дипломатию, начиная от создания Институтов Конфуция – они есть в каждой столице в этом регионе, а в столице Сербии Белграде их даже два – до торговых палат и культурных центров. Кроме этого, Пекин продвигает идею создания «учебных классов конфуцианства» в начальных и средних школах. Одним из инструментов своей общественной политики Китай сделал предоставление стипендий, которые предлагаются на двусторонней основе. Больше всего таких стипендий предоставляется в Сербии. Неформальное общение между Китаем и странами Западных Балкан возросло за счет туризма, чему способствует послабление визового режима или полная его отмена (в случаях с Сербией и Албанией). Сотрудничество с Китаем по правительственной и партийной линиям происходит на двустороннем и многостороннем уровнях (Форум молодых политических лидеров, объединяющий Китай и страны Центральной и Восточной Европы), что видно на примерах Боснии и Герцеговины, Черногории, Северной Македонии и Сербии.

В последние годы отмечался рост присутствия китайских СМИ в регионе Западных Балкан. «Международное радио Китая», вещающая на всех языках балканского региона, представляет собой важный медийный инструмент. Новостные сюжеты состоят из информационных блоков, содержащих свежие факты, нейтральных по тону и ориентированных на экономические вопросы, но в которых, как правило, отсутствует критическая оценка деятельности Китая. Эти медийные ресурсы, похоже, зачастую стараются избегать упоминания информации о сомнительных условиях, сопровождающих китайские проекты.

Во время пандемии COVID-19 Западные Балканы превратились в сцену для китайской «масковой дипломатии». Эта стратегия состояла в том, чтобы наводнить целевые страны медицинскими средствами защиты, что позволило Китаю изобразить себя в роли щедрого донора, одновременно опровергая обвинения в том, что на первом этапе вспышки заболевания Пекин придерживал информацию о его причинах и источнике. «Масковая дипломатия» имела успех в некоторых странах региона и представляла Китай в качестве законного партнера или даже спасителя, свидетельством чему может служить изображение президента Сербии Александра Вучича, целующего китайский флаг. Когда «масковая дипломатия» переросла в «вакцинную дипломатию», Сербия оставалась в центре китайской стратегии; ей была отведена

стратегическая роль распределителя китайских вакцин в соседние страны и организатора «вакцинного туризма». Единственной страной региона, не использовавшей китайские вакцины или отказавшейся от них, было Косово. «Вакцинная дипломатия» совершенно очевидно использовалась Пекином и Москвой для укрепления своих геополитических позиций в регионе и подрыва доверия к западным державам, в частности, к Европейскому союзу.

Билборд с надписью «Друзья навеки и в радости, и в горе» размещен на муниципальном здании в сербской столице Белграде. Апрель 2021 г. В этот период Китай пытался изменить представление других стран о том, как он первоначально отреагировал на вспышку заболевания COVID-19. АССОЦИИЭЙТЕД ПРЕСС

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экономика стран Западных Балкан испытывает трудности и срочно нуждается в инвестициях. Пекин осознает, что он может легко установить собственное присутствие на подступах к ЕС, где и лежат его действительные интересы. Политические элиты видят это присутствие Китая как чисто экономический фактор и подходят к нему в основном с оппортунистических позиций. Похоже, что у них полностью отсутствует какой-либо стратегический анализ долгосрочных последствий китайского влияния в регионе.

Дипломатический нарратив Пекина поддерживает интеграцию стран этого региона в Европейский союз, однако некоторые китайские проекты не соответствуют стандартам и правилам ЕС относительно прозрачности и рационального управления. Такие аспекты как финансовая состоятельность и факторы экологии, рост внешнего долга, отсутствие конкурентности и бизнес-модели с государствами в качестве основных партнеров, представляю собой дополнительные риски для региона, затрудняя проведение политических реформ, необходимых для интеграции в ЕС. Крупномасштабные инвестиции и открытие новых транспортных маршрутов могут также служить вектором политического и нормативного влияния и стать альтернативой западной демократической модели либеральной рыночной экономики.

Отсутствие необходимости соблюдать прозрачные процедуры тендеров, отчетности и других элементов правительственных реформ в сочетании с сохранением

доступа к столь необходимым китайским капиталам может сделать руководителей стран Западных Балкан менее зависимыми от ЕС и дать им возможность сохранять свои насущные экономические интересы.

В отличие от китайской «дипломатии чековой книжки», объединенные фонды Европейского союза на нужды инфраструктуры и экономического развития больше по объему и дешевле для принимающих стран на Западных Балканах. К сожалению, предложение помощи Евросоюза может быть менее привлекательным чем предложения Китая из-за громоздких бюрократических правил, сопровождающих финансирование со стороны ЕС, из-за «усталости расширения» этой организации, но также и из-за недостаточно сильных стратегических посланий гражданам стран этого региона. Европейскому союзу следует не только подтвердить свою политику открытых дверей и действовать быстрее с целью предоставления больших определенности и предсказуемости процессу расширения членства, но также и сделать правительства стран региона более прозрачными и подотчетными. Дальнейшие промедления создадут риск того, что естественная тяга этих стран к членству в ЕС начнет ослабевать, и будет создаваться пространство для подходов, альтернативных интеграции в ЕС.

С этой точки зрения, рассматривая возможность расширения членства за счет стран Западных Балкан, ЕС должен будет специально оговорить меры, относящиеся конкретно к Китаю. Они должны содержать требования большей прозрачности китайских проектов, большей степени общественного обсуждения обещанных выгод каждого проекта и необходимость применения Механизма изучения прямых иностранных инвестиций, принятого в ЕС для стратегических инвестиций. Эти меры крайне необходимы для того, чтобы помочь региону в приобретении жизнестойкости, что является ключевой целью ЕС. Более структурированные и жесткие правила процедуры вступления в ЕС в таких аспектах как экологические нормы и стандарты закупок, управление экономическими процессами и платежеспособность по долгам создадут определенные возможности у правительств стран региона и позволят западным институтам лучше формулировать контрстратегии и повышать прозрачность межгосударственных контактов с участием Китая, неоправданно крупных долгов и других скрытых условий.

Регион Западных Балкан должен быть частью скоординированной трансатлантической стратегии в отношении Китая. Запад в целом должен иметь более привлекательные варианты для Западных Балкан и четкую стратегию развития экономических возможностей и укрепления жизнестойкости, нацеленные на закладку более прочного фундамента демократии, верховенства закона и рационального управления. □

Высказанные в статье взгляды принадлежат исключительно авторам и не обязательно отражают взгляды Центра им. Маршалла, Министерства обороны США или правительства США.

СОЛИДАРНОСТЬ ЕС

ПРОХОДИТ ЧЕРЕЗ СЕРЬЕЗНОЕ ИСПЫТАНИЕ

КИТАЙСКАЯ КАМПАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ЛИТВЫ

Брент Кристенсен, старший политический советник,
Азиатско-тихоокеанский центр изучения вопросов безопасности им. Даниела Иноуйе

ноября 2021 г. в столице Литвы Вильнюсе было открыто «Представительство Тайваня». Казалось бы, в этом нет ничего особенного, учитывая, что у Тайваня есть более 50 подобных представительств по всему миру, которые обычно носят официальное название «Экономическое и культурное представительство Тайбэя». Однако для Китая использование в названии представительства слова «Тайвань» означало пересечение жирной красной черты, поскольку это подразумевает, что остров Тайвань имеет независимость от Китая и обладает суверенитетом. В полном возмущения ответе Пекина говорится: «Правительство Литвы, игнорируя категорические возражения и неоднократные предупреждения китайской стороны, одобрило открытие т.н. «Представительства Тайваня в Литве». Китайское правительство выражает решительный протест и категорические возражения против этого вопиющего шага. Литовская сторона будет нести ответственность за все вытекающие последствия».

Последствия не заставили себя долго ждать. Китай отозвал своего посла из Литвы и потребовал, чтобы литовский посол покинул Пекин. Затем он убрал Литву из листинга стран-производителей, полностью заблокировав таким образом всю торговлю с Литвой, и отказался принять в своих портах 120 контейнеров с литовскими товарами. После рассмотрения жалобы Литвы на то, что Китай ввел «необъявленные санкции» в отношении ее товаров, Европейский союз 27 января 2022 г. подал иск во Всемирную торговую организацию, обвиняя Китай в «незаконной и дискриминационной торговой практике». Еще раньше ЕС подтвердил свою солидарность с Литвой после встречи министров иностранных дел стран-членов ЕС 14 января.

Противостояние, связанное с действиями Литвы, приходится на критический период в отношениях между ЕС и Китаем и представляет собой беспрецедентное испытание коллективной решимости ЕС противостоять китайскому экономическому давлению. Из-за экономических и политических споров отношения между ЕС и Китаем опустились до самой низкой отметки с 1989 г., что отмечает журнал «The Diplomat». В мае 2021 г. Европарламент проголосовал за замораживание ратификации двустороннего Всеобщего соглашения об инвестициях, подписанного в декабре 2020 г., после того как китайское правительство наложило масштабные санкции на европейские аналитические центры, ученых, членов Европарламента и послов ЕС в качестве ответа на санкции ЕС против четырех китайских чиновников, ответственных за нарушение прав человека в провинции Синьцзян.

Поскольку Китай занимает в списке импортеров литовских товаров лишь 22-е место, и на него приходится менее 1% всего литовского экспорта, китайский запрет на торговлю нанесет минимальный прямой ущерб экономике Литвы. Однако, по мере того как Китай начинает использовать против Литвы всю схему европейских цепочек поставок, общий ущерб, нанесенный стране и ее торговым партнерам, может быть

значительным. Хотя Федерация немецкой промышленности (ФНП) выступила с решительным заявлением в поддержку Литвы, появились сведения о том, что некоторые входящие в ФНП компании пересматривают свои бизнес-отношения с Литвой. Немецкие, французские и другие европейские компании, работающие в Китае и зависящие от произведенных в Литве компонентов, теперь не могут получить эту литовскую продукцию. Китай предупредил эти компании, чтобы они не использовали импортируемые из Литвы товары. Президент Торговой палаты ЕС в Китае Йорг Вуттке назвал это беспрецедентным шагом по оказанию давления на более широкое европейское бизнес-сообщество, еще более усложняющим вопросы цепочек поставок товаров, уже и так нарушенных пандемией COVID-19.

Некоторые литовские политики, вначале проявившие стойкость перед лицом ответных действий Пекина, сейчас начинают колебаться по мере того, как они оценивают неожиданные последствия открытия представительства Тайваня. Недавний опрос, проведенный Министерством иностранных дел Литвы в середине декабря 2021 г., показал, что только 13% литовцев поддерживают жесткую линию правительства в отношении Китая, в то время как 60% опрошенных выступают против нее. Президент Литвы Гинатас Науседа выразил сомнения относительно того, насколько мудра нынешняя принципиальная политика его страны. «Я думаю, что ошибкой был не сам факт открытия представительства Тайваня, а его название, которое не было согласовано со мной», - пояснил Науседа в интервью местному радио. Министр иностранных дел Габриелиус Ландсбергис вскоре после этого сказал журналистам, что вопрос об открытии представительства Тайваня координировался с президентом страны с самого начала. Ландсбергис подчеркнул, что Министерство иностранных дел «решительно поддерживает свое решение разрешить открытие представительства Тайваня».

Тайвань, сознавая растущий политический и экономический ущерб для Литвы, предложил свою поддержку. Тайваньские компании предложили выкупить литовские экспортные товары, первоначально предназначавшиеся для Китая, в том числе 120 контейнеров, которые не пустили в китайские порты. Одна тайваньская компания согласилась купить все 20 тыс. бутылок литовского рома, которым было отказано в доступе в Китай, а тайваньские потребители скупают литовский шоколад и другие продукты, которые больше не хочет завозить Китай. Кроме того, Тайвань заявил о планах создания фонда в 200 млн. долл. США для инвестиций в литовскую промышленность и в развитие двусторонней торговли, а еще через несколько дней выступил с программой кредитования на общую сумму в 1 млрд. долл. Министр Совета национального развития Тайваня Кунг Минг-шин пояснил, что фонд в 200 млн. долл. США будет нацелен на инвестиции в высокотехнологические сферы, а кредитование в 1 млрд. долл. будет направлено на поддержание тайваньско-литовских

проектов в частном секторе. Литовский министр экономики и инноваций Аушрине Армонайте приветствовала создание этих финансовых возможностей, сказав, что «это является очень хорошей новостью. Я считаю, что Литву можно рассматривать как потенциальную страну для инвестиций в сферу производства полупроводников». Получение доступа к тайваньским технологиям полупроводников давно уже является целью ЕС. Руководитель представительства Тайваня в Литве Эрик Хуанг в своих публичных комментариях отметил, что Тайвань может рассмотреть возможность инвестиций в производство полупроводников в Литве.

ЕС и его члены продолжают выражать решительную поддержку Литве. 8 декабря 2021 г. Верховный представитель ЕС Жозеп Боррель и министр торговли ЕС Валдис Домбровскис выпустили совместное заявление, в котором говорится, что «ЕС готов противостоять любым формам политического давления и мер принуждения, применяемых к любому члену организации. Изменения в отношениях Китая с одним из членов имеет последствия для отношений Китая со всем Евросоюзом». В заявлении также отмечалось, что, придерживаясь «политики одного Китая», ЕС «будет продолжать сотрудничество и обмены с Тайванем в областях, представляющих общий интерес». Когда Франция готовилась в процессе ротации возглавить ЕС в январе 2022 г., президент Эммануэль Макрон пообещал сделать торговую политику организации более активной, повысив свой оборонительный арсенал в торговых спорах с Китаем. В этой связи ЕС представил свой новый инструмент в борьбе с принудительными мерами с официальным названием «Предложения по регулированию защиты Союза и его членов от экономического принуждения со стороны третьих стран». Этот документ может оказаться полезным в противостоянии превращению торговли и инвестиций в своеобразное оружие.

Соединенные Штаты также поддерживают более тесные отношения между Литвой и Тайванем и разрешение открыть представительство Тайваня в

Вильнюсе. Вскоре после открытия этого представительства Американский институт в Тайване – фактически играющий роль посольства США в Тайване – выпустил заявление с поддержкой этого соглашения. США также объявили о соглашении с Литвой об экспортных кредитах на сумму 600 млн. долл. через Экспортно-импортный банк США. На совместной с министром иностранных дел Германии Анналеной Бербок пресс-конференции госсекретарь США Энтони Блинкен подчеркнул: «Нас непосредственно беспокоит тот факт, что правительство Китая пытается запугать Литву, страну с населением менее 3 млн. человек. Соединенные Штаты будут сотрудничать со своими союзниками и партнерами, в том числе с Германией, с тем чтобы противостоять подобным запугиваниям. Также как и европейцы, мы солидарны с Литвой и находимся на ее стороне». В качестве еще одного жеста поддержки 27 января 2022 г., после того как ЕС подал иск в ВТО, канцелярия торгового представителя США объявила о том, что она попросит разрешения присоединиться к консультациям ВТО «в знак солидарности с Литвой и Европейским союзом». Вскоре после этого Госдепартамент США направил заместителя госсекретаря по экономическим делам Хозе Фернандеса в Вильнюс и Брюссель для обсуждения реализации экспортного соглашения на 600 млн. долл. США, а также вопросов, представляющих общий интерес, включая противодействие экономическим принуждениям.

Литва уже долгое время выступает с критикой политики Китая, и в мае 2021 г. покинула платформу «17+1», созданную Китаем для наращивания торговли и инвестиций в странах Центральной и Восточной Европы. В последние годы концепция «17+1» стала терять свою актуальность, поскольку ожидаемые китайские инвестиции и другие экономические выгоды так и не воплотились в реальность. Когда Литва объявила о выходе из схемы «17+1», Ландсбергис прокомментировал это следующим образом: «С нашей точки зрения, ЕС уже давно пора перейти от формата «17+1», разделяющего страны, к формату «27+1», объединяющему страны, и поэтому более эффективному». Несмотря на этот шаг, а также на ограничения, введенные Литвой против компании «Huawei» (и других поставщиков для ее сетей 5G), и резкой критики нарушений прав человека в Китае, торговые отношения Литвы с Китаем в то время сильно не пострадали. Стараясь снизить накал страстей вокруг открытия представительства Тайваня, Ландсбергис пояснил, что Тайвань имеет аналогичные представительства по всей Европе, и что открытие представительства в Вильнюсе не стоит рассматривать как такое уж большое событие.

Тайвань пытается, хотя и безуспешно, убедить международное сообщество принять «Тайвань» в качестве предпочитаемого названия, в том числе и на уровне нескольких международных организаций и инициатив, в которых он является полноправным участником. Тайваню все время приходится идти на компромиссы в выборе названия. В рамках Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (форума

Министр иностранных дел Литвы Габриелиус Ландсбергис подчеркивает, что министерство «решительно поддерживает свое решение разрешить открытие Представительства Тайваня».

АССОШИЭЙТЕД ПРЕСС

с участием 21 страны азиатско-тихоокеанского региона), на Олимпийских играх и в ряде других организаций Тайвань известен как «Китайский Тайбэй». В Азиатском банке развития его называют «Тайбэй, Китай». Во Всемирной торговой организации он зарегистрирован как «Отдельная таможенная территория Тайваня, Пенгху, Кинмен и Матсу (Китайский Тайбэй)». Усилия изменить эти наименования так и не привели к каким-то значительным результатам. Например, в 2018 г. референдум на Тайване предложил изменить название олимпийской сборной Тайваня со «сборной Китайского Тайбэя» на «сборную Тайваня». Однако после того, как Международный олимпийский комитет ясно дал понять, что Тайвань не будет допущен к состязаниям под таким названием, предложение было снято. Пекин тщательно отслеживает использование названий Тайваня в коммерческих, академических и других листингах, и когда он замечает «нарушения», то он применяет крайне сильное давление к оскорбившей Китай компании, институту или организации, заставляя изменить название. В 2017-2018 гг. все обслуживающие Китай иностранные авиакомпании должны были пересмотреть на своих вебсайтах листинги пунктов назначения на Тайване. Единственным исключением можно считать успех Тайваня в Сомалиленде, где было открыто «представительство Тайваня». Это самопровозглашенное политическое образование в Восточной Африке официально не признано ни одной страной мира. Даже тогда Китай, как сообщалось, возражал против такого названия, однако Сомалиленд настоял на своем решении. «Мы можем стать Тайванем на Африканском Роге, - заявил министр иностранных дел Сомалиленда Либан Йосиф Осман. - Тайвань символизирует собой успех, и мы хотим перенять его модель развития».

Хотя Тайвань в последние годы продолжает терять дипломатических союзников – за последние шесть лет их число сократилось с 22 до 14 – за время правления администрации президента Цай Инг-Вена Тайвань добился значительного прогресса в своих неофициальных отношениях с Европейским союзом, особенно со странами Центральной и Восточной Европы. Демонстрируя прочность отношений между Чешской Республикой и Тайванем, глава чешского Сената Милош Вистрчил и делегация из почти 100 парламентариев и бизнесменов посетили Тайвань в сентябре 2020 г., а годом позже Тайвань направил в Прагу делегацию с ответным визитом. Министр иностранных дел Тайваня Джозеф Ву часто отправляется в поездки в этот регион, а осенью 2021 г. совершил широко освещаемый в прессе визит в Польшу, Чешскую Республику и Словакию. В Словакии он выступил на конференции, организованной аналитическим центром GLOBSEC, а также в виртуальном режиме на встрече Межпарламентского союза по делам Китая в Риме. Цай также выступил в виртуальном режиме на Саммите демократии в столице Дании Копенгагене в 2021 г., где отметил международную репутацию Тайваня как примера демократического общества.

Принимая во внимание жесткую линию Китая, остается очень мало места для компромисса в вопросе о представительстве Тайваня в Литве. Своей непримиримой реакцией на действия Литвы Китай посылает предупредительные сигналы другим странам Европы, которые могут рассматривать возможности установления более тесных отношений с Тайванем. Как отмечалось в недавней статье на новостном вебсайте «Politico», это является классическим примером ситуации, когда «убивают курицу, чтобы напугать обезьяну». Даже если Литва изменит название представительства на более традиционное «Экономическое и культурное представительство Тайбэя», Китай свою позицию не смягчит. В авторской колонке в газете «Global Times», рупоре Пекина, за 22 января указывается, что для улучшения отношений потребуется гораздо больше, чем просто переименование представительства. Литва должна будет внести «существенные корректировки в свою общую политику в отношении Китая». Однако угрозы Пекина могут и не сработать. 17 января премьер-министр Словении Янез Янша в интервью индийскому телеканалу сообщил, что Словения и Тайвань обсуждают возможность взаимного открытия своих представительств, которые, по его словам, «будут на том же уровне, что и представительства, уже существующие в других странах-членах ЕС». Пресс-секретарь МИД Китая назвал эту новость «шокирующей» и приравнял ее к поддержке независимости Тайваня. Согласно сообщениям новостных каналов, уже через несколько дней после интервью премьер-министра компании Словении стали оповещать о разрыве китайскими партнерами действующих контрактов.

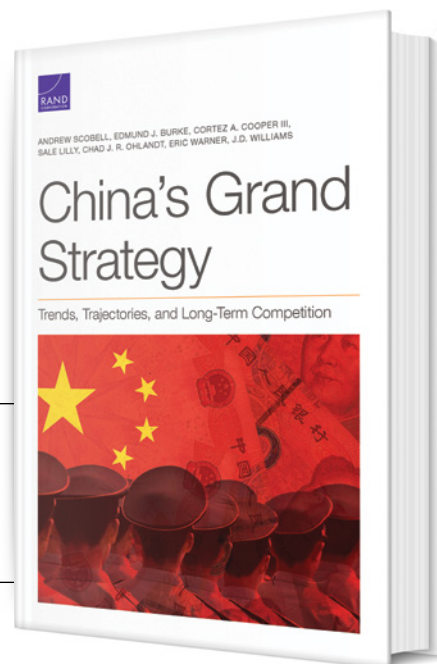
Тайвань, чья экономика находится на 21-м месте в мировом списке, является успешно развивающейся демократией и критически важным звеном в цепочке поставок высокотехнологичных товаров. Тайвань многое может предложить Литве. Кроме того, Тайвань – щедрый друг, бесплатно передавший США, ЕС и другим партнерам миллионы защитных масок и других средств персональной защиты во время пандемии COVID-19. Но даже при щедрых инвестиционных предложениях и торговых кредитах Тайваня Литве на общую сумму в 1,2 млрд. долл. США и экспортном кредите США в 600 млн. долл. у Пекина все же больше экономических рычагов, и он готов безжалостно пустить их в ход. Сама по себе Литва, чья экономика стоит на 83-м месте в мировом списке, а население которой составляет всего 2,8 млн. человек, несомненно, слабее Китая в этом состязании политических решений. Ставки высоки для ЕС, который хочет показать себя надежным защитником своих членов, против которых какая-то третья страна применяет силу принуждения. Хотя еще слишком рано говорить о том, сможет ли новый предложенный инструмент противостояния давлению помочь в борьбе с грозными мерами экономического принуждения, которые может задействовать Пекин, сейчас чрезвычайно важно, чтобы ЕС оставался непоколебимым и единым в поддержке Литвы в ее противостоянии растущему давлению со стороны Пекина. □

РЕАКЦИЯ НА ВОСХОЖДЕНИЕ КИТАЯ

АВТОРЫ: Эндрю Скобелл, Эдмунд Бурк, Кортес Купер III, Сейл Лилли, Чэд Охландт, Эрик Уорнер и Дж. Д. Уильямс

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Rand Corp.

РЕЦЕНЗЕНТ: Патрик Сван, обозреватель журнала «per Concordiam»

Представляет ли набирающий силу Китай т.н. «ловушку Фукидида» для Соединенных Штатов и для Запада в целом – все еще остается открытым вопросом. Политолог и бывший сотрудник Министерства обороны США Грэм Эллисон утверждает, что столкновение неизбежно, поскольку восходящая держава стремится сбросить с пьедестала господствующую державу. В то же время, хотя история и изобилует подобными примерами, ничего нельзя считать заранее предопределенным. Проведенное Rand Corp. в 2020 г. исследование генеральной стратегии Китая выявило модель, которую военный стратег античного Китая Сунь Цзе описал еще две с половиной тысячи лет назад: «Если ты знаешь врага и знаешь себя, тебе не стоит бояться результатов сотен сражений».

Исследование Rand Corp. под названием «Генеральная стратегия Китая» рассматривает тенденции, направления движения и долгосрочную конкуренцию. Этот анализ на 135 страницах и состоящий из шести глав, содержит большое количество оценок и рекомендаций ученых и стратегов относительно того, как Запад может справиться с набирающим силу Китаем.

Окончательный вывод, к которому пришли авторы, состоит в том, что Китаю вовсе не предопределено судьбой занять место США и Запада в качестве глобальных арбитров международной политики и деятельности. Это соответствует действительности даже при том, что авторы прогнозируют, что к 2050 г. Китай достигнет своих краткосрочных стратегических целей.

Главы книги анализируют возможные генеральные стратегии Китая; его способность формировать будущее посредством политического контроля и социальной стабильности; его пересмотр соотношения дипломатии и экономики; его перестройку национальной обороны; и сценарий 2050 г. с конкурирующими направлениями движения Китая и Запада. Авторы согласны с тем, что

между Китаем и США/Западом будет наблюдаться существенное противостояние в мировых делах в обозримом будущем – поэтому в качестве временного маркера и указан 2050 г.

Rand Corp. целью китайской генеральной стратегии называет «национальное омоложение», в результате чего появится некий Китай «с эффективным управлением, социальной стабильностью, экономическим процветанием, передовыми технологиями и военной мощью». От того, использует ли Китай эту свою силу как ответственный лидер международного сообщества, или же эта сила будет использоваться во зло, будет зависеть, является ли это восхождение Китая плюсом или минусом для США и для Запада в целом.

Rand Corp. отслеживает четыре сценария возможного развития Китая до 2050 г. в плане его способности задействовать инструменты национального могущества для достижения поставленных целей. Сценарий «Китай – триумфатор» означает, что Китай добился всех целей генеральной стратегии; «восходящий Китай» обозначает достижение некоторых, но не всех поставленных целей; «Китай в состоянии застоя» означает, что Китаю не удалось достичь своих долгосрочных целей; и «взрывоопасный Китай» указывает на угрозы самому существованию режима. В каждом из сценариев авторы рассматривают способность Китая достичь поставленных целей, требуемые для этого внутренние и внешние условия, последствия каждого сценария для глобального влияния Китая и последствия каждого сценария для США и Запада. Rand Corp. приходит к заключению, что к 2050 г. может реализоваться любой из этих сценариев.

И все же Rand Corp. считает сценарий «Китай – триумфатор» наименее вероятным из-за недостаточных предпосылок для успеха. С другой стороны,

«взрывоопасный Китай» также маловероятен, поскольку китайские лидеры, говоря словами Rand Corp., «продемонстрировали свой опыт в организации и планировании, умение преодолевать кризисные ситуации и способность приспосабливаться к меняющимся условиям». Поскольку Китай, скорее всего, сможет достичь некоторых из своих стратегических целей, если не всех, наиболее вероятными сценариями авторы считают «восходящий Китай» и «Китай в состоянии застоя».

Так с чем же в действительности столкнутся США и Запад? По мнению Rand Corp., каждый из сценариев потенциально может привести к специфичному направлению движения в отношениях между Китаем и США/Западом. Среди вариантов могут быть как превращение соперников в «параллельных партнеров», так и то, что они могут стать «конфликтующими соперниками» и двумя государствами, двигающимися «в противоположных направлениях».

Вариант «параллельных партнеров» вернет обе страны к состоянию, предшествовавшему 2018 г. Rand Corp. полагает, что это наиболее возможно при сценариях «восходящего» или «застойного» Китая, по крайней мере, в том, что касается их действий в других регионах мира и нетрадиционных угроз безопасности. В случае с траекторией «конфликтующих соперников» авторы видят более состязательные и противоречивые отношения, которые наиболее вероятны при сценарии «Китай – триумфатор». В случае с третьей траекторией – «противоположные направления» – ни Китай, ни США/Запад не будут вступать в непосредственное сотрудничество друг с другом. Однако это не приведет к открытому конфликту. При варианте «взрывоопасного Китая» Пекин будет слишком занят нарастающими внутренними проблемами.

Авторы согласны с тем, что, выстраивая отношения с США/Западом, Китай стремится получить конкурентные преимущества и справиться с угрозами, не отклоняясь при этом от своих стратегических приоритетов. В своем собственном регионе влияния Китай старается контролировать тенденции и изменения существующего положения без провоцирования опасений насчет «китайской угрозы». Проблема для США/Запада состоит в том, чтобы как следует подготовиться к сценарию «триумфатора» и более вероятному сценарию «восхождения». Здесь следует ожидать стратегических вызовов с наибольшей вероятностью нанесения вреда интересам США и Запада. При таком сценарии американским военным следует быть готовыми к угрозам своим контингентам передового базирования в западной части тихоокеанского региона и к возможной потере возможности проводить рутинные воздушные и морские операции в этом регионе.

Противодействие такому развитию событий потребует, помимо прочего, повышения возможностей мобильных и интегрированных систем противовоздушной обороны и всех компонентов огневой поддержки. Целью этих действий будет укрепление

механизма конвенционального сдерживания и недопущение перерастания соревнования в конфликт. Для этого авторы рекомендуют проводить больше двусторонних и многосторонних военных учений с региональными союзниками и партнерами и объединение систем и возможностей ведения электронной войны с операциями нападения на отдельные серверы или компьютерные сети. Авторы поддерживают проведение демонстративных морских операций по закрытию доступа и осуществлению контроля в определенных районах, гибкую систему коммуникаций и рассредоточения разведанных, а также внедрение искусственного интеллекта на всех уровнях. США и Запад должны задействовать эффективные, маневренные и жизнестойкие морские и воздушные силы для успешного подавления военных амбиций Китая и для устранения у него желания создавать опасные и рискованные ситуации.

Rand Corp. считает, что именно сухопутные силы США лучше всего могут влиять на Народно-освободительную армию Китая посредством чисто военных операций. Акцент на озабоченности Китая относительно своих слабых мест может дать западным политикам «более полное представление о потенциальных возможностях по мере их возникновения». Эти возможности могут удерживать отношения в некинетическом состоянии и помогут в формировании ответных мер на восхождение Китая, которые исключат превращение Китая в угрозу самому существованию США и Запада в целом.

Rand Corp. настаивает на необходимости понимания того, как военная стратегия Китая и его структурные изменения интегрированы в его общий подход к созданию всесторонней национальной мощи: «Нынешняя политика Китая в отношениях с Соединенными Штатами сконцентрирована на конкуренции, охватывающей целый ряд аспектов, а не просто геополитическое влияние ... Возможно, наряду с разработкой и реализацией концепций и возможностей ... не менее важно и то, что применение схем, подобных той, что была использована в этом исследовании, помогут сделать акцент на озабоченностях Китая по поводу собственных относительных слабостей в ключевых областях. Это, в свою очередь, может предоставить политическим деятелям в США более полное представление о возможностях по мере их возникновения».

Знание противника и самого себя важно, по крайней мере, в данном случае, поскольку это может гарантировать, что Китай не нанесет США поражение без боя, что Сун Цзе называл «вершиной мастерства». Китаю не удастся хитрыми маневрами заманить США/Запад в безвыходную ситуацию, если США/Запад модернизируют свои оборонные возможности и укрепят свою решимость мирно состязаться с Китаем, где это возможно, и успешно противостоять авантюризму и агрессии Китая, если они с ними столкнутся. Монография Rand Corp. представляет для этого отличную «дорожную карту». □

Стационарные курсы

Democratia per fidem et concordiam
Демократия через доверие и дружбу

Отдел регистрации

George C. Marshall European Center for
Security Studies
Gernackerstrasse 2
82467 Garmisch-Partenkirchen
Germany
Телефон: +49-8821-750-2327/2229/2568
Факс: +49-8821-750-2650

<https://www.marshallcenter.org>
registrar@marshallcenter.org

Порядок регистрации

Европейский центр исследований по вопросам безопасности имени Джорджа К. Маршалла не принимает заявлений напрямую. Заявления на все курсы должны поступать через соответствующее министерство и посольства США или ФРГ в стране проживания кандидата. Тем не менее, отдел регистрации слушателей готов помочь кандидатам инициировать процесс. Запрос можно направить по электронному адресу: registrar@marshallcenter.org

Обновленное расписание курсов выставлено на вебсайте Центра им. Маршалла

ПРОГРАММА ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ БЕЗОПАСНОСТИ (ПАСС)

Основной курс очного обучения Центра им. Маршалла охватывает такие сферы, как политика безопасности, вопросы обороны, международные отношения, включая международное право и борьбу с терроризмом. Основной темой, рассматриваемой на протяжении всей программы, является необходимость международного, межведомственного и междисциплинарного сотрудничества.

ПРОГРАММА «БОРЬБА С ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ» (БТОП)

В центре внимания этой программы очного обучения находятся угрозы национальной безопасности, исходящие от контрабандных операций и других преступлений. Курс рассчитан на правительственных и государственных чиновников и практических работников, которые занимаются разработкой политики, правоохранительной и разведывательной деятельностью, а также операциями перехвата.

ПРОГРАММА «ТЕРРОРИЗМ И ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ» (ПТВБ)

Эта программа рассчитана на государственных служащих и офицеров вооруженных сил, которые в настоящее время работают на среднем и высшем уровнях управления организаций по борьбе с терроризмом, и она содержит сведения о характере и масштабах современной террористической угрозы. Программа повысит способность слушателей бороться с последствиями терроризма на региональном уровне за счет предоставления основных знаний, которые позволят служащим органов национальной безопасности сотрудничать на международном уровне в деле борьбы с террористической угрозой.

СЕМИНАР ДЛЯ ВЫСШЕГО РУКОВОДЯЩЕГО СОСТАВА (СВРС)

Это интенсивная программа, посвященная новым ключевым глобальным тенденциям, которые могут привести к появлению новых точек зрения, концепций и совместных обсуждений, а также возможных решений. Программа предназначена для высшего офицерского состава, дипломатов высокого ранга, послов, министров, заместителей министров и парламентариев. СВРС состоит из официальных презентаций, проводимых высшими должностными лицами и признанными специалистами, с последующим всесторонним обсуждением в семинарских группах.

ПРОГРАММА ПО ИЗУЧЕНИЮ ВОПРОСОВ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ (ПВКБ)

Курс посвящен тому, как решать проблемы киберпространства в соответствии с основополагающими ценностями демократического общества. Это нетехническая программа, которая помогает участникам понять характер и масштабы современных угроз.

СЕМИНАР ПО РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (СРБ)

Цель семинара – систематический анализ характера отдельных кризисов, влияния региональных субъектов, а также воздействия международных мер помощи.

В следующем выпуске журнала «per Concordiam»:

НАТО 2030: КАКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЖДУТ ВПЕРЕДИ

Истребители F-16
Королевских ВВС
Нидерландов принимают
участие в надзорной
миссии НАТО в
Прибалтике в воздушном
пространстве Литвы.

АССОЦИИЭЙТЕД ПРЕСС

ПРОГРАММЫ ДЛЯ ВЫПУСКНИКОВ

Кристофер Бурелли

Директор программ для выпускников

тел +49-(0)8821-750-2706

christopher.burelli@marshallcenter.org

Языки: английский, словацкий, итальянский, немецкий

Специалисты по связям с выпускниками

Дру Бек

Западные Балканы,
франкоговорящая Африка

Языки: английский,
французский

тел + 49-(0)8821-750-2291
ryan.beck@marshallcenter.org

Йохен Рихтер

Западная Европа

Языки: немецкий, английский

тел + 49-(0)8821-750-2814
jochen.richter@marshallcenter.org

Марк Джонсон

Восточная Европа, Кавказ,
Центральная Азия;
Специалист по кибервопросам

Языки: английский, русский,
французский

тел + 49-(0)8821-750-2014
marc.johnson@marshallcenter.org

Фрэнк Льюис

«Вышеградская четверка», Прибалтика,
Ближний Восток, Южная и Восточная Азия;
специалист по противодействию терроризму

Языки: английский, немецкий

тел + 49-(0)8821-750-2112
frank.lewis@marshallcenter.org

Донна Джанка

Северная и Южная Америка, англоговорящая
Африка, Восточные Балканы, Монголия;
специалист по борьбе с транснациональной
организованной преступностью (БОП)

Языки: английский, немецкий

тел + 49-(0)8821-750-2689
nadonya.janca@marshallcenter.org

mcalumni@marshallcenter.org

ПОДАТЬ МАТЕРИАЛ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Отправляйте статьи и отзывы в Центр им. Маршалла по адресу: editor@perconcordiam.org

ПОДПИСАТЬСЯ

Если Вы хотите подписаться на **БЕСПЛАТНУЮ** доставку журнала «per Concordiam», пожалуйста, свяжитесь с нами по электронной почте editor@perconcordiam.org

НАЙТИ НАС

Вы можете найти «per Concordiam» в интернете по адресу:

Центр им. Маршалла: <https://www.marshallcenter.org>

Фейсбук: <https://www.facebook.com/PerConcordiam>

Твиттер: https://www.twitter.com/per_concordiam

GlobalNET портал: <https://members.marshallcenter.org>

Цифровая версия: <https://perconcordiam.com>

Европейский центр исследований по вопросам безопасности имени Джорджа К. Маршалла в Гармиш-Партенкирхене, Германия.

ФОТОГРАФИЯ ПРЕДОСТАВЛЕНА ЦЕНТРОМ ИМ. МАРШАЛЛА